

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. В. ЕПИМАХОВ

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Челябинск
Издательство ЮУрГУ
2002

ББК ТЗ(2Р36) + Т4(2Р36)

УДК 902"637"(47.81)

Е672

Научный редактор
к.и.н., доцент *Н. Б. Виноградов*

Рецензент
В. И. Стефанов

Е672 **Епимахов А. В.**
Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. — 170 с.

ISBN 5-696-02255-3

Книга является монографическим исследованием, посвященным комплексному анализу погребальных памятников второй фазы эпохи средней бронзы — начала поздней бронзы. Синташтинские древности, получившие широкую известность в связи с открытием эпонимного комплекса и городища Аркаим, проанализированы с применением статистических методов. Реконструированная социально-погребальная структура сопоставлена с результатами исследования укрепленных поселений. Рассмотрены варианты социологической интерпретации, семантические аспекты погребальной обрядности, предложена модель синташтинского культурогенеза.

ББК ТЗ(2Р36) + Т4(2Р36)

УДК 902"637"(47.81)

© Епимахов А. В., 2001.
© Библиотека А. Миллера, оформление, 2002.
© Мазов С. В., фото на обложке, 1996.
© Издательство ЮУрГУ, 2002.

ISBN 5-696-02255-3

ВВЕДЕНИЕ

Открытие в Южном Зауралье серии памятников синташтинского типа в период 80–90-х годов стало одним из ярких событий отечественной археологии бронзового века. Эта оценка может показаться завышенной, однако устойчивый интерес исследователей к этой проблематике, начало которому положено еще во время раскопок эпонимного могильника, подтверждает высказанную мысль.

Изучение этого пласта памятников во многом изменило представления о содержании исторического процесса на данном временном промежутке, об уровне социально-экономического развития и, отчасти, об облике материальной культуры. Причины не только в неординарности данной группы памятников и связанной с этим обстоятельством трудностью интерпретации, но и в том, какую роль сыграли носители синташтинских традиций в формировании облика двух крупнейших общностей эпохи поздней бронзы — срубной и андроновской.

Внимание автора данной книги будет в значительной мере акцентировано на анализе материалов раскопок синташтинских погребальных памятников, которые, начиная с середины 70-х годов, активно применялись для синхронизации больших групп явлений на территории евразийской степи — лесостепи, а также для установления абсолютной даты многих культур. Кроме того, большинство отечественных ученых считают возможным использование синташтинских древностей в поисках решения арийской проблемы, что также стимулирует интерес исследователей.

История изучения синташтинских памятников связана с именами В. Ф. Генинга, В. В. Генинга, Г. Б. Здановича, Д. Г. Здановича, Н. Б. Виноградова и других археологов. Этот круг авторов, естественно, не исчерпывает перечень исследователей, принимающих участие в обсуждении общих и частных вопросов интерпретации памятников синташтинского типа. Среди имен, требующих упоминания, необходимо назвать В. С. Бочкарева, И. Б. Васильева, С. А. Григорьева, П. Ф. Кузнецова, Е. Е. Кузьмину, В. М. Массона, Н. Я. Мерперта. Материалы раскопок вошли в ряд работ обобщающего характера, в том числе зарубежных (А. Парпола, Дж. Мэллори, Д. Энтони и др.).

Однако до сегодняшнего дня не состоялась в полном объеме публикация результатов полевых исследований (в особенности, поселенческих памятников), выводы авторов зачастую базируются на общих рассуждениях, а не на анализе конкретных материалов, не сформулированы диагностирующие признаки «синташтинской культуры», хотя термин уже вошел в широкое употребление.

Таким образом, интерес к заявленной теме исследования определяется, во-первых, ключевой ролью синташтинских памятников в системе культур средней и поздней бронзы, в том числе и в уяснении их хронологической позиции, во-вторых, отсутствием конкретных проработок по такому информативному источнику, как погребальная обрядность, и, в-третьих, дискуссионностью основных проблем, связанных с интерпретацией результатов полевых исследований по частным и общим вопросам.

Среди дискуссионных проблем, связанных собственно с синташтинскими памятниками, вопросы культурогенеза и хронологии. Далеко от определенности вопрос об уровне социально-экономического развития синташтинского общества, нет единства даже по поводу хозяйственной основы существования социума, не говоря уж о степени его стратифицированности. В значительной степени это обусловлено оговоренными выше причинами, но не только ими.

Существует целый ряд объективных сложностей. С одной стороны, не всегда удовлетворяет современным требованиям качество полевых работ и публикации (например, лишь немногие исследования могильники снабжены квалифицированными антропологическими определениями), а с другой, синташтинские погребальные памятники характеризуются высокой сложностью и значительной вариативностью. Осложняющим фактором является и неразработанность внутренней хронологии синташтинской погребальной обрядности. Приходится констатировать, что на сегодня отсутствует полная характеристика синташтинской погребальной обрядности, требуют уточнения место памятников синташтинского типа в системе культур эпохи финала средней — начала поздней бронзы, роль носителей синташтинских традиций в историко-культурных процессах рассматриваемого периода.

Постановка столь широкой задачи неизбежно требует проведения целого ряда операций: анализ существующих точек зрения по основным вопросам интерпретации синташтинских памятников; выявление основных диагностирующих черт синташтинской погребальной обрядности; выделение специфических черт обрядности, характеризующих различные группы населения; сопоставление реконструируемой картины с имеющимися теоретическими моделями социальной организации.

Хронологические рамки работы ограничены периодом финала средней бронзы — временем функционирования Волго-Уральского очага культурогенеза (Бочкарев, 1991). Восточноевропейская шкала относительной хронологии использована в

качестве реперной, поскольку в рассматриваемый период имело место единство историко-культурных процессов для этого региона. К сожалению, синхронизация культурных явлений для более широкой территории остается для специалистов камнем преткновения. Особую сложность представляет уяснение соотношения скорости протекания социальных и исторических процессов, характера и роли внешних влияний в столь различных зонах, как степная и лесная. Это обстоятельство серьезно затрудняет создание масштабных культурно-хронологических систем, и, как следствие, решение более частных вопросов, среди которых может быть названа и проблема синташтинского культурогенеза.

Абсолютная хронология периода традиционно базируется на датировке щитковых псалиев, большая часть которых происходит из круга синташтинских и петровских памятников. В соответствии с Микенскими аналогиями (правомерность использования которых, впрочем, признается не всеми) время их существования до последнего времени определялось около XVI в. до н. э. Однако хронологические рамки существования этого типа конской упряжи в свете новой серии радиоуглеродных дат могут быть существенно изменены: XX—XVIII вв. до н. э. Противоречие между «традиционными» и радиоуглеродными датировками является одной из наиболее сложных проблем, дискуссия по которым далека от завершения. Не исключено, что датировка Микенских шахтовых гробниц также подвергнется корректировке в ближайшие годы.

В качестве территориальных рамок настоящего исследования избрано Южное Зауралье, поскольку на сегодняшний день оно остается единственной в пределах Волго-Уральского очага культурогенеза территорией компактного расположения укрепленных поселений и могильников, что, с одной стороны, требует объяснения, а, с другой, создает реальные возможности взаимной проверки выводов, полученных при анализе разных типов археологических источников.

За пределами очерченной территории — в Южном Приуралье и Поволжье — к настоящему моменту выявлена довольно большая группа погребальных памятников, чрезвычайно близких по облику синташтинским. Одни авторы раскопок полагают возможным определить полученные материалы как вариант синташтинских (Ткачев В., 1995), другие видят необходимость в выделении особого потаповского типа памятников (Васильев и др., 1994). Однако относительная хронология памятников финала средней бронзы Зауралья, Приуралья и Поволжья остается предметом дискуссий при всей очевидности их взаимосвязи.

Практически все рассматриваемые в настоящей работе памятники локализуются на малых реках бассейнов р. Урал и р. Тобол, в ландшафтном отношении — это зона северной степи, занимающая в соответствии с современным административно-территориальным делением южную часть Челя-

бинской и северо-восточную часть Оренбургской областей (рис. 1). Ее границы, видимо, заданы не только природно-географическими, но геологическими факторами — близостью меднорудных месторождений. Таким образом, границами распространения комплексов памятников синташтинского типа на севере является р. Уй, на западе — Уральские горы, на юге — р. Суундук. Менее ясна пока восточная граница.

В качестве источников использованы материалы раскопок пяти синташтинских некрополей, исследованных в период 1971—1996 гг. Руководителями полевых изысканий рассматриваемых памятников были В. Ф. Генинг, В. В. Генинг, Г. Б. Зданович (могильник Синташта), Н. Б. Виноградов (Кривое Озеро), С. Г. Боталов (Большаекараганский), В. П. Костюков (Каменный Амбар-5) и автор (Каменный Амбар-5 и Солнце II). Всего в базе данных учтена информация о 192 могильных ямах, происходящих из 20 погребальных комплексов.

Интерес, заявляемый широким кругом специалистов, стимулировал сокращение сроков подготовки к публикации результатов полевых работ. Значительная часть корпуса источников по данной проблематике уже увидела свет. Заслуга в подготовке и издании зауральских материалов принадлежит В. Ф. Генингу и В. В. Генингу, Г. Б. Здановичу и Д. Г. Здановичу, С. Г. Боталову, С. А. Григорьеву, В. П. Костюкову, Д. В. Нелину и автору настоящей работы (Генинг В. Ф. и др., 1992; Костюков и др., 1995; Боталов и др., 1996; Епимахов, 1996; Зданович Д., 1997), упомянутых выше синхронных памятников Поволжья — И. Б. Васильеву, П. Ф. Кузнецову, А. П. Семенову и др. (Васильев и др., 1994; Кузнецов и др., 2000 и др.). Пока в минимальной степени этим процессом охвачены приуральские синташтинские комплексы (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977; Ткачев В., 1995; 1996; 1998). Из числа неопубликованных синташтинских материалов Зауралья использованы результаты раскопок могильника Кривое Озеро, осуществленных Н. Б. Виноградовым (Antony, Vinogradov, 1995). За предоставленную возможность включить информацию в базу данных автор настоящей работы считает приятным долгом выразить автору раскопок глубокую признательность.

Следует оговориться, что при выборе вариантов социологических, демографических и семантических интерпретаций оказалось невозможным сосредоточиться на анализе исключительно погребальной обрядности. Привлечение всего корпуса данных, существенно увеличивает шансы в построении полноценных реконструкций, поэтому сопоставления проводятся во всех необходимых случаях, тем более что все рассматриваемые некрополи надежно соотносятся с конкретными укрепленными поселениями.

Работа выполнена при частичной поддержке РГНФ, проект № 02-01-00479а/Г.

Глава 1.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

§ 1.1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОГО ТИПА

Не останавливаясь на полученных выводах, научное народоведение продолжает разыскания, считая собранный материал все еще недостаточным для общего построения. Таким образом, наука опять обращается к собиранию материала и к обработке этого материала в интересах будущих поколений, а каковы будут эти обобщения, и когда мы их будем в состоянии сделать — неизвестно.

М. Сперанский

Пытаясь систематизировать историю изучения памятников синташтинского типа, автор столкнулся с некоторыми проблемами. Во-первых, сам термин, естественно, появился позднее первых систематических исследований этого типа памятников. Во-вторых, он трактуется рядом авторов расширительно и включает наряду с зауральскими материалами иные. В-третьих, в некоторых случаях культурная принадлежность памятников иначе определялась авторами раскопок и последующими исследователями. В-четвертых, продолжает сохраняться определенный параллелизм в терминологии: наряду с «памятниками синташтинского типа» широко употребляется и «новокумакский хронологический горизонт».

В силу перечисленных обстоятельств необходимо сделать следующие замечания. Причины введения

территориального ограничения (Южное Зауралье) разяснены выше. Появление отдельных синташтинских черт или памятников за очерченными границами требует своего объяснения, но не входит в задачи данной работы и должно стать темой специального исследования. Видимо, специфика синташтинского общества предопределила широкий круг разнообразных связей с достаточно отдаленными территориями. Контакты могли во многом облегчаться этногенетическим единством населения.

Автор не считал возможным ограничиться описанием истории изучения только погребальных памятников, поскольку практически все они увязываются с конкретными поселениями. Именно исследование последних стало ключевым в оценке погребальных комплексов и исследования синташтинского феномена в целом. Пришлось отказаться от использования материалов памятников горного дела по причине невозможности (во всяком случае, большой трудности) обоснования их культурной и хронологической принадлежности. Этот тип памятников достаточно широко представлен на территории Южного Зауралья и изучался различными авторами (Малахов, 1908, с. 22–27; Талицкая, 1953, с. 291–294; Сальников, 1967, с. 275–279; Черных, 1970; Григорьев, 1988; Григорьев, 1994, с. 7–9), но проблема увязки рудников с конкретными поселениями трудноразрешима на современном этапе, хотя такие попытки и предпринимаются (Виноградов, 1995а, с. 18; Зайков и др., 1995).

Наряду с термином «синташтинский» в тексте используется определение «петровский». Применение последнего в данном случае связывается нами только с комплексами укрепленных поселений и их некрополей. За рамками рассмотрения сознательно оставлены материалы раннеалакульского пласта, относящегося к следующему хронологическому периоду, хотя по отношению к ним нередко термин «петровский» употребляется как синоним «раннеалакульского» (например, Ткачев А., 1991, с. 19–20). Явление синташтинско-петровско-алакульской преемственности создает определенные терминологические сложности (Кузьмина, Шарафутдинова, 1995, с. 216), поскольку наиболее массовый культурно диагностирующий элемент (керамика) может сочетать в себе разновременные черты. Преодоление данной трудности возможно только при комплексном подходе к изучению каждого периода.

Предпочтение отдано термину «синташтинские памятники», поскольку он точнее отражает содержание рассматриваемого феномена. Термин же «новокумакский горизонт» ориентирован в большей степени на хронологический, а не культурный аспект. Поэтому, возможно, целесообразно сохранить его за выделенным авторами периодом на территории, значительно превосходящей рамки данного исследования. Во всех случаях история изучения памятника излагается с момента первого обследования до настоящего времени. Если памятник является частью комплекса, дается описание комплекса в

целом, независимо от времени выявления его составляющих¹.

Историю изучения синташтинских древностей принято начинать с находки Верхне-Кизильского клада и раскопок Мало-Кизильского селища в Верхнеуральском районе Челябинской области. Первый найден в 1926 году на р. Малый Кизил, правом притоке р. Урал, на землях п. Верхне-Кизильского (ныне территория п. Супряк). Публикация была предпринята Н. Н. Бортвиным через четыре года (Bortvin, 1928). В 1948 году К. В. Сальниковым установлено, что клад происходит с территории Мало-Кизильского селища.

В составе клада большое количество медно-бронзовых предметов, в числе которых есть формы, характерные для синташтинских и баланбашских памятников. Среди находок: серия пластинчатых орудий труда и оружия (слабо изогнутые серповидные орудия, ножи-кинжалы с перекрестьем и ромбической пяткой тесло, двулезвийный нож с невыраженной рукоятью и подквадратной пяткой «бритва», шило, крючок, долото с кованой втулкой, наконечник копья с кованой орнаментированной втулкой), значительное число украшений (литые браслеты с уплощенными несомкнутыми концами, кольца, покрытые серебром желобчатые гривны с несомкнутыми концами, очковидная подвеска, десятилепестковые бляшки-«розетки», пронизи. В комплекс также входил маленький острореберный сосуд — «светильник». Несмотря на малое количество сравнительного материала, Н. Н. Бортвиным обоснованно приведены абашевские аналогии и произведена атрибуция комплекса (Bortvin, 1928, р. 127).

Мало-Кизильское селище исследовалось К. В. Сальниковым на протяжении 1948—1950 гг. Уже к моменту первых раскопок памятник был частично разрушен карьером и огородами. Площадь оценена автором в 5000 кв. м (Сальников, 1967, с. 19). Определить планиграфию поселения оказалось невозможно, а сравнительно небольшая площадь раскопа (два участка 212 и 214 кв. м) интерпретации также не облегчила. Выявленные конструкции не позволяют их сблизить с синташтинской архитектурой, характерными чертами которой является компактное расположение крупных прямоугольных строений в пределах системы укреплений «ров — вал». При стационарных работах получена большая коллекция, включавшая, кроме керамики и костей животных, многочисленные изделия из металла и камня, а также антропологические останки. Поселение погибло в результате катастрофы, возможно, военной, что и обусловило богатство культурного слоя.

Хронологическая позиция памятника сомнений не вызывает. Орудийный металлический комплекс, несмотря на наличие оригинальных форм, находит многочисленные аналогии среди культур средней бронзы, в том числе и в синташтинских памятниках. Миниатюрные острореберные сосуды также представлены довольно значительной серией в Синташтинском и синхронных комплексах. Культурно диагностирующий комплекс — керамика и украшения — позволили К. В. Сальникову отнести клад и селище к абашевской культуре (Сальников, 1954, с. 81). Авторы коллективной монографии «Синташта» поместили Мало-Кизильское селище на карту памятников синташтинского типа, озаглавленную «Памятники XVII—XVI вв. до н. э. Южного Урала» (Генинг и др., 1992, с. 9). Однако в публикации 1995 года Мало-Кизильское селище на карте отсутствует (Зданович, Батанина, 1995, с. 55). Личное ознакомление с коллекцией раскопок позволяет автору присоединиться к точке зрения К. В. Сальникова об абашевской принадлежности селища с оговоркой, что ряд форм из материалов раскопок несводим к собственно абашевским древностям.

Особый интерес эти материалы представляют в силу нескольких обстоятельств. Близость — географическая и хронологическая — памятникам синташтинского типа открывает большие перспективы анализа взаимодействия синташтинского и абашевского населения. Абашевские памятники Южного Урала, как правило, не дают сколь-нибудь представительных серий инвентаря, позволяющего определить их хронологическую позицию (например, крупнейший южно-уральский абашевский некрополь — Старо-Ябалаклинский могильник (Горбунов, Морозов, 1991, с. 66, 125), немногим отличается и ситуация на Средней Волге (Большаков и др., 1994, с. 19—21)). Мало-Кизильское селище, несмотря на весьма скромную раскопанную площадь, дало большое количество металлических орудий и оружия и некоторые другие находки, аналогии которым происходят из датированных комплексов. В качестве примера можно привести оригинальное каменное шестиконечное навершие булавы (Сальников, 1967, с. 39), идентичное навершиям из синташтинского кургана 2 могильника Каменный Амбар-5 (Костюков и др., 1995, с. 176, 199) и поволжского поселения Лбище (Васильев и др., 1987, с. 46, 54).

К числу находок 30-х гг. с периферии синташтинской ойкумены относится погребение близ г. Орска (Паничкина, 1937, с. 233.; Формозов, 1951, с. 119—121). Хотя информация о нем не отличается полнотой, в частности, неизвестен облик керамики, некоторые обрядовые черты (крупная, глубокая могильная яма; наличие костей лошади и коллективный характер захоронения), металлические изделия (втульчатый наконечник копья с листовидным пером и ромбовидным стержнем пера; два ножа-кинжала с перекрестьем и ромбической пяткой; клиновидный топор — тесло), а также черешковые каменные наконечники стрел достаточно красноречиво свидетельствуют в

¹ Данная работа была завершена в начале 1998 г. По этой причине в ней не нашли отражения некоторые из результатов исследований последних лет, тем же недостатком страдает и историографическая часть. Однако процесс пополнения источниковой базы и ее осмысления не может завершиться «естественным» образом, поэтому приходится идти на искусственное хронологическое ограничение.

пользу хронологической близости синташтинским памятникам.

Целый ряд памятников (в первую очередь курганных могильников) был обнаружен, начиная с 50-х гг., однако их отнесение к интересующему нас периоду состоялось значительно позднее. Так, разведкой Южно-Уральской археологической экспедиции (руководитель К. В. Сальников) в 1950 г. был открыт могильник из 26 курганов к северо-западу от с. Степное. Переосмысление памятника состоялось только в 1991–1992 гг. после открытия по результатам дешифрирования аэрофотосъемки¹ (И. М. Батанина) синхронного укрепленного поселения Степное (Зданович Г., 1997). Датировка памятника эпохой средней бронзы, несмотря на отсутствие результатов стационарных работ, может быть принята с большой долей вероятности не только из-за близости поселения, но также по параметрам и характеру надмогильных сооружений. Поселение Степное, открытое в 1991 г., не подвергалось раскопкам, но наличие оборонительных сооружений, расположение и размеры жилищ, а также коллекция подъемных сборов позволяют интерпретировать поселение и его некрополь как комплекс памятников синташтинского круга.

В сезоне 1958 г. археологической экспедицией Челябинского областного краеведческого музея была исследована курганная группа I у с. Степное Троицкого района Челябинской области (Стоколос, 1962). В общей сложности вскрыто 5 курганов, которые, невзирая на тотальное ограбление, сохранили детали, позволяющие сблизить их с памятниками синташтинско-петровского круга. Методика раскопок с применением землеройной техники в значительной степени усложняет анализ комплекса, однако аргументами в пользу приведенного заключения могут быть некоторые черты керамики и обряда (размеры и форма могильных ям; следы огня; деревянные конструкции — накат, сруб; труположение погребенных; видовой состав жертвенных животных и др.).

Мнения исследователей о культурной принадлежности памятника различны. Одними могильник включался (Сальников, 1967, с. 20–21) и включается (Горбунов, 1986, с. 76) в число абашевских. К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина упомянули о нем в ряду памятников новокумакского горизонта (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 20–22), признавая наличие абашевских влияний, которые отмечены автором раскопок в качестве примера абашевско-андроновского взаимодействия (Стоколос, 1962, с. 12–13). В более поздней работе Е. Е. Кузьмина атрибутировала памятник как петровский (Кузьмина Е., 1994, с. 366).

Керамический комплекс памятника, видимо, может быть разделен на две части: синташтинскую

со следами абашевского влияния (?) и петровскую. Очень красноречивым моментом является то, что практически все синташтинские формы связаны с центральными могильными ямами, а петровские — только с насыпью. Не исключено, что при снятии насыпи с помощью техники были уничтожены периферийные и/или впускные погребения. Подобное распределение керамики (синташтинская — в центре, петровская — на периферии) достоверно установлено на целом ряде синхронных памятников (курган 10 могильника Кривое Озеро (далее — МКО) в Южном Зауралье (раскопки Н. Б. Виноградова), Танаберген II в Актюбинском Приуралье (Ткачев В., 1995, с. 169)).

Возобновление интереса к периоду средней бронзы начинается с изучения эпонимного памятника, продолжавшегося с перерывами в 1971–1986 гг. Исключением является выявление Березовского могильника в 1968 г. во время разведки в зоне строительства водохранилища на р. Уй в Октябрьском районе Челябинской области. Обнаруженные бронзовый топор и три целых керамических сосуда были интерпретированы авторами как остатки погребения из разрушенного грунтового могильника. Имевшийся к моменту публикации сравнительный материал позволил им сделать вывод об абашевской культурной принадлежности памятника (по аналогии с Синташтинским могильником) и датировать находки XVI–XV вв. до н. э. (Чебакова, Овчинников, 1975). Следует отметить, что ни топор, ни тем более керамический комплекс общих черт с собственно абашевскими памятниками не имеют и относятся, скорее всего, к синташтинско-петровскому кругу памятников. Более точная идентификация вряд ли возможна, учитывая фрагментарность материалов.

В этот же период состоялось открытие укрепленного поселения у с. Кизильское, обнаруженного В. С. Стоколосом в 1968 г. В 1971 и 1980–1981 гг. автором открытия были исследованы три фиксированных визуально котлована, а также линия укреплений. Одновременно раскопаны четыре кургана могильника, располагающегося в 100 м от границы развала внешней стены. К сожалению, открытие не попало в поле зрения специалистов. Основных причин две. Первая — методика заложения на одном памятнике большого количества раскопов над хорошо выраженными элементами рельефа. В результате были исследованы жилища, относящиеся к периоду поздней бронзы, при сооружении которых синташтинский слой был снят, и, естественно, не зафиксирован в качестве самостоятельного строительного горизонта. Вторая причина — материалы до сегодняшнего дня не введены в научный оборот. Судя по хранящимся в фондах Челябинского областного краеведческого музея отдельным находкам из раскопок могильника (бронзовые детские браслеты и навершие булавы из горного хрусталя) (Древности, 1991, с. 21), некрополь не может быть интерпретирован как памятник средней бронзы и в дальнейшем анализе не задействован. Переобследование комплекса проделано в 1992 г. Г. Б. Здановичем по резуль-

¹ Методика дистанционного выявления археологических объектов по материалам государственной аэрофотосъемки позволяет в зоне степи — лесостепи произвести по визуальным признакам надежную атрибуцию целого ряда памятников. Для Зауралья такими объектами стали городища эпохи бронзы.

татам детального дешифрирования, которым установлено наличие двух разновременных типов жилищ в пределах площади укреплений. Выяснено, что все три впадины, изученные в 1971, 1980—1981 гг. относятся к более позднему времени, чем система фортификации.

Раскопки на р. Синташта (Брединский район Челябинской области) связаны со строительством водохранилища между поселками Рымникский и Мирный. Площадь комплекса обследована отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Генинга в 1968 г. (Генинг В. Ф. и др., 1969, с. 151). Было выявлено поселение, не атрибутированное в качестве укрепленного из-за отсутствия визуально выраженных оборонительных конструкций. Стационарные работы начаты в 1971 г. Л. Н. Коряковой, заложившей несколько траншей на впадинах вокруг Большого Синташтинского кургана (СБ). В следующем году Т. Н. Чебаковой вскрыто одно жилище алакульского времени и выявлен предшествующий культурный слой, впоследствии отнесенный к укрепленному поселению (СП). Одновременно В. И. Стефановым исследован малый курган (СИ), содержащий единственную могильную яму крупных размеров, ограбленную в древности. В этом же году под руководством В. Ф. Генинга была изучена раскопками центральная часть Большого Синташтинского кургана, у южной полы которого открыт грунтовый могильник (СМ) (Алексашенко и др., 1973).

В 1973 году Л. И. Ашихминой исследованы в СМ три могилы (№ 1—3) с материалами, близкими кургану СИ. Параллельно продолжались работы на поселении, где в ходе исследования визуально фиксировавшихся жилищных впадин алакульского времени (раскоп — 800 кв. м) вновь оказался выявлен предшествующий (синташтинский) культурный слой. Таким образом, раскопками 1972—1973 гг. была изучена центральная часть СП, сильно видоизмененная поздними (алакульскими и саргаринскими) постройками (Ашихмина и др., 1974).

1974 год стал годом проведения совместной экспедиции: под руководством В. Ф. Генинга завершено изучение СМ, где исследовано в общей сложности 40 могильных ям; на СП работы велись совместно с экспедицией Воронежского университета (руководитель А. Д. Пряхин). Раскопом площадью более 800 кв. м в южной части СП был исследован котлован эпохи поздней бронзы. В пределах раскопа зафиксированы южные периферийные участки синташтинских жилищ, получена коллекция вещей данного периода (Генинг В. Ф., Пряхин, 1975). Материалы могильника позволили предложить и обосновать дату памятника — XVII—XVI вв. до н. э.

В сезоне 1975 года под руководством В. Ф. Генинга отрядом Челябинского пединститута (руководитель Н. Б. Виноградов) были проведены контрольные зачистки на периферии грунтового могильника и раскопки малого грунтового могильника (СИ), содержавшего 10 погребений эпохи средней бронзы (Генинг В. Ф., Виноградов, 1976).

В последующие два года отрядом УАЭ (руководитель Т. Н. Чебакова) продолжены раскопки СП в северо-восточной части поселения, где наряду со строениями эпохи поздней бронзы исследованы фрагменты культурного слоя синташтинского периода. Завершено исследование южной полы СБ, где расчищены деревянные конструкции сооружения (Чебакова, 1976).

Работы на поселении возобновились в 1983 году Урало-Казахстанской археологической экспедицией Челябинского государственного университета под руководством Г. Б. Здановича и В. В. Генинга. На протяжении четырех лет была исследована вся площадь поселения, выявлены его оборонительная система, круговая планировка, установлены характерные особенности синташтинской архитектуры (Зданович Г., Генинг В. В., 1985). В течение 1984—1985 гг. состоялись раскопки памятника СИ, где были вскрыты 16 погребений.

Таким образом, на протяжении 1971—1976, 1983—1986 гг. были завершены раскопки укрепленного поселения (СП), большого (СМ) и малого грунтовых могильников (СИ), комплекса курганных и грунтовых захоронений (СИ) и большого кургана (СБ), интерпретированного авторами раскопок как курган-святилище. Полная публикация материалов увидела свет в 1992 году (Генинг В. Ф. и др., 1992).

Количество комплексов, которые могут быть отнесены к синташтинским, было пополнено в 1973 году раскопками кургана 25 Новокумакского могильника близ г. Орска. В отличие от материалов Синташтинского комплекса, публикация результатов раскопок не заставила себя долго ждать (Смирнов, Кузьмина, 1976; Смирнов, Кузьмина, 1977).

В период 70-х — начала 80-х гг. во время разведочного обследования южных районов области был выявлен ряд памятников — поселенческих и погребальных, принадлежность которых к времени существования Синташты оказалась установленной позднее в ходе стационарных работ или повторного обследования после дешифрирования аэрофотосъемки. Так, разведочным отрядом УАЭ (руководитель Н. А. Алексашенко) в 1971 году в зоне строительства Караганского водохранилища в Брединском и Кизильском районах Челябинской области был выявлен среди других памятников могильник Большекараганский (далее — БК) (Алексашенко и др., 1972). Этот же памятник был повторно обследован отрядом УКАЭ в 1977 г.

Стационарные работы были начаты археологической экспедицией Челябинского государственного университета в 1987 г. в связи со строительством водохранилища. Исследование памятника в 1987—1988 гг. велось под руководством А. Д. Таирова и С. Г. Боталова, в 1991—1992 гг. — Д. Г. Здановича. Шесть курганов, несмотря на вариации обряда и сопровождающего инвентаря, по результатам раскопок могут быть датированы эпохой средней бронзы.

В процессе работ 1987 года в зоне строительства водохранилища был обнаружено уникальное по сохранности укрепленное поселение Аркаим,

некрополем которого и была часть Большекараганского могильника. В связи с угрозой затопления в 1987–1989 гг. были развернуты беспрецедентные для Урала по объему раскопки по руководством Г. Б. Здановича, которыми изучено к настоящему времени около половины площади поселения (Зданович Г., 1997) — более 8000 кв. м. После принятия решения о сохранении памятника и снятия прессинга сроков строительства темпы раскопок были резко снижены, что позволило существенно увеличить объем получаемой информации. Несомненным достоинством работы последних лет является комплексный характер исследования и приоритет неразрушающих методов перед раскопными (Тибелиус, 1995). Геофизическими методами исследована вся площадь памятника (Зданович Г., 1997, с. 48).

В этом же году состоялись рекогносцировочные раскопки крупного, видимо, разновременного поселения Утяганское I, расположенного в 1,6 км от поселения Аркаим. Керамическая коллекция памятника, по мнению авторов раскопок, типологически и технологически (Гутков, 1999) сопоставима с обнаруженной на поселении Аркаим, правда, с оговоркой о том, что «большую часть керамики можно назвать постаркаимской, в Приуралье подобная керамика представлена в коллекциях срубных поселений» (Батанина, Иванова, с. 180). На сегодняшний день — это единственный пример неукрепленного синташтинского поселения, однако оговорки авторов и отсутствие публикации материала заставляют отнестись к такой атрибуции с большой осторожностью.

В рамках хозяйственных работ АЭ ЧелГУ был изучен могильник Александровский-IV, располагавшийся в непосредственной близости от поселения Аркаим. Его открытие состоялось в 1987 году. Позднее исследовано шесть курганов, содержащих основные погребения с материалами полтавкинского облика, и впускные — с синташтинскими (Батанина, Иванова, 1995, с. 176).

В 1977 г. отрядом УКАЭ было обнаружено поселение Черноречье-III в Троицком районе Челябинской области. Переобследование памятника по результатам дешифрирования аэрофотосъемки (И. М. Батанина), проведенное отрядом археологической экспедиции Челябинского пединститута под руководством Н. Б. Виноградова, установило наличие укреплений, достаточно сложной планировочной структуры, а также тот факт, что площадь поселения значительно превышает, зафиксированную предыдущей разведкой. Стационарные работы на памятнике не проводились, но принадлежность его к кругу синташтинских сомнения не вызывает. Об этом свидетельствуют: замкнутая система укреплений; расположение, форма и размеры строений на внутренней площадке; коллекция из шурфов и подъемных сборов, а также наличие на противоположном берегу р. Черной синхронного могильника, раскопки которого велись экспедицией ЧГПИ в 1983–1984, 1986 и 1989 гг.

Курганы могильника Кривое Озеро (до 1984 г. — Маринкин могильник), располагающиеся в

250–300 м от укрепленного поселения Черноречье-III, открыты отрядом АЭ ЧГПИ (руководитель М. А. Мухина) в 1982 г. Со следующего года стационарные работы осуществлялись той же экспедицией под руководством Н. Б. Виноградова. Всего за четыре сезона исследовано 4 кургана эпохи средней бронзы (№ 1, 2, 9, 10), содержавшие в общей сложности 60 синташтинских и петровских могильных ям (Виноградов, 1995а; Antony, Vinogradov, 1995). К наиболее существенным достоинствам памятника относится не только дробная внутренняя хронология, надежно установленная благодаря стратиграфии, но и хорошая сохранность деталей обряда, конструкции колесниц и др.

В 1979 году отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции (руководитель Шевцова Т. В.) был открыт памятник у с. Елизаветпольское на р. Карагайлы-Аят, принадлежность которого к синташтинскому кругу нельзя считать окончательно доказанной. Могильник Карагайлы XXVII раскопкам не подвергался, но на распаханной поверхности одного из курганов был обнаружен фрагмент типичного синташтинского сосуда. Топография памятника и внешний облик надмогильных сооружений не противоречат приведенной датировке.

Не исключено, что некрополь относится к поселению, с территории которого происходят подъемные сборы, включающие петровскую керамику. Речь идет о поселении Елизаветпольское-7 («У моста»), впервые обследованном отрядом АЭ ЧГПИ (руководитель Ю. П. Тарасов) в 1982 году. К сожалению, сохранился только небольшой фрагмент культурного слоя. Поэтому вопрос о синхронизации могильника Карагайлы XXVII с конкретным поселением остается открытым.

Разведкой Ю. В. Тарасова на р. Карагайлы-Аят было открыто поселение Ольгино, отнесенное держателем Открытого листа к периоду развитой и поздней бронзы. Коллекция подъемных сборов наряду с синташтинской, петровской и алакульской керамикой включает большую серию металлических предметов. Результаты дешифрирования (И. М. Батанина) в 1987 году были проверены Н. Б. Виноградовым, подтвердившим наличие оборонительных сооружений по периметру площадки. В 1992 году был заложен раскоп (около 200 кв. м) с целью установления стратиграфии и выявления конструктивных особенностей оборонительного сооружения. Материалы раскопок подтвердили принадлежность укрепленного поселения к синташтинскому кругу памятников.

До 1987 года вопрос о некрополе поселения Ольгино оставался открытым. Именно тогда разведкой АЭ ЧГПИ (руководитель В. П. Костюков) был выявлен курганный могильник Каменный Амбар-5, однако в период до 1994 года открывателем исследовались только курганы, относящиеся к средневековью, хотя отчеты и содержат указание на предварительную датировку крупных земляных насыпей эпохой бронзы. В 1994–96 гг. под руководством А. В. Епимахова исследованы курганы 2

и 4, подтвердившие датировку этой части комплекса и позволивший открыть новые подходы к интерпретации и внутренней хронологии синташтинских памятников (Епимахов, 1994; Епимахов, 1996в).

В 1982 году разведочным отрядом АЭ ЧГПИ (Вершинина С. В., Мухина М. А.) были открыто укрепленное поселение Устье (Карталинский район Челябинской области) и в 2 км от него, на противоположном берегу р. Нижний Тогузак, синхронный ему некрополь — курганный могильник Солнце II. Стационарные работы на поселении (руководитель Н. Б. Виноградов) состоялись в период 1984—1991 гг. (Виноградов, 1995а). Площадь раскопок составила более 3000 кв. м. И. М. Батаниной в 1991 г. было осуществлено дешифрирование площади поселения, позволившее получить представление о памятнике в целом и детализировать картину хронологии и планиграфии исследованных участков.

В ходе раскопок установлено, что укрепленное поселение имеет минимум два хронологических горизонта, определяемых автором как синташтинский (ранний) и петровский (поздний) (Виноградов, 1995а, с. 17). Синташтинский период функционирования памятника представлен конструкциями линии обороны и колодцами внутри несохранившихся жилищ. Последнее обстоятельство позволило предположить круговую планировку поселения с радиальным расположением жилищ. Основная масса конструктивных деталей связана с петровским горизонтом, к которому относятся кроме системы обороны девять строений — «жилищ», исследованных с разной степенью полноты. На петровском этапе радиальное построение сменилось линейным при сохранении плотной застройки в пределах укреплений. Из наиболее характерных черт памятника стоит упомянуть значительное (более 1200 единиц) количество следов металлургии и металлообработки — шлаки, сплески металла, печи и др.

Некрополь поселения — могильник Солнце II — изучался в 1989, 1991—1992 гг. отрядом АЭ ЧГПИ (руководитель работ А. В. Епимахов). За это время исследованы шесть курганов данного периода, содержащих в общей сложности 10 могильных ям. Все они подверглись ограблению еще в древности, а некоторые буквально в первые годы после совершения погребения. Тем не менее, раскопки позволили установить конструктивные особенности сооружений, детали погребальной обрядности и отнести исследованную часть некрополя к синташтинскому периоду существования поселения. Особое место в ряду находок занимает хорошо документированное погребение металлурга — очень редкий случай, несмотря на широкую представленность металлургии в материалах поселений (Епимахов, 1996б).

Серия открытий сделана после применения аэрофотодешифрирования в 1987—1988 гг. В этот период по результатам работы И. М. Батаниной отрядами АЭ ЧГПИ обследованы укрепленные поселения у с. Варшавское (Журумбай-1) и с. Родники в Карталинском районе, а также близ п. Наследнический (Ягодный Дол или Наследническое-1) в Брединском районе отрядом УКАЭ —

Сарым-Саклы в Кизильском районе Челябинской области.

Укрепленное поселение Куйсак в Кизильском районе по материалам дешифрирования было идентифицировано И. М. Батаниной в 1987 г. В 1993—1994 гг. были проведены раскопки (Малютина, Зданович Г., 1995). Поселение Куйсак имеет подквадратную форму, две линии укреплений и характерное для синташтинских памятников расположение строений на внутренней площадке. При сравнительно небольшой раскопанной площади оно оказалось богато архитектурной и хронологической информацией. Установлены три строительных горизонта, при этом первые два имеют следы мощных пожаров и разрушений. Вместе с достаточно традиционными находками обнаружены и металлические изделия (медесодержащие и свинцовые), а также каменные булава и топор. Керамический комплекс разных строительных горизонтов неоднороден и включает, по мнению авторов, позднейшие, абашевские, синташтинские и раннепетровские элементы, каждый из которых соответствует определенному горизонту (Малютина, Зданович Г., 1995, с. 105). Вместе с тем, Куйсак, несомненно, относится к рассматриваемому кругу. Следует отметить, что каждый из изучавшихся стационарно памятников имеет свои отличительные черты.

Поселение Журумбай-1 на р. Карагайлы-Аят было открыто И. М. Батаниной при дешифрировании аэрофотосъемки и обследовано В. П. Костюковым в 1987 и 1992 гг. Полевым отрядом, несмотря на распахку поверхности, были установлены элементы планиграфии, определены размеры и подпрямоугольная форма памятника. Подъемные сборы и материалы шурфовки наряду с синташтинско-петровской керамикой содержали фрагменты, относящиеся к периоду поздней бронзы (алакульская и саргаринская культуры). Вопрос о некрополе может быть выяснен только в ходе стационарных работ.

Укрепленное поселение Родники на р. Каратайлы-Аят было также открыто И. М. Батаниной и впервые обследовано в 1987 году отрядом АЭ ЧГПИ под руководством Н. Б. Виноградова. Распахка сильно сгладивала рельеф памятника, однако визуальным осмотром были зафиксированы остатки укреплений, оконтуривающие площадку подквадратной формы и отдельные впадины котлованов. Автор полевого обследования предположил наличие двух групп керамики средней бронзы — синташтинской и петровской. Кроме того, среди подъемных сборов обнаружены металлургические шлаки.

В 1988 г. под руководством Н. Б. Виноградова было обследовано укрепленное поселение Ягодный Дол. Детальное дешифрирование площади памятника выполнено И. М. Батаниной в 1991 г. Благодаря развалу внешней стены, в ходе полевых работ установлено наличие двух входов и овальная планировка поселения, внутренний рельеф которого сильно искажен антропогенным воздействием. Материалы из шурфа наряду с керамикой содержали продукты металлопроизводства.

В 1996 г. были произведены микромагнитная съемка, в 1997 г. — раскопки 140 м² (руководители работ Г. Б. Зданович и Т. С. Малютин). По результатам полевых работ установлено, что поселение представляло собой два вписанных овала, оконтуренных рвами и стенами высотой 0,5–0,7 м. Памятник имеет два основных и несколько вспомогательных входов.

Раскоп заложен в разрушающейся части памятника и захватил отрезок рва с внешней стеной и часть строения. Установлена ширина основания стены — 5,5 м, ров имел ширину 3,5 м при глубине 1,0–1,3 м. Руинированная стена представлена «обломками красных обожженных кирпичей, деревянных и глиняных блоков». Стратиграфически установлено наличие двух строительных горизонтов (синташтинского и раннесрубного), разделенных и следами пожара и частичного разрушения. В пределах строения расчищены остатки системы колодец — металлургическая печь. Находки наряду с керамикой представлены бронзовыми крючками, обломками ножей, проволокой. Кроме того, в составе коллекции есть каменные изделия, фрагмент сопла, шлаки и руда (Зданович Г., Малютин, 2001).

Дистанционно было выявлено в 1987 г. и укрепленное поселение Сарым-Саклы, идентифицированное Н. Б. Виноградовым в том же году. Полевые работы осуществлены отрядом УКАЭ в 1988 г. (начальник отряда А. И. Гутков). Детальное дешифрирование аэрофотосъемки (И. М. Батанина) 1991 года подтвердило основные наблюдения, сделанные в поле. Особенностью памятника является наличие двойной стены укреплений округлой формы, в пределах которых радиально расположен только один круг строений.

Дальнейшая история открытия связана с широкомасштабными дешифровочными работами, целью которых было максимально полное выявление укреплённых поселений на территории Южного Зауралья и установление их планировочной структуры. Данная задача решалась сотрудниками ЛАИ ЧелГУ в период 1989–1991 гг. В результате были определены границы распространения укреплённых поселений, установлены основные типы планировок, на большом материале выяснена их внутренняя хронология (Зданович Г., Батанина, 1995). Все памятники были обследованы полевыми отрядами, подтвердившими и уточнившими информацию, полученную дистанционными методами.

В этот период были обследованы укрепленные поселения Степное (Троицкий район), Исеней и Чекатай (Варненский район), Селенташ и Андреевское (Брединский район), Аландское (Кваркенский район Оренбургской области). В некоторых случаях с большой долей вероятности установлены некрополи (Степное, Исеней, Чекатай, Селенташ, Андреевское). Впервые обнаружены укрепленные комплексы средней бронзы, приуроченные к озерам (Чекатай).

Укрепленное поселение Исеней на р. Каратай-Аят представлено двумя радиально-концентрическими структурами, частично наложенными друг на друга (Зданович Д., 1997). Более раннее по-

селение имеет овальную форму, позднее — близко к кругу. Оборонительные сооружения в обоих случаях дешифрируются на аэрофотоснимке как двойная стена, разделенная рвом. Поздние укрепления имеют два выхода — на запад и восток. Котлованы строений расположены радиально в один ряд. В 0,6–1,2 км от границ памятника располагается несколько курганных могильников. До раскопок определить, какой из них является некрополем поселения, невозможно. Все насыпи по параметрам, локализации и строительному материалу могут относиться к эпохе бронзы.

Укрепленное поселение и могильник Чекатай относятся к редкому типу памятников средней бронзы, расположенных на озерах (в данном случае на одноименном озере). В пределах оборонительных сооружений подквадратной формы зафиксированы более двадцати котлованов, примыкающих торцевой стенкой к внутренней границе развала стены. На отдельных участках стена двойная. Два выхода (западный и восточный) обращены к водоему и в напольную сторону. Земляные насыпи могильника отстоят от поселения на 30–160 м. Часть курганов организована в цепочки из 5–6 насыпей.

Овальное укрепленное поселение Аландское отличается от остальных памятников этого круга использованием камня в конструкции внешней стены. Единственный аналог — Ольгино, где небольшие каменные плитки маркировали внешнюю сторону обводной стены. Стационарные работы на небольшой площади ведутся центром «Аркаим», начиная с 1998 г.

Таким образом, к середине 90-х гг. достоверно установлена принадлежность периоду средней бронзы не менее 17 поселенческих памятников Южного Зауралья (рис. 1). Стационарные работы проводились на восьми из них. Некрополей известно несколько меньше — 12 (рис. 1). Эта цифра не может считаться окончательной, т. к. для ряда поселений пока не установлены могильники; с другой стороны, известны памятники, не имеющие привязки к поселению: Березовский могильник, Карагайлы-XXVII. Надо оговориться, что ни в одном из перечисленных случаев нельзя исключить уничтожения поселения в результате действия антропогенных или иных факторов. Раскопки синташтинских погребений проводились на могильниках Степное (?), Синташта, Кривое Озеро, Большекараганский, Александровский IV (?), Кизильский (?), Солнце II, Каменный Амбар-5.

Подводя краткий итог истории исследования, с некоторой долей условности можно выделить следующие периоды в изучении памятников синташтинского типа. Первый (ориентировочно до 1983 года) характеризуется накоплением материала, который не мог быть осознан как единый вне открытия всего синташтинского пласта. Даже исследование эпонимного и, пожалуй, наиболее яркого погребального комплекса не позволило осознать масштабы явления и

¹ Для ряда погребальных памятников синташтинская атрибуция не бесспорна, по этой причине они в дальнейшем исключены из статистического анализа.

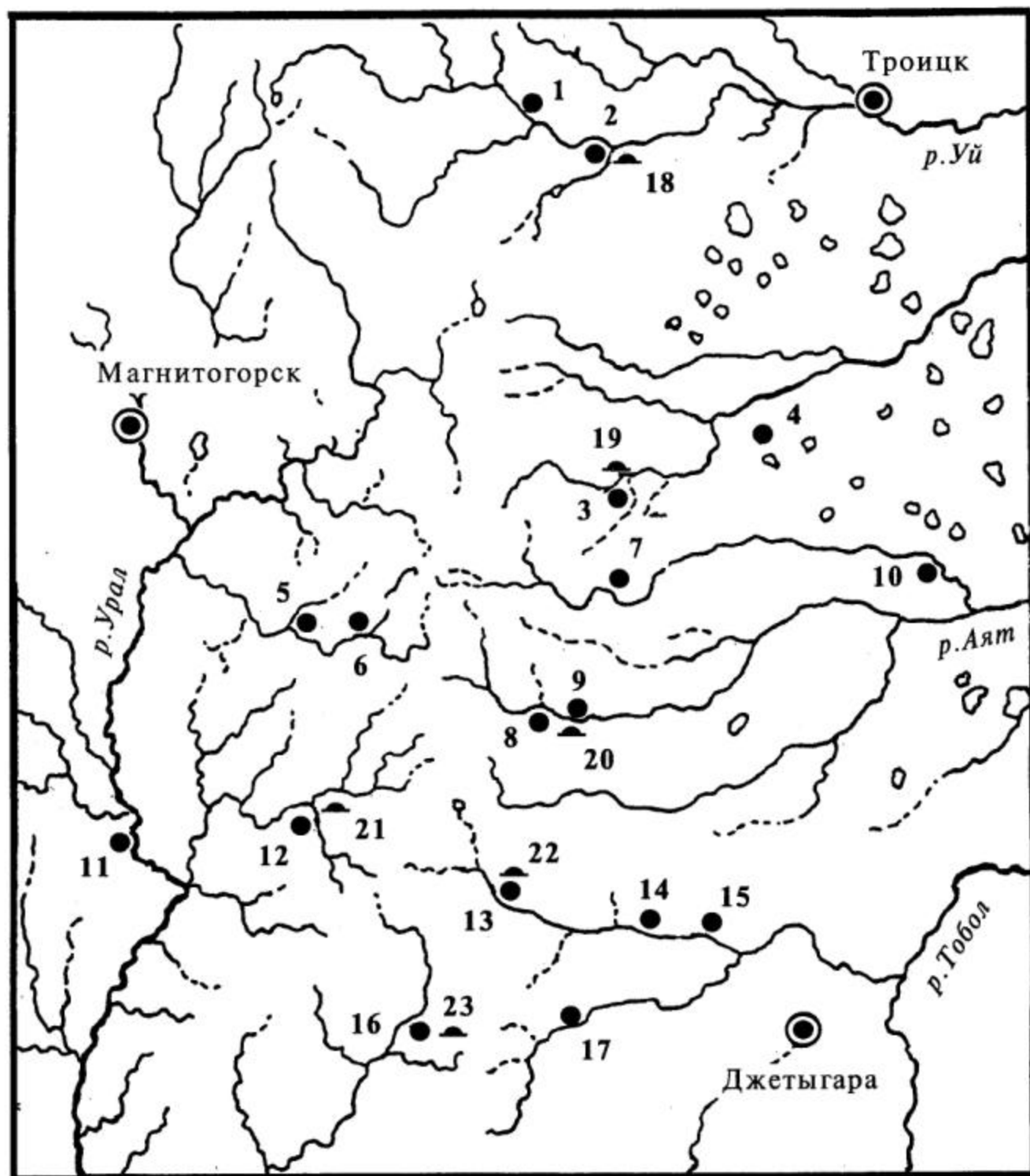

Рис. 1. Карта памятников синташтинского типа Южного Зауралья.

Укрепленные поселения: 1 — Степное; 2 — Черноречье III; 3 — Устье; 4 — Чекатай; 5 — Куй-сак; 6 — Сарым-Саклы; 7 — Родники; 8 — Журумбай; 9 — Ольгино; 10 — Исеней; 11 — Кизильское; 12 — Аркаим; 13 — Синташта; 14 — Андреевское; 15 — Селенташ; 16 — Аландское; 17 — Ягодный Дол (Наследническое). Могильники: 18 — Кривое Озеро; 19 — Солнце II; 20 — Каменный Амбар-5; 21 — Большекараганский; 22 — Синташта; 23 — Солончанка-Ia.

его характер (см. например Иванов, 1983, с. 60–61; Зданович Г., 1995, с. 23–24). Памятник воспринимался как единичный, не имеющий аналогов феномен.

Основным содержанием следующего этапа стало не только значительное пополнение коллекций из раскопок погребальных памятников, но и изучение широких площадей поселений. Установление строгой заданности внутреннего пространства поселений и, в целом, высокого для эпохи бронзы Южного Зауралья уровня развития фортификации и архитектуры является заслугой археологических экспедиций Челябинского госуниверситета и Челябинского пединститута. Использование методики дешифрирования аэрофотосъемки больших площадей, автором которой является И. М. Батанина, значительно обогатило арсенал средств археологов и позволило в короткий срок открыть и получить совершенно новую информацию о типах планировки укрепленных поселений, их фортификации, подтвердить хронологические построения, сделанные в полевых условиях, очертить границы распространения памятников этого типа.

К настоящему времени накоплена обширная источниковая база, качество которой, правда, неравноценно для разных памятников. Часть материалов введена в научный оборот с разной степенью полноты (Стоколос, 1962; Генинг В. Ф. и др., 1992; Костюков и др., 1995; Зданович Д., 1995а; Боталов и др., 1996; Епимахов, 1996б; Зданович Д., 1997), другая — только готовится к публикации. Анализ памятников в значительной степени затруднен несовершенством методики раскопок некоторых из них, отсутствием палеозоологических и антропологических определений, эпизодическим характером применения естественнонаучных методов датирования. В последние годы наметилась тенденция к подлинно комплексному исследованию памятников, однако такая практика еще не стала правилом в силу не столько традиционности подходов, сколько ограниченности средств. Таким образом, говорить о недостатке материала совершенно не приходится, дело не в его количестве, а в методах изучения.

§ 1.2. ИСТОРИОГРАФИЯ СИНТАШТИНСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Данный историографический обзор посвящен уяснению круга рассматриваемых исследователями проблем и установлению основных подходов в их решении. По этой причине анализу подвергнуты только основополагающие публикации, а также те, что содержат дополнительную аргументацию ранее высказанных идей. Очевидно, что процесс осмысления содержания синташтинского феномена не завершен (если он вообще может быть завершен), однако позиции исследователей обозначились достаточно четко, что дает реальную возможность проанализировать доказательность выдвигаемых положений.

В предыдущем параграфе при изложении истории изучения синташтинских памятников было

отмечено, что на стадии первоначального накопления материалов комплексы вследствие их фрагментарности были включены в состав абашевской культуры (см. например: Bortvin, 1928; Стоколос, 1962 и др.). Доминирование этой точки зрения было неизбежным итогом истории открытия: к моменту первых стационарных раскопок памятников, позднее отнесенных к синташтинским, за исключением абашевского практически отсутствовал иной сравнительный материал для культурно-хронологической интерпретации (Епимахов, 1993). При расширительном толковании понятия «абашевский» в круг абашевской культурно-исторической общности оказались включены наряду с средневожскими и уральскими материалами и другие — доно-вожские и зауральские — имеющие некоторое сходство в отдельных чертах материальной культуры (Пряхин, 1971, с. 4; Пряхин, 1976, с. 12–13; Беседин, Пряхин, 1995 и др.).

При исследовании Синташтинского комплекса первоначально также возобладала точка зрения об абашевской принадлежности поселения (Чебакова, 1975, с. 124), а также о наличии абашевских черт в погребальной обрядности и материальной культуре (Генинг В. Ф., 1975). В тот момент синхронность поселения и могильника не была очевидной, тем более что непереотложенный ранний (синташтинский) слой исследовался только на небольших участках на периферии строений поздней бронзы. Не избежали первоначально вывода о включении поселения в круг абашевских памятников и последующие исследователи комплекса (Зданович Г., Генинг В. В., 1985, с. 148).

Неординарность памятника была достаточно быстро установлена автором раскопок, который по итогам работ 1974 г. определил хронологические рамки могильника и место комплекса в историко-культурном контексте эпохи бронзы (Генинг В. Ф., 1975, с. 94–95). Этот момент, видимо, можно назвать точкой отсчета синташтинской историографии. В. Ф. Генингом был практически снят вопрос о назначении псалиев, установлен ключевой характер памятника в системе хронологии евразийских степей (соотношение с культурами многоваликовой керамики, абашевской и алакульской). Была продатирована серия инвентаря из металла и камня. Таким образом, были предложены ответы на ряд вопросов, возникающих в первую очередь при изучении любого археологического явления. В рамках публикации отсутствует только ответ на вопрос о культурной принадлежности памятника и этническом составе населения.

Подходы к решению были предложены в следующей статье того же автора, где впервые обобщенно представлены результаты раскопок, определены основные вариации обрядовых черт (Генинг В. Ф., 1977). Несомненным достоинством исследования стала попытка не только выделения, но интерпретации отдельных черт обряда с привлечением письменных источников, хотя в некоторых случаях автор ограничился констатацией сходства. В. Ф. Генингом установлен параллелизм, а в некоторых случаях и совпадение деталей похоронного ритуала

населения Синташты и индоиранских реалий по данным «Ригведы» и «Авесты». Впервые были сделаны замечания о конструкции погребальных сооружений, графически реализованные в издании 1992 года (Генинг В. Ф. и др., 1992). Сравнительно небольшая по объему публикация не позволила автору представить материал во всей полноте: в частности, в описании и иллюстрациях отсутствует погребальный инвентарь.

На многие годы эта статья очертила круг интерпретационных идей, связанных с синташтинской проблематикой. В частности, до последнего времени отсутствовала более развернутая интерпретация погребальной обрядности, чем это было сделано В. Ф. Генингом. Однако выборочная публикация наиболее ярких материалов во многом исказила представления исследователей, не имеющих возможность детально ознакомиться с результатами раскопок.

Археологи и в дальнейшем неоднократно обращались к «Ригведе» и «Авесте» для иллюстрирования тех или иных умозаключений по синташтинской проблематике или объяснения полученных при раскопках фактов (Ковалевская, 1977, с. 31 и др.; Кузьмина Е., 1986; Кузьмина Е., 1994, с. 11 etc; Зданович Г., 1995, с. 38; Зданович Д., 1995а, с. 48). Трудности на этом пути общеизвестны — принципиально разные типы информации, заложенные в археологических и нарративных источниках; большой хронологический разрыв между археологическими и письменными памятниками; сложный характер самих текстов (см. Авеста: предисловие, с. 5) и др. Для большинства специалистов-археологов работа в этой области — скорее «дилетантские вылазки», чем серьезное исследование. Впрочем, лингвисты также не чужаются попыток такого рода (Иванов, 1983; Стеблин-Каменский, 1995; Parpola, 1987). Поиски аналогий возможны и необходимы при соблюдении некоторых условий. Во-первых, надо хорошо осознавать, что сопоставление возможно на уровне системы (например, космологии), а не отдельного факта, сколь ни велико внешнее сходство. В противном случае велик риск выработки поверхностных аналогий, содержательная работа которых остается для нас тайной за семью печатями. Во-вторых, характер упомянутых нарративных источников предполагает скорее сравнение мифологии, чем жизненных реалий. И что бы мы ни говорили о «тотальном мифологизме» первобытного мышления (например, Мелетинский, 1976, с. 163–171; Топоров, 1982, с. 9 и др.), не стоит забывать, что археолог имеет зачастую дело с объектами, формирование которых жестко не регламентировалось (не говоря уж об их «археологизации»). Мало того, даже памятники, заведомо обрядовый характер которых нам известен (в данном случае некрополи), не демонстрируют полного единообразия. Причина этого лежит в сути обряда как социального действия. Он не только не исключает, но и предполагает творческое участие членов коллектива и, следовательно, вариативность отдельных черт в пределах основной схемы (Новик, 1984, с. 11).

Вернемся, однако, к предмету историографического обзора. Итогом рассмотрения К. Ф. Смир-

новым и Е. Е. Кузьминой круга вопросов, обозначенных В. Ф. Генингом в первых публикациях, стал выход в свет монографии (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977). Сравнительная бедность комплекса кургана 25 Новокумакского могильника не помешала рассмотрению широкого спектра проблем, поскольку были использованы результаты раскопок других исследователей, в том числе и неопубликованные материалы Синташты. Авторы посчитали необходимым ввести новый термин «новокумакский тип». К сожалению, в тексте используются несколько понятий «тип», «этап», «горизонт», дефиниции которых не приведены, что в значительной степени затемняет суть явления (Смирнов, Кузьмина Е., 1977, с. 19, 32, 34 и др.). В рамках предложенного типа/горизонта был объединен ряд памятников Приуралья и Казахстана на основании близости отдельных черт погребального обряда и материальной культуры.

Хронологические выводы авторов книги не разошлись с высказанными ранее В. Ф. Генингом: рассматриваемая группа памятников была синхронизирована с культурой многоваликовой керамики (КМК) и абашевской культурой на основании типологических параллелей, а также было установлено по стратиграфическим данным предшествование «новокумакского горизонта» алакульскому и следование за катакомбным (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 26). Специальная глава посвящена обоснованию тезиса об определяющей роли новокумакских древностей в сложении андроновской культуры и формированию андроновской металлургии в результате восточноевропейского импульса, под которым понимается КМК, полтавкинская, абашевская культуры (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 39).

Традиционно сложным оказался вопрос об абсолютной хронологии выделенной группы памятников ввиду дискуссионности датировок эпохи бронзы в целом. Сосуществование длинной и короткой хронологий сейминско-турбинских бронз (в соответствии с двумя линиями синхронизации — западной и восточной), естественно, не позволяет однозначно определить хронологические рамки и досейминского горизонта. Даже использование для датировки (по Микенским аналогиям XVI в. до н. э.) столь яркой категории инвентаря, как щитковые псалы, проблемы полностью не снимает, т. к. исследователи высказывают диаметрально противоположные мнения в вопросе о прототипах и дериватах.

К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина привели свои аргументы в этом затянувшемся споре. Отмечено наличие связей восточноевропейской степной бронзы с Микенами, которое документировано довольно основательно и серьезных возражений не вызывает. Закрывая главу об абсолютной хронологии, авторы монографии сочли возможным привести узкую дату новокумакских памятников — XVI в. до н. э. — на основании малочисленности памятников, их смешанного, эклектического характера, обусловленного непродолжительностью периода бытования. Последнее утверждение не выдержало проверки временем (см § 1.1 настоящей работы); что касается проблемы датировки, приходится констатировать, во-

первых, отсутствие принципиальных новаций в этой сфере (см., например, Черных, Кузьминых, 1989, с. 259–261), а во-вторых, появление дополнительной аргументации в пользу длинной хронологии в виде серии дат, полученных методами естественных наук (см. § 1.3 настоящей работы).

Заключительная глава посвящена проблеме этнической принадлежности и реконструкции социальной структуры, рассмотрены вопросы происхождения, которое связывается авторами с западным импульсом в форме миграции. Новокумакский же комплекс отражает переходный период к алакульскому этапу. Далее авторами обосновывается индоиранская принадлежность новокумакских памятников. В доказательство приводятся выводы лингвистов о локализации прародины индоиранцев; культурная преемственность населения эпохи бронзы и кочевников раннего железного века Поволжья и Приуралья, языковая принадлежность которых установлена по античным источникам; данные о традициях коневодства и колесничной запряжки. В заключение авторы делают попытку отождествить трехчленную структуру общества (вайшья, брахманы и кшатрии), реконструированную по данным письменных источников, с археологическими реалиями. Исходя из наличия воинских погребений, они приходят к выводу о существовании социальной дифференциации общества и выделении в нем «привилегированной группы воинов-колесничих» (Смирнов, Кузьмина Е., 1977, с. 57). Археологические свидетельства существования иных социальных групп приведены не были.

Проделанная работа не получила безоговорочной поддержки специалистов. В. С. Стоколос, сосредоточив внимание на керамической коллекции, счел неубедительным отнесение памятников у с. Степное и Раскатиша к новокумакскому типу (Стоколос, 1983, с. 258–259). Он высказал мнение о возможности синхронизации новокумакских и алакульских материалов, поскольку им постулировалось автохтонное происхождение последних. Близкая точка зрения на происхождение алакульской культуры отстаивается Т. М. Потемкиной, которая выделяет две тенденции культурного развития: чистые алакульские комплексы, в основе которых лежат древности местной ранней бронзы, и памятники, имеющие следы инокультурных компонентов (абашевского и близкого ему новокумакского). Таким образом, оказался оспорен один из основных тезисов К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой о формировании андроновской общности на новокумакской основе. Памятники, включенные в этот круг, были охарактеризованы как результат взаимодействия позднеабашевского населения с населением — носителем раннеалакульских и раннесрубных традиций (Потемкина, 1983, с. 26; Потемкина, 1985, с. 259–271).

Сомнения были высказаны по поводу необходимости введения нового термина, равнозначного по содержанию «досейминскому хронологическому горизонту» (Зданович Г., 1983, с. 48), и объединения разнородных памятников в рамках одного этапа (Членова, 1984, с. 88). Неубедительной со-

чала Н. Л. Членова и хронологические построения, базирующиеся на признании доалакульского характера новокумакских памятников. В связи со смешанным абашевско-андроновским обликом новокумакских памятников она более осторожно высказалась о языковой принадлежности их создателей, хотя андроновские памятники Н. Л. Членова считает индоиранскими. Среди отечественных археологов индоиранскую атрибуцию комплекса оспорили только Л. С. Клейн и Ю. А. Шилов (Клейн, 1988, с. 205–206; Шилов Ю., 1995), первый из которых считает индоиранцами носителей катакомбных традиций, а второй, локализуя индоиранцев в районе Поднепровья, датирует их еще более ранним периодом.

Серия перечисленных публикаций на долгие годы осталась единственным источником фактов и идей, связанных с проблемой Синташты. Материалы, которые были «на слуху», не были явлены абсолютному большинству специалистов и продолжали фигурировать в разных культурно-хронологических построениях разрозненно. Как результат, практически все исследователи вынуждены были следовать выводам предшественников по общим и частным вопросам. Между тем, проигнорировать сам факт существования столь яркого комплекса было невозможно, поскольку он заставил обратиться к более широкому кругу проблем. Примером может служить пересмотр периодизации срубной культурно-исторической общности (Мерперт, Пряхин, 1979).

Примеров использования части материалов раскопок Синташтинского могильника несколько. К числу наиболее фундаментальных относятся исследования Н. А. Аванесовой, рассмотревшей металлический инвентарь андроновского культурного массива (Аванесова, 1978 и др.), и Е. Е. Кузьминой, уделившей много внимания проблеме типологии и хронологии конской упряжи эпохи бронзы (Кузьмина Е., 1980). В том и другом случае объектом изучения стали ключевые с точки зрения хронологии и культурных связей категории инвентаря. Полученные результаты были во многом обеднены заданными узкими рамками исследования, которое предшествовало комплексному рассмотрению явления, маркирующего наиболее ранний этап андроновских древностей (или, в соответствии с иным подходом, предшествующий им).

Остановимся несколько подробнее на теме псалиев в изложении Е. Е. Кузьминой. Хотя автор не был первым в разработке данной темы (Лесков, 1964; Чередниченко, 1975; Пряхин, 1976, с. 122–125; Оансеа, 1976), благодаря широкому территориальному и хронологическому охвату ему удалось создать логически стройную классификацию и построить модель развития данной категории инвентаря. Следует отметить, что предложенная Е. Е. Кузьминой схема эволюции псалиев на сегодняшний день не подверглась существенной ревизии и была без изменений перенесена автором в более позднюю публикацию (Кузьмина Е., 1994, с. 171–189), в которой она отказывается от термина «дисковидный» и оперирует определением

«щитковый», введенным в употребление Г. Б. Здановичем (Зданович Г., 1985; Зданович Г., 1986). Правда, имеют место и некоторые фактические противоречия: известно достаточно много случаев совместного нахождения в закрытых комплексах псалиев разных типов. Часть таких примеров приведена автором (Кузьмина Е., 1994, с. 176), но их много больше.

К сожалению, лишь в последние годы получила продолжение работа К. Ф. Смирнова по реконструкции конской упряжи (Смирнов К., 1961), выполненная с блеском несмотря на то, что в распоряжении автора было только 12 экземпляров псалиев. Сегодня, когда серия предметов, связанных с этой сферой, достаточно велика, перспективы решения вопросов внутренней хронологии псалиев связаны с их трассологическим изучением, которое должно выявить «функционально не обусловленные детали» (Кузьмина Е., 1980, с. 13), а также определить нефункциональные экземпляры. После этого степень доказательности эволюционных рядов будет качественно иной. Такая работа частично выполнена для восточно-европейских памятников эпохи бронзы (Пряхин, Беседин, 1998).

Г. Б. Здановичем на протяжении ряда лет синташтинские древности рассматривались как своеобразный вариант петровской культуры, выделенной, в основном, на материалах Северного Казахстана (Зданович Г., 1983, с. 50, 56, 60) и связанной происхождением с местными энеолитическими корнями. В числе памятников Южного Зауралья оказались объединены Синташтинский могильник и раннеалакульское поселение Кулевчи III. В результате такого объединения до сегодняшнего дня не изжито представление о тождественности (во всяком случае, близости) терминов «петровский» и «раннеалакульский». Мнение автора оказалось практически неизменным и при подготовке монографического издания (Зданович Г., 1988, с. 110, 132, 135). При формулировании позиции в вопросе о происхождении культуры был усилен акцент на взаимодействие с западными культурами при учете влияния южных земледельческих культур (Зданович Г., 1988, с. 139).

Год спустя мнение автора претерпело существенные изменения, детонатором которых стало открытие и начало изучения укрепленного поселения Аркаим (Зданович Г., 1989). Поскольку эта публикация стала поворотным моментом в синташтинской историографии и содержит большинство идей, далее уточнявшихся и конкретизируемых автором, имеет смысл остановиться на ней максимально подробно. Впервые данная группа памятников получила наименование петровско-синташтинской (Зданович Г., 1989, с. 180), а далее «урало-казахстанская степная культура» разделяется на два варианта: синташтинский и петровский, которые, согласно гипотезе автора, могут быть отождествлены с древними иранцами и протоиндийцами соответственно (Зданович Г., 1989, с. 189). Несколько позднее древности периода средней бронзы получили наименование «южно-уральского варианта

петровско-синташтинского культурного пласта» (Зданович Г., 1992б, с. 79).

Автором дано обобщенное описание планировки и объемно-пространственного решения синташтинских укрепленных поселений, их системы фортификации, основанное на результатах исследования Синташты и Аркаима, которые интерпретируются как религиозно-административные и хозяйственные центры (Зданович Г., 1989, с. 187). Основная идея, проходящая красной нитью, — обоснование тезиса о соотносимости данного типа памятников с ранним городом и возможности интерпретации феномена как протоцивилизации. Признаками урбанизации являются, по мнению Г. Б. Здановича, создание поселения и системы фортификации по единому плану, обусловившему архитектурное единство, активное и рациональное использование «городского пространства» с выраженными функциональными характеристиками, унификация культовой практики, появление пиктографических знаков — начальный этап становления письменности.

Основой хозяйственной жизни автор считает орошаемое земледелие лиманного типа и скотоводство при значительной роли металлургии и металлообработки. Вокруг «города» на расстоянии 5–6 км, по утверждению автора, располагалась сельскохозяйственная округа из не менее двух-трех небольших поселений. Для поселения Аркаим им позднее (Зданович Г., 1997, с. 58) упоминаются пять таких объектов, из которых лишь один исследовался стационарно (Утяганское I — в коллекции которого типологически выделяется «постаркаимская» группа (Батанина, Иванова, 1995, с. 180)), для некоторых не установлена даже мощность культурного слоя. Согласно схеме, приведенной в близкой по времени публикации (Зданович Д., 1997, с. 14), расстояние до городища для трех из них составляет менее 1,7 км. Таким образом, этот принципиально важный при реконструкции системы расселения показатель несколько отличается у разных авторов.

В вопросе о происхождении синташтинско-петровских памятников автор остался верен мнению о единой ботайско-суртандинской основе сложения культуры, специфика Южного Урала обусловлена абашевским воздействием. Оказались исключены только влияния южных земледельческих центров (с чем не согласилась Л. Я. Крижевская (Крижевская, 1993)); мало того, специально оговаривается сложение замкнутой системы укреплений в условиях слабо расчлененного степного рельефа. О сложении строительной традиции в местных условиях свидетельствует и полное игнорирование камня в качестве строительного материала¹.

Проанализируем тезис об урбанистическом характере синташтинских поселенческих памятников,

¹ Без дополнительных комментариев это положение, видимо, не следует анализировать, поскольку, во-первых, для Зауралья трудно говорить об отсутствии возможностей использования камня, а, во-вторых, каменные конструкции все же имели место на поселениях Ольгино и Аландское.

что, по мнению автора, является основанием интерпретации данного феномена как цивилизации. Правда, в последующих публикациях укрепленные поселения определяются более осторожно: как сочетание крепости, ремесленного центра, храма и жилого поселка, близкого по содержанию к ведическому понятию «вриджана» (Зданович Г., 1992а, с. 265). Однако и эта статья содержит практически идентичную аргументацию идеи урбанизма на материалах исследованной части поселения Аркаим.

Несколько смещен акцент в определении характера хозяйства: первичным становится скотоводство, но тезис о наличии орошаемого лиманного земледелия сохранен. В статье 1995 г. Г. Б. Зданович о роли земледелия высказывается менее категорично (Зданович Г., 1995, с. 31). Эта публикация конкретизирует точку зрения автора на степень развития социальных отношений общества этого времени, оценивая которую, он определяет поселенческие комплексы как протогорода — центры формирующихся государств номового типа. Их своеобразие в южно-уральском варианте объясняется особенностями степной экосистемы (Зданович Г., 1995, с. 37). Сторонником протогородской интерпретации южно-уральских укрепленных поселений эпохи средней бронзы является и Н. Я. Мерперт (Мерперт, 1995, с. 116).

В своем утверждении о создании памятников типа Синташты по единому плану Г. Б. Зданович во многом основывается на тезисе об археологической одновременности каждого памятника (или строительного горизонта для многослойных поселений). Наиболее ярким образцом представляется Аркаим, где исследована различными методами практически вся площадь в пределах линии внешней стены. Однако изучение чертежей памятника убеждает в наличии перестроек во внутреннем круге жилищ, а также в том, что поселение могло формироваться путем достраивания «блоков», наиболее «поздним» из которых является северо-западный. Факт протяженности во времени процесса возведения подтверждает и наличие третьего недостроенного круга жилищ (Зданович Г., 1997, с. 47). Невозможно исключить и существование на каком-то этапе внутреннего круга строений без внешней линии (косвенным доказательством могут служить укрепленные поселения Сарым-Саклы и Исеней с единственным рядом радиально расположенных построек). Все изложенное выше отнюдь не исключает планирования основных элементов структуры памятника, которые могли задаваться и астрономически (Зданович Г., 1992, с. 266). Однако сооружение в первую очередь внешней стены (вполне реальное допущение с точки зрения ритуальной (Байбурин, 1983, с. 26) и прагматической) задавало достаточно жесткие рамки для каждой семейной общины, занимавшейся строительством (Зданович Г., 1992, с. 265).

Приходится отметить явно завышенную оценку количества населения памятника в целом (до 2,5 тысячи человек) и отдельных домов (их насчитывается на Аркаиме около 60), число обитателей в которых должно было превышать в сред-

нем 40 человек. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в § 4.1 настоящей работы, пока необходимо отметить наличие иной оценки численности населения поселения Аркаим — менее тысячи жителей (Епимахов, 1996а).

Урбанистическим признаком является выделение функциональных зон в пределах поселения. Иллюстрирование этого утверждения материалами исследования конкретных памятников представляет серьезные затруднения. Достаточно высокий уровень развития металлургии и металлообработки синташтинского населения документирован многочисленными находками на поселениях и в некрополях (Зданович Г., 1989, с. 185; Григорьев, 1994; Виноградов, 1995а, с. 18–19 и др.). Но выделить «ремесленные» кварталы или отдельные помещения не удастся. Создается впечатление, что следы металлургических процессов равномерно распределены по всему поселению. Еще менее доказуемо существование кварталов (или строений), принадлежащих группам (или лицам) с высоким социальным статусом. Напротив, материалы исследования поселений демонстрируют вполне эгалитарную картину: практически идентичные интерьеры, отсутствие престижных, редких вещей. Строения внутреннего круга на Аркаиме отличаются от «внешних» только наличием ремонтов и перестроек, а также чуть более высокой концентрацией находок¹, поэтому эта часть вряд ли может быть охарактеризована как цитадель. Известны, как уже отмечено, памятники, имеющие единственную линию укреплений.

Недоказуемо утверждение об унификации обрядовой практики. Вариативность погребального обряда создает впечатление динамичной выработки новых стереотипов культовой практики, а не ее закрепленности. Использование же в качестве доказательства высокого уровня развития культовой практики случайных, хотя и очень ярких находок скульптуры, вряд ли можно считать закономерным в силу отсутствия датированных аналогов и несовпадения ареалов.

Мнение Г. Б. Здановича о существовании земледелия лиманного типа нуждается в дополнительных (в частности, карпологических) анализах. Пока же, до более определенных высказываний специалистов-естественников, существование этого вида сельскохозяйственного производства в аридной зоне (где по сей день земледелие остается рискованным) будет неизбежно восприниматься весьма скептически. Данное утверждение не подтверждается синхронными материалами сопредельных территорий, где споро-пыльцевые анализы не зафиксировали наличия культурных злаков (Горбунов, 1992б, с. 15).

В. С. Бочкарев считает, что хозяйство синташтинцев имело яркую скотоводческую направленность (Бочкарев, 1995, с. 21). Еще более категоричен в отрицании возможностей существования земледе-

¹ Состав их существенно не отличается, а количественное преобладание легко объяснимо более длительным обитанием жителей в этих строениях.

для С. А. Григорьев (Григорьев, 1996г, с. 45). По утверждению Н. Б. Виноградова «синташтинские комплексы, возможно, отражают жизнь специализированных общин, одной из ведущих отраслей хозяйства которых была добыча руды и ее переработка в металл». Именно эта отрасль и определила облик данной группы памятников (Виноградов, 1995а, с. 25). Налицо расхождение позиций исследователей, которые, оперируя одним набором видов хозяйственной деятельности, по-разному оценивают значение каждого из них в жизни общества.

Общим практически для всех авторов является признание большого значения металлургии в формировании культурного облика синташтинского населения. Речь ведется о ремесленной специализации (Бочкарев, 1995, с. 22) или «специализированном» обществе металлургов (Виноградов, 1995а, с. 25–26). Стоит, однако, помнить о весьма скромном отражении данной отрасли в погребальном обряде. Равномерный характер распределения продуктов металлургического производства в пределах поселений и отсутствие специализированных «металлургических» кварталов также заставляют сомневаться в ремесленном характере производства.

В основании постулата о яркой скотоводческой направленности синташтинского хозяйства лежит впечатляющее количество животных, использованных в погребальных ритуалах, поселения же менее богаты остеологическим материалом. Это позволило выдвинуть предположение о получении скота в ходе обменных операций, основным предметом экспорта мог быть только металл (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 55). В качестве вероятной сферы хозяйственной активности синташтинцев Л. Л. Гайдученко были предложены экспортно-импортные операции, при которых предметом экспорта служили лошади высоких эксплуатационных качеств, а импортировался крупный рогатый скот (Гайдученко, 1995). Построения автора основаны на расчете площади загонов для скота по результатам дешифрирования аэрофотосъемки и несоответствия соотношения рассчитанного поголовья картине, полученной при анализе остеологических коллекций поселения. Думается, что столь серьезные выводы требуют более тщательного подбора аргументов и проверки результатов перекрестными методиками¹. Тем не менее, на этом строится утверждение о «военно-скотоводческом» характере синташтинской системы хозяйства, существующей в значительной мере благодаря насильственному изъятию скота у соседей (Григорьев, 1996г, с. 46).

В обсуждении темы хозяйства и общественной структуры большое внимание уделяется тезису о существовании своеобразной иерархии неукрепленных поселений — формировании «территориальных округов» вокруг укрепленных поселений (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 54–55; Зда-

нович Г., 1997, с. 58; Зданович Д., 1997, с. 9–21). В некоторых случаях этот тезис становится отправной точкой серьезных выводов об уровне социального развития (Березкин, 1995а, с. 37 и далее; Бочкарев, 1995, с. 22–23). Приходится констатировать, что такие памятники достоверно не установлены даже для территорий, достаточно хорошо обследованных многолетними разведками (микрорайоны Синташты, Каменного Амбара и Устья). Для Аркаима существование таких поселений пока не удостоверено стационарными, а для некоторых — даже полноценными разведочными исследованиями (Зданович Г., 1997, с. 47).

В оценке реалий социальной жизни синташтинского общества существует большой разброс мнений, определяемых системой отсчета. С точки зрения экономики речь, как правило, идет о достижении уровня развития производства, обеспечивающего получение прибавочного продукта. В вопросе о его перераспределении и социальной стратификации, с ним связанной, также отсутствует единство мнений. Г. Б. Здановичем высказана мысль о зарождении элементов частной собственности, вступающих в противоречие с традициями уравнилельного распределения (Зданович Г., 1995, с. 39). Он определенно высказывается «за» возможность выпадения из сферы производства групп людей, деятельность которых связана с отправлением культов и, видимо, с организацией общественных работ. Достижение предгосударственного уровня, видимо, должно найти отражение в определенных чертах исследуемых памятников. Перечень признаков государственности варьирует у разных авторов (Массон, 1976, 1989а; Семенов, 1992), однако в данном случае не наблюдается ни развития письменности, ни монументальных построек, ни иных черт зарождающегося государства.

В. С. Бочкарев придерживается мнения о существовании знати, возникновение которой стимулировало высокую степень специализации ремесла (Бочкарев, 1995, с. 20, 27–28). Социальная организация определяется им как вождество — общество, достигшее предгосударственного уровня. Однако не все приведенные им признаки вождества (ремесленная специализация, социальное ранжирование, укрепленные центры, культовые места, монументальные сооружения, концентрация власти в руках военной элиты) представлены в равной степени. Выше мной уже приведены некоторые соображения по поводу ремесленного характера производства и наличия укрепленных центров (имеется в виду существование и неукрепленных поселений). Утверждение о социальной стратификации уже стало настолько само собой разумеющимся, что появилось определение «погребения знати» (Васильев и др., 1992; Массон, 1989б, с. 85–86; 1995, с. 108). Остается без ответа вопрос, где погребения «незнатного» населения и чем они отличаются? Единственным, кочующим из публикации в публикацию, примером культового места является Большой Синташтинский курган. При этом доказанной считается его принадлежность к эпохе средней бронзы, которая отнюдь не очевидна.

¹ Полезным в этом плане может быть сопоставление физических параметров скота для сравниваемых регионов.

Что касается концентрации власти в руках военной элиты, то это заключение чисто археологически методами недоказуемо.

Содержание самого термина «вождество» не является общепринятым. В частности, некоторыми авторами в определение вообще не включается в социополитические дефиниции увязка с конкретными формами производства и потребления (Березкин, 1995а, с. 30). Синташтинское общество, видимо, достаточно уверенно может быть отнесено к среднемасштабным, представляющим собой объединения, члены которых постоянно совершают акты передачи своих властных полномочий. Вряд ли вызовет возражение утверждение, что в погребальном обряде не фиксируется существование резко обособленной элиты, еще ярче это демонстрируют материалы поселений. До проведения детального анализа нет возможности оценить характер различий в погребальном обряде.

Демографические аспекты не относятся к числу хорошо разработанных тем синташтинской проблематики, между тем, именно демография может определить подходы к анализу социально-экономического облика явления (Кожин, 1994). Исключениями пока остаются препринт Д. Г. Здановича (Зданович Д., 1997) и уже упомянутая выше статья Ю. Е. Березкина, который интерпретирует поселенческие памятники синташтинского типа как церемониальные центры, служащие интеграции рассеянного населения.

Такое расселение, по мнению Ю. Е. Березкина, обусловлено экономической нецелесообразностью совместного проживания. Автор, принимая с некоторыми оговорками оценку синташтинского общества как вождества, в своих выводах довольно категоричен: он считает, что речь не может идти о достижении предгосударственного уровня и возникновении городской цивилизации (Березкин, 1995а, с. 38–39). Аргументация представляется достаточно основательной: действительно, отсутствует ярко выраженный, доминирующий над остальными укрепленными поселениями центр (как это зафиксировано, например, в трипольских памятниках (Вадейко, 1992)), нет свидетельств накопления сокровищ в руках вождей. Правда, в отсутствие прямых свидетельств существования рассеянного населения, о чем сказано выше, не совсем корректно акцентирование именно религиозных функций центров (Потемкина, 1995а).

Альтернатива вождеской интерпретации социальных основ синташтинского общества выдвинута Д. Г. Здановичем, который определил социум как протополис (Зданович Д., 1997). Подробный разбор аргументов и выводов будет выполнен ниже (см. § 4.1 настоящей работы).

Несколько в иной, неурбанистической плоскости оценивает синташтинскую эпоху В. М. Массон, рассматривающий синташтинские памятники как результат формирования раннего комплексного общества, эпохальные стереотипы которого оказались привнесенными извне. Наиболее весомым аргументом в пользу данного утверждения служит дальнейшая судьба явления, которое подверглось

дезинтеграции вместе с утратой факторов, ведущих к концентрации власти (Массон, 1991; Массон, 1995, с. 108). Признаками таких обществ являются свидетельства крупномасштабной организованной деятельности (большие поселения с регулярной планировкой, монументальные культовые центры и экстраординарные погребальные комплексы) (Массон, 1996, с. 90).

В целом, интерпретация рассматриваемой исследователями группы памятников пока различается весьма существенно. Часть из них оперирует термином «синташтинская культура» (Кузьмина О., 1992, с. 74–76; Кузнецов, 1996, с. 42–43; Григорьев, 1996г), есть мнение о надкультурном характере явления в целом (Зданович Г., Зданович Д., 1995) или его части (Массон, 1995, с. 107). Третьи интерпретируют явление в качестве зауральского варианта абашевской культуры (Горбунов, 1992, с. 144, 197). Столь широкий разброс мнений в решении самых общих вопросов обусловлен в числе прочих причин непроработанностью конкретных археологических проблем (Зданович Г., 1995, с. 30).

По многим направлениям первые шаги уже сделаны, другие только обозначены. К числу наиболее обсуждаемых вопросов относится генезис синташтинского феномена. С самого начала изучения авторами высказывалось мнение о западной ориентированности основных культурных черт (Генинг В. Ф., 1977; Смирнов К., Кузьмина Е., 1977), был очерчен круг культур синхронных и предшествующих. На сегодняшний день предложены в качестве исходных практически все возможные комбинации археологических культур периода средней бронзы. Многими исследователями предполагается возникновение синташтинских памятников в результате миграции населения из прилегающих территорий на местной энеолитической основе. Обратимся к конкретным вариантам.

Участие местного энеолитического и раннебронзового населения — ботайского-терсекско-суртандинского, приишимского вишневского и нижнетобольского ташковского — в формировании облика культур средней и поздней бронзы обозначается целым рядом авторов (Зданович Г., 1983, с. 48–68; Потемкина, 1985, с. 259–271; Зданович Г., 1989, с. 189; Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 51; Логвин, 1995). В пользу такого мнения приводятся два доказательства: скотоводческие (в частности, коневодческие) традиции ведения хозяйства и геометризм в орнаментации керамики. Хронологический разрыв энеолитическими и среднебронзовыми памятниками должен был заполняться не выявленными пока постэнеолитическими памятниками. Критический разбор сближения традиций керамического производства уже выполнен (Мосин, 1990), и их принципиальная разнородность представляется очевидной. Наличие скотоводства на энеолитических памятниках документировано весьма скромным количеством находок, принадлежность костей именно одомашненным животным труднодоказуема. Не все исследователи безапелляционно отстаивают точку зрения о скотоводческом хозяйственном укладе ботайского энеолитического населения (Зданович Г.,

Зайберт, 1989, с. 81–83), есть и сторонники мнения об охоте, как основе хозяйства этого периода (Кузьмина Е., 1997).

Принять безоговорочно мнение об участии ташковской культуры в сложении памятников типа Синташты не позволяют несколько обстоятельств: неопределенность хронологической позиции явлений друг относительно друга (Виноградов, 1995а, с. 26), почти полное отсутствие у первой металлургических традиций, во многом определявших облик синташтинских памятников, а также «нестепной» облик ташковской культуры. Относительная же хронология ташковской культуры может быть определена благодаря ее частичной синхронизации с алакульскими древностями (Матвеев, 1995а, 1995в; 1998, с. 113). Что касается последних, то сомнения по поводу их более поздней даты относительно синташтинских памятников (для Притоболья) высказаны только Т. М. Потемкиной (Потемкина, 19956, с. 17).

Закономерным при решении вопроса происхождения синташтинских памятников является обращение исследователей к культурам степного-лесостепного круга. Особенно часто в качестве носителя степных курганных и металлургических традиций называются ямная культурно-историческая общность (КИО). Причины очевидны: памятники ямной КИО были в основном открыты в Южном Приуралье в последние годы (Богданов, 1990; Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992; Кравцов, 1992; Моргунова, Кравцов, 1994; Ткачев В., 1997 и др.); исследователи уверенно говорят о наличии социальной и имущественной дифференциации в ямной среде (см., например, Моргунова, 1992, 1995).

Участие носителей ямных традиций в процессе формирования памятников синташтинского типа по-разному оценивается археологами: от признания их определяющей роли (Виноградов, 1995а, с. 25) до одного из многих компонентов (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 51; Зданович Г., 1997, с. 60). Предпочтение любой из версий осложняется отсутствием датирующих материалов для позднейших памятников. Если же экологическую ситуацию, реконструированную по материалам Большекараганской долины, экстраполировать на все лесостепное Зауралье (Лаврушин, Спиридонова, 1995, с. 170; Мосин, 1995), то участие носителей ямных традиций может быть только опосредованным. Правда, необходимо оговориться, что среди специалистов-естественников тоже нет полного единства мнений о климатических изменениях периода 4300–3500 лет назад (Зданович Г., 1997, с. 58). На возможное сближение хронологии позднейших и синташтинских памятников указывают даты, полученные методами радиоуглеродного датирования (см. § 1.3. настоящей работы), а также некоторые стратиграфические факты на территории Приуралья (Ткачев В., 1996).

Модификацией точки зрения о ямном субстрате можно считать оговорку о катакомбно-полтавских истоках культурной трансформации на рубеже средней и поздней бронзы. Указывается даже конкретная территория импульса — Северное

Предкавказье (Ткачев В., 1997, с. 73; Мочалов, 1996, с. 85–86). Основанием для сближения служат некоторые детали погребальной обрядности, а также факты технологии керамического производства. Широкою дискуссией вызвала публикация результатов раскопок памятников потаповского типа (Васильев и др., 1994). Различные специалисты видят в поволжских и приуральских погребальных комплексах этого типа либо западный вариант синташтинского феномена (Отроченко, 1996 и др.), либо итог местного развития полтавской культуры (Васильев и др., 1995а; Васильев и др., 1995б; Васильев и др., 1996). Однако взаимосвязь и взаимообусловленность явлений признается всеми.

Многие исследователи по традиции рассматривают абашевскую культуру как непосредственно предшествующую и генетически связанную с синташтинскими памятниками. Об истоках этого мнения сказано выше. Остановимся несколько подробнее на основаниях этого мнения. Неопределенность датировки абашевских древностей (в частности, уральских) привела к уяснению их позиции по стратиграфическим данным и на основании типологических рядов, что сильно осложняет установление позиции в рассматриваемой паре.

К числу наиболее ярких абашевских черт обычно относят большое количество металла и, как следствие, возникает вывод о развитии металлургии. Именно этот аспект обусловил появление мнения о «синташтинской культуре» — единственной «наследнице» абашевских традиций (Кузьмина О., 1992, с. 74–76). Однако средневожские памятники не могут служить доказательством наличия металлургии (в курганах встречен минимум массивных орудий, не говоря уж об отсутствии погребений специалистов-металлургов или кузнецов). Сложности датирования средневожских абашевских комплексов общеизвестны, хотя в последнее время появились попытки синхронизации ряда комплексов — Пепкинский курган — Филатовский, Пичаевский и др. курганы — Синташта. Основанием для этого стали находки костяных лопаточек, которые бытуют очень краткий период в эпоху средней бронзы (Беседин, 1995). Металлургия на уральских (баланбашских) поселениях также представлена в довольно ограниченных масштабах и, зачастую, в многослойных памятниках, где ее стратиграфическая позиция небесспорна (Григорьев, 1994, с. 7).

В условиях скромной представленности металлургии и неопределенности хронологического соотношения баланбашских и синташтинских памятников не вполне понятно, на чем основано утверждение о баланбашском импульсе в формировании синташтинского металлургического очага (Григорьев, 1995, с. 125). С. А. Григорьев по ряду косвенных признаков считал реальным существование и другого импульса из неопределенной пока зоны Циркумпонтийской металлургической провинции. В качестве возможного варианта С. А. Григорьевым рассматривалась территория Балкан с оговоркой о нереальности передачи традиций в форме миграции.

Дальнейшее углубление в проблему генезиса культурно диагностирующих черт «синташты» привело автора к выводу об их передаче именно в форме миграции из района Ближнего Востока. При этом носители культуры были определены им как арии (Григорьев, 1996а, 1996б, 1999). Причиной столь протяженной, столь же и стремительной миграции, по мнению автора, являются политические события на Ближнем Востоке (подробная критика основных положений гипотезы приведена в § 4.3 настоящей работы).

Сторонником точки зрения об абашевском генезисе синташтинских памятников является В. С. Горбунов, предложивший свой вариант реконструкции исторических процессов периода средней бронзы. Он считает, что абашевское население совершило чрезвычайно дальнюю миграцию на восток в районы Алтая в поисках рудных источников. Синташтинские же памятники появились в ходе «трансевразийской этнокультурной реверсии» и представляют собой своеобразные торговые фактории, обеспечивающие широтные связи в торгово-обменных операциях (Горбунов, 1992а, с. 12–16). Наличие «восточных» компонентов в абашевских памятниках Подонья послужило поводом для присоединения к высказанной точке зрения и других авторов (Синюк, Козмирчук, 1995, с. 64–65; Синюк, 1996, с. 206). Доказательство реальности миграции археологическими методами — дело чрезвычайно сложное, тем более когда речь идет о столь отдаленных территориях и культурах. Судя по всему, движение на запад синташтинцев имело место, и свидетельство тому памятники потаповского типа в Поволжье (Васильев и др., 1994; Васильев и др., 1995а; Васильев и др., 1995б), а также материалы Актюбинского Приуралья (Ткачев В., 1995) и Подонья. Однако обосновать сверхдальнюю миграцию абашевцев на восток и обратно вряд ли когда-либо удастся.

В список возможных исходных слагаемых синташтинского феномена, начиная с первых публикаций и до настоящего момента, стабильно включается полтавкинская культура (Генинг В. Ф., 1975; Смирнов К., Кузьмина Е., 1976; Зданович Г., Зданович Д., 1995). Сравнение проводится, как правило, по ряду довольно общих признаков (положение погребенного, курганный обряд, крупные могильные ямы, отдельные черты в форме керамики). Сама полтавкинская культура (или культурно-историческая общность) выделена на сходных основаниях и включает ограниченное количество довольно разнородных памятников (Кузнецов, 1989, с. 5–7). Ее распространение в Приуралье и Зауралье доказывается с привлечением памятников, которые другие авторы интерпретируют как ямные.

Даже беглый обзор точек зрения демонстрирует разнообразие мнений. Совершенно очевидно, что достижение единства нереально при сохранении традиционно формально-типологического подхода, предполагающего понимание археологической культуры как группы памятников, расположенных на определенной территории и отличающихся от других самобытным набором признаков. Культур-

рогенез, таким образом, сводится к имманентному развитию (Зданович Г., Шрейбер, 1988, с. 10–11), а взаимодействие культур — к механическому заимствованию отдельных черт (Григорьев, 1990, с. 30). Совершенно очевидна бесперспективность сведения генезиса памятников синташтинского типа к сумме признаков предшествующих культур, именно этот момент заставляет исследователей искать все новые комбинации или логически домысливать существование неких промежуточных этапов. В частности, не установлена исходная территория, имеющая традиции развитой фортификации. Возникновение данной планировочной традиции имеет, видимо, полицентристский характер (Мерперт, 1995, с. 119) и, может быть, является стадийным признаком (Борзунов, 1989). Поиски на эволюционистских путях можно считать завершенными, поскольку перечислены практически все известные культурные образования близлежащих территорий.

Миграционный подход в рамках сегодняшних представлений также страдает механицизмом, хотя в отдельных случаях присутствует понимание того, что в исходной точке миграции и ее условно конечной точке трудно ожидать идентичного облика культуры. Перестройка культурных стереотипов в ходе перемещения может быть обусловлена изменением экологической (в широком понимании) ниши и, следовательно, полной или частичной трансформацией хозяйственного уклада (и, естественно, культуры); вовлечением в движение инкультурных инкорпорантов; взаимодействием с местным населением (вариации в последнем случае могут быть весьма разнообразны (Кузьмина Е., 1994, с. 224–225)).

Вопрос о культурных связях синташтинского населения дискуссионен уже в силу отсутствия достаточных оснований для синхронизации периода бытования с другими территориями и археологическими культурами. Специальные работы по этой теме практически отсутствуют (Зданович Д., 1995б). Объективной причиной такого состояния являются трудности интерпретации выявленного сходства элементов и типов в различных культурах (связи, конвергенция, генетическая близость и др.). Наиболее уверенно в качестве примера связей используются металл и редкие находки (бусы, наконечники булав и т. п.). Однако и этот аспект требует детальной проработки. Неясной остается форма распространения металла (руда, слитки, изделия), пути и многое другое.

Параллельно с обсуждением глобальных проблем генезиса, культурного и социально-экономического содержания синташтинского феномена активизировалась проработка отдельных категорий материальной культуры зауральской средней бронзы. Упомянутые выше работы С. А. Григорьева не исчерпывают перечня публикаций, посвященных проблемам металлургического производства (Григорьев, 1992, 1996а; Зайкова, 1995). Органической частью исследовательской практики стало моделирование объектов, позволившее реконструировать технологические процессы, конкретизиро-

вать многие теоретические положения (Григорьев, 1994, 1995; Русанов, 1995; Гутков, Русанов, 1995б). Создание в натуральную величину макета одного из жилищ поселения Аркаим послужило восстановлению общей схемы последовательности сооружения, а также отработке отдельных узлов и деталей строительной технологии (Гутков, Русанов, 1995а).

Использование археологами керамики в качестве основного этнокультурного определителя требует установления более строгих исследовательских процедур. Одним из путей является технологический анализ керамики. Уже первые опыты в данном направлении следует признать удачными (Гутков, 1994, 1995а, 1995б), поскольку полученная информация носит объективный, а не оценочный характер («похоже — непохоже»). А. И. Гутковым установлено смещение различных гончарных традиций, существование двух систем гончарной технологии (синташтинской и петровской), определена их последовательность и преемственность.

Среди направлений, разработка которых находится в начале пути, и сравнительно «узкие», такие как вооружение и военное дело (Генинг В. В., 1991; Кожин, 1993; Нелин, 1994, 1995, 1996а, 1996б), рассмотрение морфологии керамики (Бехтер, 1994; Зданович Г., 1997) или изучение минеральной базы (Зайков, 1995а, 1995б), и предельно «широкие»: погребальный обряд (Епимахов, 1995; Зданович Д., 1997; Ткачев В., 1997 и др.), и идеология (Зданович Д., 1995а).

Завершая обзор мнений по различным аспектам синташтинской проблематики, приходится констатировать невозможность согласовать позиции исследователей по ключевым аспектам. Такое положение — отчасти результат непроработанности конкретных вопросов, отчасти непрямого отражения в археологических источниках культурных и социально-экономических реалий. Очевидно, что возможности формационного подхода в детализации картины социальной жизни синташтинского общества исчерпаны. Многообразие форм поздней первобытности должно представляться в иных дефинициях, часть которых археологи и историки сегодняшнего дня пытаются заимствовать из зарубежного опыта. Следует помнить, что теоретические построения во многих случаях базировались на материале других периодов и территорий и могут быть обусловлены региональной спецификой.

§ 1.3. ХРОНОЛОГИЯ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Вопрос о датировке археологического явления был и остается одним из первых и основных при изучении любых конкретных групп памятников. Без его решения невозможно определить позиции памятника или группы в диахронном и синхронном плане, очертить круг возможных взаимодействий и влияний, выяснить генезис и исторические судьбы населения рассматриваемого периода. Этот

момент прекрасно осознается большинством археологов, однако трудности на пути определения даты синташтинских комплексов весьма велики. Общеизвестны два возможных подхода к датированию: создание относительной и абсолютной хронологии. В круг методов последней наряду с естественнонаучными входит археологическое датирование по аналогиям. Рассмотрим их поочередно.

С самого начала изучения Синташтинского могильника (1975 г.) его дата была ограничена в абсолютных цифрах XVI в. до н. э. Основанием для столь строгого определения послужили находки псалиев из IV шахтной гробницы Микен (1-я половина XVI в. до н. э.), аналогичных серии дисковидных псалиев Синташтинского могильника. Кроме того, типологически комплекс металлических изделий предшествовал сейминско-турбинским типам, продатированным XV в. до н. э. Синташата была синхронизирована с поздним этапом зауральского варианта абашевской культуры, верхней границей которого и был признан XVI в. до н. э. (Генинг В. Ф., 1975). Фактически все аргументы автора (за исключением аналогии псалиям) лежат в сфере относительной хронологии, т. е. он ограничил рамки бытования досейминским хронологическим горизонтом, выделенным Е. Н. Черных (Черных, 1970, с. 94—97 и др.). В свою очередь, датировка сейминского транскультурного феномена во многом базируется на дискуссионной позиции Бородинского клада (между XVI и XII вв. до н. э.). Таким образом, раскопки Синташтинского комплекса с самого начала стали звеном в цепи доказательств, приводимых сторонниками длинной хронологии.

Отчетливые микенские черты в инвентаре Бородинского клада по-разному интерпретируются исследователями. Одни синхронизируют его с Микенами, другие предполагают запаздывание культурного развития в степях. Проявления микенских влияний (главным образом, орнаментальных), естественно, не ограничиваются составом клада (например, Горбунов, 1977; Васильев и др., 1994, с. 63 и др.). К настоящему времени происходит постепенный отказ от использования термина «микенский» орнамент, вместо которого употребляется более нейтральное определение «циркульный». Такая операция является реакцией на сравнительно широкое распространение этого типа орнамента (Северная Сирия, Центральная и Западная Анатолия, Южные Балканы, Центральная и Восточная Европа, Южное Зауралье и Северный Казахстан), сопряженное с неопределенностью хронологического приоритета одной из зон (Трифонов, 1996а, с. 60, 63).

Оставив пока в стороне абсолютные даты, обратимся к относительным. Наиболее ярким и, без сомнения, ключевым в данном контексте является сейминско-турбинский феномен. В определении его позиции существуют три линии привязок: балкано-микенская, восточно-азиатская, или иньская, и кавказская (Черных, Кузьминых, 1989, с. 256—263).

Первая линия хронологических реперов основана на синхронизации группы балкано-карпатских

культур и дате Бородинского клада (содержащего наконечник копья с вильчатым стержнем), а также уже упомянутых аналогиях орнаментам и псалиям. Для средневропейской шкалы, надежность которой удостоверена перекрестной проверкой дендрохронологическими и радиоуглеродными методами, изделия с циркульным орнаментом встречаются в памятниках, относящихся к периоду ранней бронзы А2, датируемому, в свою очередь, между XXI и XIX вв. до н. э. (Трифонов, 1996б, с. 48–49). Микенские параллели псалиям относятся к позднеэлладскому периоду (ПЭI) Греции. Разделить хронологически распространение псалиев и циркульного орнамента в Восточной Европе вряд ли удастся. Это обстоятельство, с одной стороны, расширяет круг возможных аналогий для синхронизации территориально удаленных явлений, а с другой, ставит хронологию в прямую зависимость от точки зрения исследователя в вопросе об исходной территории.

Собственная хронология культур Кавказа весьма далека от совершенства, и ее использование пока малопродуктивно (об этом обстоятельстве приходится только сожалеть, поскольку в числе синташтинского погребального инвентаря имеются прямые аналогии кавказским материалам — бородавчатые бусы, рубчатые пронизи, подвески в полтора оборота, наворачива булав). Синхронность синташтинских памятников и каякенто-хорочаевской культуры Северо-Восточного Кавказа вполне вероятна, последняя же наиболее надежно синхронизируется также с периодом А2 средневропейского бронзового века.

Ориентация на иньскую линию привязок ведет к резкому омоложению сейминского комплекса вплоть до XI–VIII вв. до н. э. (Матющенко, Синицина, 1988, с. 125; Членова, 1972, с. 138), что приходит в прямое противоречие с первой линией реперов. Эта проблема снимается только в случае признания китайских аналогий производными сейминского импульса в восточном направлении (Черных, Кузьминых, 1989, с. 258). Однако такое решение исключает использование древностей времени Инь для датировки.

Наличие в составе сейминско-турбинского инвентаря, в частности, в Ростовкинском могильнике, который считается относительно более ранним среди сейминско-турбинских, выразительной серии евразийских типов металлических изделий позволяет синхронизировать (по крайней мере, частично) синташтинские и сейминские древности. Очень близки параметры черешковых каменных наконечников стрел. В этой ситуации хронология последних оказывается в прямой зависимости от датировки все тех же псалиев, естественно, с оговоркой о возможном удревнении нижней границы. Дополнительным свидетельством связи синташтинского населения с носителями сейминско-турбинских традиций являются находки костяных панцирных пластин в синташтинском могильнике Каменный Амбар-5 (Костюков и др., 1995, с. 199), который, правда, может относиться ко времени перехода к петровскому этапу, не говоря уже о неясной длительности бытования этих единичных находок.

Парадокс заключается в том, что металлические изделия, определяющие облик сейминских памятников, т. е. выполненные в технике тонкостенного литья, почти отсутствуют в синташтинских комплексах. Применение оловянистых лигатур также не является доминантой в технологии. Это заставляет с определенной осторожностью относиться к идее полной синхронизации.

Возможно, ответ лежит в области относительной хронологии культур эпохи бронзы Зауралья. Металлический инвентарь синташтинских и петровских памятников Зауралья не имеет сколь-нибудь ощутимых различий и целиком лежит в сфере евразийских стереотипов¹. Эволюция дистанционного вооружения идет за счет практически полного вытеснения массивных каменных черешковых наконечников стрел (и, конечно, соответствующим изменением лука) более грацильными наконечниками с усеченным основанием (Нелин, 1996, с. 61–62). Хотя хронологического разрыва между ними нет, соотношение выделенных двух групп в могильнике Ростовка ближе петровской картине (Матющенко, Синицина, 1988, с. 82–83). Привлечение каменных наконечников стрел в качестве хронологических реперов, конечно, небесспорно из-за широкого распространения этой категории в различных культурах. Все выше изложенное позволяет предположить синхронизацию сейминского транскультурного феномена не с синташтинскими, а с петровскими памятниками Южного Зауралья. Вопрос о выражении этого соотношения в абсолютных цифрах оставим пока в стороне, ясно только, что тезис об отнесении собственно синташтинских памятников к досейминскому горизонту кажется более приемлемым².

Основным методом уяснения относительной хронологии является и стратиграфический анализ. Однако памятники, позволяющие стратиграфически соотнести синташтинские древности с предшествующим периодом, отсутствуют в Южном Зауралье. Есть они в Актюбинском Приуралье, где установлено предшествование полтавкинских памятников синташтинским (Ткачев В., 1996). Однако этот аргумент не может быть использован в полной мере, поскольку появление синташтинских памятников в этой зоне связано, по мнению того же автора, со смещением части населения из Южного Зауралья (Ткачев В., 1995, с. 169). Еще один стратиграфический факт, установленный для Приуралья, — предшествование катакомбной могилы «новокумакским» в кургане 25 Новокумакского могильника, — не выглядит убедительным вследствие отсутствия датирующих материалов в центральном (раннем) погребении (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 9–11).

Наиболее сложным и запутанным остается вопрос о соотношении с уральской абашевской культурой.

¹ Это может быть отчасти обусловлено тем, что большинство находок происходит из погребальных комплексов, характеризующихся меньшей эволюционной подвижностью в сравнении с бытовой сферой.

² Впрочем, это тот случай, когда приходится надеяться в основном на пополнение источниковой базы за счет находок, прямо указывающих на следы контактов.

В поддержку ранее высказанного автором предположения о возможности ее синхронизации с синташтинскими памятниками (Епимахов, 1993) высказались и другие специалисты (Беседин, 1994, с. 36; Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 52–53). Ранее эта мысль аргументированно изложена исследователями (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 27): был констатирован посткатакомбный и постполтавкинский характер «новокумакских» памятников и их синхронная позиция с культурой многоваликовой керамики (КМК) и абашевской культурой. Правда, из контекста видно, что речь шла об абашевской КИО. Не повторяя уже изложенных аргументов, следует отметить только, что нет оснований для датирования баланбашских памятников временем более ранним, чем синташтинские. Более того, в алакульских памятниках фиксируется прямое влияние абашевских традиций погребальной архитектуры (Шилов С., 1994). Столбовые конструкции на подкурганной площадке не встречаются в синташтинских и петровских памятниках. Это заставляет предположить прямые контакты алакульского и абашевского населения. Часть материалов петровского могильника Троицк-7 в Зауралье также имеет отчетливые следы абашевского воздействия (Костюков, Епимахов, 1999).

Нет причин сводить происхождение рассматриваемой в настоящей работе группы памятников, в том числе генезис металлургических традиций, к баланбашским корням (Потемкина, 1983, с. 29; Кузьмина О., 1992, с. 74; Григорьев, 1994, с. 17).

Не расставлены точки над «i» в вопросе о соотношении синташтинских памятников с культурой многоваликовой керамики (КМК), относимой к числу прямых наследников катакомбной общности. Сложности вытекают из характера памятников этой культуры, представленной немногочисленными и, зачастую, недатируемыми категориями. Определенное сходство погребального обряда, деталей керамических форм и находка пряжки в синташтинском кургане 4 могильника Каменный Амбар-5 позволяют предполагать относительную синхронность явлений и/или единство происхождения из катакомбных древностей. Симптоматичным является близкое направление эволюции керамики в синташтинских памятниках (Костюков и др., 1995, с. 173–174) и КМК (Шарафутдинова, 1995).

Значительно проще обстоит дело с определением «верхней» границы бытования синташтинских памятников. Трансформация их в петровские хорошо документирована материалами поселений и могильников (Виноградов, 1995а, с. 17–19, 26; Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 49–50). В свою очередь эволюционный переход от петровской к алакульской культуре, видимо, не требует широкого обсуждения (Матвеев, 1998, с. 332 etc.).

Таким образом, место синташтинских памятников в евразийской системе культур достаточно определено — финал средней бронзы, время распада Циркумпонтийской металлургической провинции и формирования культурогенерирующих стереотипов периода поздней бронзы. Этот вывод, однако, предполагает сравнительную одновременность протекания процессов культурогенеза для довольно

отдаленных территорий. Схема такого рода не учитывает возможность существования культур-изолятов или, напротив, достижений, опережающих синхронное окружение. Дифференцированно должна рассматриваться и динамика культурных изменений для различных хозяйственных укладов, во многом определяемых экологической зоной (степь — лес).

Именно это обстоятельство стало причиной оговорок о «наклонной» шкале периодизации, асимметрии в развитии европейских и азиатских культур (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 48). Это допущение дало толчок выводам о возможности прямого участия позднеямного населения в генезисе памятников синташтинского типа (Виноградов, 1995а, с. 25–26), об участии позднеэнеолитического населения в этом процессе (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 51) и др.

Выраженная в цифрах традиционная относительная хронология относит синташтинские памятники к XVII–XVI вв. до н. э. при условии датировки алакульской культуры в пределах XV–XIV вв. до н. э. (Кузьмина Е., 1994, с. 40–42). Единственным репером остается датировка по псамм, архаический облик которых в Южном Зауралье служит основанием для понижения границы. В некоторых случаях это понижение оценивается в больших цифрах (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 49), при этом длительность существования феномена укрепленных поселений предполагается 150–250 лет (Зданович Г., 1997, с. 59–60), что основывается на анализе изменчивости форм керамики и естественнонаучных данных, в том числе и серии радиоуглеродных дат (XVIII–XVII вв. до н. э.) поселения Аркаим (Мосин, 1995, с. 129).

Попытки радиоуглеродного датирования синташтинских комплексов предпринимались неоднократно. Разброс в датах Синташтинского могильника между XXIII и XIII вв. до н. э. несколько охладил надежды на получение дробной периодизации и возможность синхронизации с восточноевропейскими культурами (Кузьмина Е., 1994, с. 38, 179, 372). Работы в этом направлении, естественно, остановлены не были (Потемкина, 1985, с. 200). Следующая серия анализов материалов синташтинских памятников Южного Зауралья и потаповских Среднего Поволжья оказалась более «кучной». Четыре даты, полученные методом радиоуглеродного датирования в Аризонском университете, из материалов раскопок синташтинской могильной ямы 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро оказались близки 2000 г. до н. э. (Виноградов, 1995а, с. 23; Antony, Vinogradov, 1995, p. 38). Серия дат была получена в последние годы и для других синташтинских памятников: поселения Аркаим (10 образцов) и Куйсак (5 образцов). Основная зона совпадения результатов приходится на XVIII–XVI вв. до н. э., вместе с тем остается вне разъяснений существование второй группы, относящейся к XXI–XX вв. до н. э. (Зданович Г., 1997, с. 60)¹.

¹К сожалению, из данной публикации невозможно установить конкретные результаты датирования, а также выполнялась ли их калибровка.

Особо следует отметить, что ряд исследователей — приверженцев короткой хронологии восточноевропейской эпохи бронзы, также основываясь на радиоуглеродных датах, считают реальным доживание ямной КИО на территории Восточной Европы до XVIII вв. до н. э. (Николаева, 1989, с. 85). Это утверждение несколько укрепляет позиции сторонников прямого участия ямного населения в формировании синташтинского феномена. Следует, правда, отметить, что эти авторы занимают противоположные позиции в вопросе о датировке Бородинского клада и возможности использования щитковых псалиев в качестве датирующих материалов. К сожалению, приуральские ямные курганы не продатированы по C^{14} , и окончательные выводы преждевременны.

В рамках «Программы радиоуглеродного датирования для восточноевропейского бронзового века» Лабораторией радиоуглеродного датирования в Оксфорде и фондом «Всемирный археологический конгресс» получена большая серия дат (Трифонов, 1996б, с. 44) для различных регионов, в том числе и для Поволжья (Кузнецов, 1996а; Кузнецов, 1996б). Полученная система относительной периодизации, основанная главным образом на естественнонаучных методах датирования, предполагает резкое удревнение до рубежа III—II тысячелетий до н. э. потаповских комплексов (Трифонов, 1996, вкладка), очень близких (а, возможно, и несколько более поздних) по хронологии синташтинским памятникам. Непосредственно потаповские комплексы дали серию дат около XIX—XVII вв. до н. э. (Кузнецов, 1996а, с. 58). Культура многоваликовой керамики «опускается» до XXIII в. до н. э. С последним в силу изложенных выше (см. § 1.1 настоящей работы) соображений согласиться невозможно.

Не менее важна работа в этом направлении на сопредельных территориях. В частности, тюменскими археологами при исследовании андроновских культур Западной Сибири уделено большое внимание вопросам их датировки. Речь, прежде всего, идет об алакульских материалах Хрипуновского и Чистобеляжского могильников. Последний документирует контакты алакульского и ташковского населения. Более десяти некалиброванных радиоуглеродных дат указывают на существование некрополя в XX — начале XIX вв. до н. э. (Матвеев, 1995в, с. 128—129; Матвеев, 1999, с. 363). Началом XVIII в. до н. э. датируется и Хрипуновский могильник (Матвеев и др., 1991; Археологическое наследие..., 1995, с. 167)¹. Одновременно автором раскопок констатируется, что «...развитие материальной культуры алакульских групп шло по пути постепенного угасания элементов, восходящих к петровской эпохе» (Матвеев, 1995а, с. 28; Матвеев, 1995б, с. 111). Близкая дата — XVIII

в. до н. э. — получена по C^{14} для поселения Ташково II (Ковалева, Мельников, 1989, с. 153), что частично подтверждает предполагаемую позицию в паре Синташта — Ташково.

Столь радикальное удревнение культуры эпохи поздней бронзы резко понижает шансы в определении позиций петровских и синташтинских древностей. Вряд ли специалистами будет легко принята на этом основании передатировка всей свиты археологических культур и хронологических горизонтов средней и, в особенности, поздней бронзы (Ткачев В., 1996, с. 65), хотя таковая уже предложена (Трифонов, 1996). Тем более что на значительную часть по объему серии дат обоснована верхняя граница периода средней бронзы — около XX в. до н. э. (Черных и др., 2000, с. 29—30). Налицо резкое расхождение двух систем датирования. Мало что изменяет гипотетическая возможность некоторого удревнения микенских комплексов вплоть до XVII вв. до н. э. (Кузьмина Е., 1994, с. 179).

Таким образом, практически все хронологические построения базируются на датировке псалиев, часть из которых в Поволжье и Подонье имеет циркульные орнаменты, реже — собственно на дате этого вида орнаментации. Исключение из этого правила — даты, полученные естественнонаучными методами, пока решительно не укладываются в рамки относительной хронологии. Мнение автора об итогах изучения конской упряжи уже высказано выше (см. § 1.2 настоящей работы). К тому же использование микенских псалиев в качестве *terminus ante quem* в отношении синташтинских и потаповских древностей (Кузьмина Е., 1994, с. 177) предполагает распространение этого типа упряжи с востока на запад, что противоречит идее движения микенских орнаментов с запада на восток (Кузьмина Е., 1994, с. 179). Прямо противоположная точка зрения Х.-Г. Хюттеля, относящего дисковидные псалии к проявлением микенского влияния, имеет достаточное количество сторонников. Он считает доно-волго-уральский ареал провинцией эгейско-переднеазиатского ареала, генетически связанного с культурами боевых колесниц Древнего Востока, Египта и Эгейского моря (Коренько, 1983, с. 186—187). Представляется, что до построения уточненной типологии псалиев (контуры которой намечены Е. Е. Кузьминой (Кузьмина Е., 1980)) на новом, более широком материале решение перечисленных вопросов найдено не будет. Однако это тема специального исследования, которое выходит за рамки настоящей работы.

Итог данного раздела трудно назвать впечатляющим. Практически с момента выхода в свет первых публикаций в вопросе о хронологии синташтинских и петровских памятников существенный прогресс не достигнут. Намечившаяся линия на некоторое удревнение синташтинских комплексов пока подкреплена слабо. Полученные методами радиоуглеродного анализа даты резко противостоят существующим воззрениям большинства археологов на относительную хронологию культур бронзового века, их принятие влечет за собой изменение датировки большой группы археологических культур. Схема пери-

¹ В калиброванных значениях понижение в сравнении с традиционными датами оказывается еще более радикальным. Основная зона совпадений приходится на промежуток от середины XXIII до начала XXI вв. до н. э.

одизации, предложенная В. А. Трифоновым, исходит именно из удревнения большинства культур раннего и среднего бронзового веков на территории Восточной Европы, Кавказа и Древнего Востока и основана на большой серии дат, полученных методами радиоуглеродного датирования и дендрохронологии (Трифонов, 1996а; Кузнецов, 1996а; Кузнецов, 1996б). До завершения построения дендрохронологической шкалы для Эгейского региона, видимо, не будет решен ключевой вопрос о датировке циркулярных орнаментов и щитковых псалев. На

данном этапе во всех сравниваемых регионах — центрально-малоазийском, Карпато-Дунайском и восточноевропейском — обе упомянутые категории встречаются в культурах, имеющих довольно широкие радиоуглеродные даты (между XX и XVIII вв. до н. э.), и решения авторов о позиции синташтинских памятников принимаются в зависимости от их представлений о направлении и путях распространения колесничной символики, возможно, сопряженной с престижным циркулярным орнаментом.

делает их одним из главных (а в ряде случаев единственным) источником знаний об истории и культуре бесписьменных народов. Основными достоинствами этого вида источников, наряду с «всеобщностью», признаются одномоментность (?) и стратиграфическая четкость (Никитина, 1985, с. 3). Однако эта особенность одновременно порождает опасную иллюзию о едва ли не информационной неисчерпаемости этого вида источников (Гуляев, 1990, с. 103), на что уже было указано ранее (Пестрикова, 1990, с. 44).

Литература, связанная с теоретическими аспектами изучения погребальных памятников и их познавательными возможностями, достаточно обширна, хотя и поддается обзору, анализ же конкретных проработок отдельных культур и периодов практически невозможен в силу безбрежности темы и количества исследований (перечисление только некоторых займет достаточно много места (Алексин, 1986; Бунятян, 1982; Бунятян, 1985; Генинг В. В., 1982; Добролюбовский, 1982; Кислый, 1985; Корякова, 1988; Никитина, 1985; Пустовалов, 1982; Пустовалов, 1991; Рычков, 1982а; Рычков, 1982б; Рычков, 1982в; Статистическая обработка..., 1994; Социальная дифференциация общества..., 1993 и др.). В такой работе и нет необходимости, поскольку абсолютное большинство археологов находится в пределах сравнительно небольшого круга методик и интерпретационных идей, что не без сарказма продемонстрировано Ю. А. Смирновым и М. В. Тендряковой (Смирнов Ю., Тендрякова, 1990). Лишним подтверждением этого служит обзор литературы 1961–1985 гг. по формально-статистическим методам в археологии (Николова и др., 1990).

Поэтому задачей приводимого ниже краткого обзора является уяснение теоретических оснований анализа погребальных памятников, их познавательных возможностей, основных направлений и методов анализа погребальной обрядности. Сопоставление многочисленных точек зрения по поводу места погребальной обрядности в системе культуры сродни поискам единого определения археологической культуры. Даже попытка создания своеобразного словаря, сделанная автором в пределах диссертационного исследования, оказалась мало полезна. Поэтому дефиниции за исключением ключевых выведены за рамки текста и даются в виде отсылок к литературе.

Еще сравнительно недавно констатировался практически полный вакуум в области теоретического осмысления археологами погребальной обрядности, а проблема выработки методологии только ставилась (Коренько, 1977, с. 5). Автором вполне резонно отмечалась необходимость учета системного характера явления и значительные отличия в объеме археологического и этнографического понятия «погребальный обряд». Тем не менее, он оптимистически оценил возможности извлечения из различных элементов погребальной обрядности информации об этнических контактах, религиозных представлениях, структуре общества и ландшафте (Коренько, 1977, с. 6). Последняя «сфера

Глава 2.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА

*Ни на солнце, ни на смерть
нельзя смотреть в упор.*

Франсуа де Ларошфуко

«Проблема смерти не нова для этнолога: погребальные обряды и связанная с ними символика, фольклор и мифология представляют собой важное средство для понимания народных обычаев и традиций. Не нова эта проблема и для археолога, который на основе материальных остатков далеких эпох пытается реконструировать характер погребений и представления древних людей о смерти и загробном мире. Многократно встречались с проблемой смерти и историки литературы. Реальна эта проблема и для философов. Однако собственно историки всерьез занялись проблемой смерти совсем недавно. Постепенно стало обнаруживаться, что смерть — это не только сюжет исторической демографии или теологии и церковной дидактики. Смерть — один из коренных параметров коллективного сознания... Смерть — компонент картины мира, существующий в сознании членов данного общества в данный период. Изучение установок в отношении смерти, которые заслуживают внимания и сами по себе, может пролить свет на установки людей в отношении к жизни и основным ее ценностям» (Гуревич, 1989, с. 114).

Оправданием столь обширной цитаты служит то, что она позволяет очертить очень широкий, хотя и не исчерпывающий круг вопросов, связанных с танатологией — кругом проблем, связанных с науками о смерти (Смирнов Ю., 1994, с. 16). Естественно, что археолог обычно не ограничивается обозначенными А. Я. Гуревичем рамками, вольно или невольно вторгаясь в этнологические, исторические, философские и иные сферы. Широкая представленность погребальных памятников для большинства культур и территорий неизбежно

отражения» (термин автора) представляется достаточно узкой для включения в данный перечень. К числу наиболее продуктивных идей, развиваемых автором, относится выделение идеологического и инструментального уровней системы погребального обряда (Левада, 1965). Данные посыпки, сформулированные в общем виде, были позднее частично реализованы в конкретных проработках элементов инструментального уровня (Коренько, 1984) и социологической интерпретации (Коренько, 1990).

Практически одновременно с заметкой «Погребальная обрядность как система» в серии «Краткие сообщения Института археологии» под № 148 выходит выпуск под названием «Методика археологических исследований и раскопки археологических памятников», содержащий наряду с аналитическими статьями, посвященными конкретным погребальным памятникам (см., например, Лебедев, 1977), статью Н. Б. Леоновой и Ю. А. Смирнова «Погребение как объект формального анализа» (Леонова, Смирнов Ю., 1977). Исходя из необходимости решения проблем анализа погребений (в частности, их формального описания), соавторы сделали попытку выделить основные акции процесса захоронения, определить возможности их фиксации археологом и степень дискретности выделяемых признаков. Таким образом, оказались выделены три части структуры погребального комплекса (термин, более точно отражающий многоплановость погребения как явления): погребальное сооружение, останки погребенного, погребальный инвентарь. Каждая из составляющих может обладать собственной структурой или отсутствовать. При этом погребение рассматривается как процесс физического и духовного «вычленения» умершего из коллектива. Несмотря на осознание факта значимости различий погребения как процесса (в момент совершения) и погребения как результата (в археологическом смысле), терминологическое разграничение осуществлено не было.

Надо отметить, что выделение основных акций (фаз) при совершении погребения трудно назвать новацией в изучении погребальной обрядности (см., например: Назаренко, 1970, с. 191; Никитина, 1974, с. 58; Генинг В. Ф., Борзунов, 1975, с. 44; Массон, 1976, с. 149; Лебедев, 1977, с. 24). Однако было дано неопределяемое определение погребения, т. е. сделан реальный шаг в переходе от определения к понятию, отражающему системообразующие элементы явления в их взаимосвязи.

В дальнейшем Ю. А. Смирновым была введена большая группа терминов (Смирнов Ю., 1985). Предложенная терминология пока не нашла широкого применения в исследовательской практике археологов. Значительно более интересным представляется построение классификации типов обращения с умершим и их возможных сочетаний (Смирнов Ю., 1990, с. 219–221). В ее основе лежит давно зафиксированная этнографами двойственность отношения к умершему: стремление сохранить его среди живых и одновременно желание устранить его из среды живущих (Токарев, 1990, с. 163–164 и др.; Петрухин, 1980). Тафоло-

гическая классификация, по мнению Ю. А. Смирнова, не может быть построена по принципу генеалогического древа, как это было сделано С. А. Токаревым, т. к. отсутствует линейная эволюция. Аргументация автора в пользу этого утверждения выглядит в некоторых случаях несколько странной. Например, он утверждает, что со времени среднего палеолита погребальный инвентарь избирается из трех сфер: производственной, бытовой и идеологической. Налицо подмена понятий, которые, с одной стороны, охватывают практически все области человеческой деятельности, а с другой, изложение тезиса в таком виде предполагает, что классификация в древности производилась по аналогичным основаниям, чего, естественно, быть просто не могло в силу особенностей мифологического мышления (Мелетинский, 1976, с. 164–171).

Не менее перспективной является работа по уточнению терминологии описания конкретных погребений. В частности, предлагается конкретизировать понятия погребального инвентаря, разделив его на сопровождающий (в пределах могилы, непосредственно близ погребенного), сопутствующий (за пределами могилы, но в пределах сравнительно сложного погребального сооружения), сопредельный (за пределами могилы и насыпи, у ее подошвы или на древней поверхности) и сопричастный (за пределами погребального комплекса, но могущий использоваться при устройстве погребения и совершении обрядов). Трудности применения столь строго разграничения на практике очевидны (поскольку предполагается предварительная реконструкция обрядности, зачастую недоступная исследователю). Однако данный подход позволяет отойти от традиционного членения инвентаря по категориям, удобным в описании, но не отражающим суть явления.

Развернутая критика классификации Ю. А. Смирнова, данная И. Л. Кызласовым и В. С. Ольховским (Кызласов, 1993; Ольховский, 1993), избавляет от дальнейшего разбора недостатков схемы. Острые критики направлены против жесткого противопоставления «погребения» и «выставления», как проявления двух основных тенденций в отношении к умершему, против сведения многообразия погребальных сооружений к двум архетипам — яме и насыпи и некоторых других аспектов. Не отрицая полезности постановки Ю. А. Смирновым на твердую научную почву систематики внешних проявлений обращения с умершим, И. Л. Кызласов сделал попытку выявления типологически исходных форм погребальной обрядности, разделив последние по естественным (земля, огонь, вода, дерево, гора, тело) и рукотворным (сосуд, жилище) сферам перерождения. Эволюция же обрядности, по его мнению, движется от прямого использования определенной сферы через ее воспроизведение к производным формам.

Наибольшее внимание проработке системы понятий, связанных с погребальной практикой, было уделено В. С. Ольховским (Ольховский, 1986, 1991, 1993, 1995), который начал свою работу как раз с

определения места погребально-поминальных обычаев в сфере идеологии. Несомненным достоинством работ автора является четкое терминологическое разграничение реально исследуемого объекта (погребального памятника) и реконструируемого процесса (погребально-поминального обряда). В соответствии с этим различной оказывается и структура понятий (Ольховский, 1986, с. 72). В дальнейших работах В. С. Ольховский считал необходимым дать определения всем терминам, используемым им при изучении скифских погребальных памятников (Ольховский, 1991), что резко выделяет его монографию из многочисленных работ археологов, изучающих погребальный обряд.

Им констатируется сравнительная легкость реконструкции практической сферы погребального обряда. Значительно сложнее обстоит дело с идеологией, которая не может быть полностью воссоздана при отсутствии полного набора источников. В дальнейшей работе используется понятийный аппарат В. С. Ольховского, что учтено и при составлении кода (Приложение 2). При его разработке автор счел возможным отказаться от опыта И. С. Каменецкого (Каменецкий, 1983; Каменецкий, 1986), ставившего перед собой задачу максимально полного отражения деталей погребального памятника («обряда» в изложении автора) ввиду некоторой громоздкости и трудности его статистической обработки. Составленный код ориентирован на решение конкретных задач, а не на хранение полной информации о памятнике. По этой причине были использованы комплексные признаки с элементами реконструкции, а не элементарные.

Весьма обширен перечень факторов, определяющих существование и эволюцию обрядности: экономический, экологический, общий религиозно-мифологический фон, этнотрадиционный, физиологический, фактор индивидуальный, обстоятельств смерти, внешних влияний и социальный. Последний подробно исследован в более поздней статье автора (Ольховский, 1995). Исследователем высказаны серьезные опасения по поводу сведения всех или почти всех различий в обрядности конкретных культур к социальным факторам, тем более что это понятие весьма многогранно. Примером упрощенного понимания состава погребальной обрядности и методов интерпретации различий могут служить теоретические работы В. А. Алекшина (Алекшин, 1981а, 1981б), который, впрочем, не был столь прямолинеен в реализации основных положений своей концепции при исследовании конкретного материала (Алекшин, 1986).

Существование в любом обществе многочисленных социальных структур зачастую просто игнорируется археологами, между тем среди функционирующих в социуме отмечаются половозрастная, семейно-брачная, ранговая, имущественная, профессиональная, религиозно-конфессиональная и мифологическая социальные структуры. Роль каждой из них в различные периоды различна (и по-разному отражена в погребальных обрядах). Данные структуры, как правило, сосуществовали и отражались синхронно. Невозможно исключить

и существование иных социальных структур (Ольховский, 1995, с. 89–91). Перечисление, данное выше, укладывается в рамки предложенного В. И. Пестриковой определения погребального обряда как специфической формы нормативного стереотипного поведения, регламентирующей действия человеческого коллектива по идентификации личности умершего (Пестрикова, 1990, с. 45).

Уточнение содержания понятий продолжено дискуссией В. С. Ольховского, В. И. Мельника, Н. А. Рычкова (Ольховский, 1993, 1997; Мельник, 1990, 1993; Рычков, 1997). Однако в рамках конкретного исследования разграничение реальных и ирреальных действий или обрядовой, обычной и произвольной практики малодостоверно, и потому, видимо, не будет широко применено в ближайшее время, это обстоятельство осознается и самими участниками обсуждения.

Большинство археологов (во всяком случае, отечественных) а priori убеждены в том, что изучаемые погребальные памятники содержат информацию о существовавших социальных реалиях древних обществ: «погребальная символика — зеркало социальной структуры» (Генинг В. Ф. и др., 1990, с. 10, 191–192), признавая на словах, что погребальные памятники есть отражение идеологии конкретного коллектива, выступающей в качестве «корректирующего фактора» в отражении социальной структуры.

Прямое переложение результатов статистико-комбинаторных операций, выполненных с памятниками, на социальную структуру древнего общества неизбежно порождает тривиальные или очень аморфные результаты. Дело не только в том, что существенной проблемой остается предварительная критика источника, но и в том, что в результате таких операций могут быть получены статистические модели погребальных комплексов, а отнюдь не реалий социума. Ряд зарубежных исследователей вообще пессимистически оценивает возможность синхронизации практической социальной сферы и погребальных ритуалов. За редким исключением исследователями не осознается очень существенное обстоятельство — социальная структура может быть рассмотрена в двух аспектах: как совокупность объективно существовавших элементов, выявляемых в ходе современного научного анализа, и как совокупность элементов, выделяемых в ней самими членами данного общества (Петрухин, Раевский, 1980, с. 31). Ясно, что именно последняя сравнительно адекватно отражена в погребальных памятниках. Погребальная практика, являясь отражением идеального, а не реального социального устройства, может быть пережитком более древних институтов (Бишони, 1994, с. 156).

По существу, на сегодня выработаны процедуры и методика анализа погребальных памятников (имеются монографические примеры таких исследований (Бунятян, 1985; Никитина, 1985 и др.)), определения информативности отдельных признаков, однако их социоинформативность остается в сфере эмпирий. Их выделение, видимо, невозможно без привлечения данных «извне» (антропология,

мифология, нарративные источники, этнография и др.). Специалисты, не осознающие и не признающие этого факта, тем не менее, интуитивно пользуются именно внешней по отношению к памяти информацией, что делает невозможной критику выводов. Мало того, в этой ситуации на смену научной логике может приходиться обыденное сознание (Смирнов Ю., Тендрякова, 1990).

Стратифицированность практически любого социума не встречает возражений, как и утверждение о возможном несовпадении социальной и имущественной стратификации (Афанасьев, 1993, с. 4). Истоки общественного расслоения видятся в необходимости создания специального аппарата регуляции межобщинных отношений, в результате чего вырабатываются сложные мировоззренческие и мнемологические системы. То и другое требует выделения специалистов по управлению и хранению информации (Сидоров, 1993, с. 17–18).

Общей посылкой, лежащей в основе социологических реконструкций, является убеждение, что «погребальный обряд в идеологическом преломлении в синтезированном виде отражает отношения индивида и общества» (Генинг В. Ф. и др., 1990, с. 11). В качестве аргумента в пользу этого тезиса приводятся этнографические материалы, которые позволяют констатировать зависимость обряда от различных социальных факторов (Bendann, 1930, р. 262–272; Binford, 1971, р. 13–28), обусловленность характера погребальных обрядов половозрастными характеристиками умершего (Bendann, 1930, р. 268–272; Binford, 1971, р. 11–13). Предполагается, что трудозатраты коллектива по отношению к умершему при совершении обрядов сравнительно адекватно отражают его значимость в жизни социума, т. е. его статус (Гей, 1993; Гусakov, 1993), и являются объективным критерием (Добролюбский, 1982, с. 61). Некоторые соображения, высказываемые специалистами, изучающими мифологии древних обществ, о причинах появления «богатых» погребений (Антонова, Раевский, 1984, с. 163–164) заставляют присоединиться к вышеизложенному с серьезными оговорками. Более критична оценка Ю. А. Смирнова возможностей определения посмертного статуса (который может сильно отличаться от прижизненного) индивида в эгалитарном обществе и проверяемости высказываемых авторами предположений (Смирнов Ю., 1994, с. 18–19).

Наиболее очевидным образом поддается оценке количественный и качественный состав погребального инвентаря. Выделению «богатых» погребений должен предшествовать анализ половозрастной структуры и выделение стандартных наборов для каждой из групп. Методов оценки «богатства» несколько (Алексин, 1986, с. 13–14). В соответствии с первым сравниваются количественные характеристики *однотипного* инвентаря. Вторым методом определяется степень «богатства» по количеству видов вещей в погребении. Эти подходы неприменимы к памятникам эпохи бронзы ввиду многообразия категорий погребального инвентаря. Третий учитывает частоту встреча-

емости вещей: чем реже встречается погребальный инвентарь, тем он ценнее. Все три метода не лишены недостатков, которые становятся очевидными при попытке их конкретного приложения. Модификацией перечисленных подходов является учет количества и веса только металлических изделий, не менее важны характер сырья и типы изделий. Соотношение стоимости керамики, бронзы, серебра, и золота (1:10:1000:10000) определено на примере классической Греции, однако применяется значительно шире (Бочкарев, 1995, с. 33). Уязвимость для критики любого из перечисленных методов настолько очевидна, что не требует развернутого объяснения.

Кроме принципа фиксации трудозатрат и стоимости инвентаря для определения социального статуса погребенного используется и другой подход, предполагающий, что принадлежность к определенной страте могла маркироваться предметами, выступающими в роли символов (Кореневский, 1993). Этот аспект также находит частичное подтверждение в этнографических данных И. А. Тейнтера (Афанасьев, 1993, с. 6).

Подходы неальтернативны, но оба имеют определенные, вполне очевидные издержки. Методика определения трудозатрат весьма далека от совершенства, не говоря уж о более чем вероятной возможности существования нефиксируемых археологами деталей обряда (естественно, речь идет о процессуальной стороне). Выделение групп погребений по отдельным редким вещам требует их предварительного отбора и интерпретации как знаков социального статуса, что зачастую также затруднительно.

Третий подход находится за рамками собственно археологии и заключается в анализе строения скелетов. Спектр методов в этом направлении широк. Сдержанный оптимизм вызывают первые попытки палеодемографических исследований (Савченко, 1986; Кислый, 1992; Кожин, 1994; Кислый, 1995; Нечвалода, 1995; Федосова, 1995; Зданович Д., 1997), демонстрирующих элементы комплексного подхода.

До сей поры отечественными исследователями пристальное внимание было уделено интерпретации только одной из форм погребения — коллективной (в основном, парным) (Артамонов, 1934; Итина, 1954; Сорокин, 1962 и др.). Однако социологические изыскания были втиснуты в столь жесткие рамки марксистской схемы общественного развития, что это предопределило невнятные итоги дискуссии. Фактически поиски объяснений велись в направлении определения патри- или матрилокальности брака, обособления парной семьи, развития имущественной дифференциации и классообразования.

Подводя краткие итоги, отметим, что в разработке понятийного аппарата погребальной обрядности отечественными археологами достигнуты определенные успехи. Они значительно менее впечатляющи в создании теории отражения в погребальном обряде (а, в конечном итоге, и в погребальном памятнике) социального статуса умершего.

Остаются малоизученными многие более частные, но также весьма существенные вопросы, например, динамика и механизм трансформации погребальной обрядности. Археологи, как правило, исходят из общего суждения о ее консервативности и, как следствие, запаздывании отражения в идеологии (и, в конечном итоге, в погребальном памятнике) социальных и исторических реалий. На то, что ответ не обязательно столь банален, указывает упомянутое выше явление «царских» погребений (Антонова, Раевский, 1984, с. 154–168), количество сопровождающего инвентаря и сложность церемоний для которых отражают не столько их прижизненный статус, сколько восприятие фигуры царя как посланника богов (или его воплощение). Непринципиально отличается положение в зарубежной науке, констатирующей отсутствие общепринятой, универсальной методологии (Бишони, 1994). Практически специалистами используется ограниченный (в том числе техническими и финансовыми возможностями) круг методик.

Общий же подход к анализу погребального обряда, изложенный этнографами достаточно давно, пока не реализован в полной мере. Речь идет прежде всего об отнесении А. Ван Геннепом похоронных обрядов к числу обрядов перехода (*rites de passage*), т. е. обрядов, сопровождающих всякую перемену места, состояния, социальной позиции и возраста, что подразумевает прохождение определенных стадий (Геннеп, 1999; Тэрнер, 1983, с. 168). Погребальная обрядность ориентирована на ритуальное оформление перехода/проводов умершего из области жизни в область смерти, гарантирующее благополучное для живых преодоление границы между ними, нарушенной событием смерти. Изоморфность типов переходных обрядов позволяет предполагать, что и погребальный обряд проходил через следующие фазы (Новик, 1984, с. 163):

1. Разделение — «изоляция» объекта, открепление личности от ранее занимаемого места в социальной структуре;

2. Грань (*limen* — «порог») — «разрушение» (временная смерть) и трансформация (возрождение) объекта, особенности субъекта двойственны, у него очень мало или нет свойств будущего состояния;

3. Соединение — возвращение в коллектив в новом статусе, обретение нового сравнительно стабильного состояния в структуре.

Следует отметить, что в числе *rites de passage* погребальный обряд имеет свою специфику, реализующуюся в невыраженности в ритуале последней фазы. Возрождение покойника находится в чисто концептуальной сфере и в отношении покойного она ритуального выражения не получает (Байбурин, Левинтон Г. А., 1989, с. 69 etc.). Надо, правда, различать «линейный» и «круговой» сюжеты похорон, поскольку обозначенная неполнота третьей фазы целиком относится к первому сюжету. В этом случае хорошо документирован ряд действий, направленных как раз на невозвращение покойника. Что касается реинкарнации, то пред-

ставления о ней нередко уживаются с представлениями о том свете (линейный вариант). Возможно принципиально иное деление ритуалов на «крайние» и «срединные». Для первых (родильные и похоронные обряды) формально выражается только один компонент ключевого комплекса «смерть — возрождение», представленный символически и практически. «Срединные» же ритуалы включают в себя оба компонента, представленные чисто символически.

Структура основных смысловых блоков погребального обряда в понимании этнографов пространно описана В. П. Дьяконовой (Дьяконова, 1975, с. 6 etc.), которой сравнительно подробно изложены составляющие обрядов предпохоронного цикла, похорон и послепохоронных обрядов. Уяснение черт обряда, фиксируемых археологами и этнографами (Очерки культурогенеза..., 1994, с. 14–15), демонстрирует трудности сопоставления результатов исследования этих специалистов, связанные, в частности, с неадекватным отражением идеальных представлений в материальных остатках и степенью сохранности последних (Леонова, Чвырь, 1990, с. 12). Однако при условии встречных шагов специалисты могут найти общий язык и серьезно взаимообогащать варианты интерпретации деталей обряда. Такие примеры уже имеются (Чвырь, 1991).

Справедливости ради следует отметить, что наблюдается движение к большей точности исходных данных, отработке вопросов инструментального уровня исследования (Коренько, 1984; Генинг В. В., Генинг В. Ф., 1985; Сорокина, 1986; Леонова, Чвырь, 1990; Иванов, 1992).

Особо сложной и малоисследованной остается область реконструкции идеологических представлений по данным погребального обряда, что не вызывает удивления. Однако некоторые шаги и в этом направлении уже сделаны (Лелеков, 1976; Литвинский, Седов, 1984; Дремов, 1989; Клейн, 1989; Отрошенко, 1990; Очерки культурогенеза..., 1994 и др.). Не слишком многочисленны и аргументированы попытки интерпретации позы погребенных (Гольмстен, 1935; Грач, 1980, с. 71–73).

Определенные надежды сулит применение структурно-семиотического анализа, рассматривающего погребальную обрядность и культуру в целом как знаковую систему (Корякова, 1988, с. 45–46). Методы семиотики предполагают изучение не только иконических, индексных и символических знаков, которые могут меняться в зависимости от контекста, но и связей между ними. Т. е. один и тот же археологический источник или его элемент может дать несколько кодов для расшифровки мифа.

Тесная взаимосвязь мифа и ритуала (в данном случае реализованного в явно экстраутилитарном объекте — погребальном памятнике) позволяет осуществлять реконструкцию различных элементов идеологии, не только морологии и некрологии. Миф и ритуал выступают, с одной стороны, как средство передачи, а с другой, как воплощение картины мира (Байбурин, 1983, с. 6). Поскольку обязательным свойством текста культуры является его универсальность: кар-

тина мира соотносена всему миру и в принципе включает в себя все (Лотман, 1969, с. 463), рассмотрение культуры как текста делает возможным прежде всего восстановление модели мира конкретной культуры, реализованной в погребальных сооружениях (Епимахов, 1995). В целом, речь может скорее идти о воссоздании структуры, чем реконструкции конкретных сюжетов (Евсюков, 1988, с. 34).

Наиболее доступна для реконструкции синтактика погребального обряда, значительно сложнее воссоздание его семантики, в особенности специфических черт конкретной культуры. Примером работы такого рода может служить исследование Л. Н. Коряковой саргатской погребальной обрядности (Очерки культурогенеза..., 1994, с. 154–167), которая попыталась выделить инвариантное ядро и объяснить значение отдельных элементов. Исходя из общих особенностей мифологического мышления и особенностей общеиранской мифологической картины мира, автор рассматривает концепцию пространства саргатской культуры, частным отражением которой является погребальный обряд.

Исходя из общего состояния развития науки на данном этапе исследования синташтинской погребальной обрядности речь, видимо, может идти о следующей последовательности действий:

а) восстановление первоначального облика погребальных памятников;

б) анализ элементов, определение социоинформативных признаков, создание системы «идеальных моделей» погребений;

в) реконструкция «социально-погребальной» структуры;

г) проверка реконструкции результатами палеоантропологического анализа;

д) реконструкция элементов процессуального уровня погребальной обрядности.

Вряд ли сегодня реальна задача воссоздания в полном объеме социальной структуры. Тем более что хорошо известны определенная консервативность формы погребального обряда (практической сферы) относительно его содержания (идеологической сферы) и лакуарность используемых нами источников (Очерки культурогенеза..., 1994, с. 323). Не исключено, что мы имеем дело с ранним комплексным обществом, по традиции сохраняющим привнесенную извне военно-аристократическую структуру (Массон, 1995, с. 108) в идеологической сфере, но идущим по пути дезинтеграции в связи с утратой факторов, требующих концентрации власти в руках элиты. Возможно, именно на это указывает эгалитарный характер поселений и отсутствие следов реальных военных действий. Хотя это не единственный вариант ответа на поставленные вопросы.

Глава 3.

СИНТАШТИНСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ (источники и анализ)

§ 3.1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Настоящим исследованием учтены все доступные автору сведения о результатах раскопок могильников периода средней бронзы Южного Зауралья. В обработку включены следующие памятники: Синташтинский (СМ (40 могильных ям¹), СІ (16 могильных ям), СІІ (9 могильных ям), СІІІ (1 могильная яма)); Каменный Амбар-5 (курган 2 (17 могильных ям) и 4 (17 могильных ям)); Большекараганский (курган 11 (6 могильных ям), курган 20 (6 могильных ям), курган 22 (1 могильная яма), курган 24 (9 могильных ям)); Солнце II (курган 3 (1 могильная яма), курган 4 (2 могильных ямы), курган 5 (2 могильных ямы), курган 6 (1 могильная яма), курган 7 (2 могильных ямы), курган 11 (2 могильных ямы)); Кривое Озеро (курган 1 (7 могильных ям), курган 2 (6 могильных ям), курган 9 (8 могильных ям), курган 10 (39 могильных ям)).

Информация об авторах и периоде исследования конкретных памятников приведена в § 1.1 настоящей работы. Следует оговориться, что практически все использованные материалы опубликованы (см. § 1.2) за исключением КА-4 (раскопки автора) и четырех курганов могильника Кривое Озеро, исследованных Н. Б. Виноградовым, который любезно предоставил возможность использовать неопубликованные отчетные материалы. В настоящий перечень не включены плохо документированные результаты раскопок В. С. Стоколоса (Кизильский могильник и группа I у с. Степное), а также могильники Александровский IV и БК-25, публикация которых еще не увидела свет. К тому же, включение перечисленных памятников Зауралья в круг синташтинских (за

исключением БК-25) неоспорно. Таким образом, в статистической обработке задействованы 192 могильные ямы, исследованные при раскопках 20 погребальных комплексов пяти могильников, два из которых изучались при участии автора данной работы.

В современной археологии не существует методов определения длительности функционирования конкретных памятников. В условиях, когда мнения относительно периода бытования синташтинского феномена могут быть охарактеризованы как попытки весьма приблизительной оценки, автор вынужденно исходил из хронологического единства всех комплексов, вполне осознавая условность этого тезиса. Оправданием может отчасти служить только прослеживаемая культурная преемственность на протяжении всего периода средней и начала поздней бронзы. Факт разновременности отдельных могильных ям стратиграфически установлен почти для всех могильников (СМ, СІ, БК-24, КА-2, 4, МКО-9, 10), однако выразить в цифрах соотношение и протяженность этапов без применения радиоуглеродных или иных естественнонаучных методов невозможно.

Ниже приведено обобщенное описание синташтинских погребальных памятников в том виде, как они предстают взору исследователя до проведения статистико-комбинаторных операций. Эта часть работы по необходимости носит иллюстративный характер, более подробные конкретные сведения о чертах погребального обряда были включены в базу данных.

В выработке методики автор исходил из наличия трех, кумулятивно взаимосвязанных уровней сложности погребального памятника: погребений, погребальных комплексов и погребальных групп (Ольховский, 1991, с. 14–15). Изучение погребальной группы (метаструктуры погребального комплекса), как наиболее крупной таксономической единицы (Колпаков и др., 1990), включает следующий круг вопросов: вид и состав погребальной группы (могильника), тип организации погребального комплекса в группу, его место в группе (хронология и топография), социальная значимость комплекса в группе, наличие общегруппового святилища и поселения рядом с группой.

Что касается вида погребальных групп, то все могильники, за исключением Синташтинского, являются курганными. Единственным достоверным примером грунтового могильника остается часть эпонимного памятника (СМ), да и то с оговоркой о существовании индивидуальных надмогильных сооружений над крупными могильными ямами. Однако сходная ситуация характерна и для остальных погребальных комплексов, «насыпи» которых сформировались в результате разрушения индивидуальных надмогильных сооружений, основной объем которых зачастую был задан конструкцией центральных ям. Судя по стратиграфическим данным, часть периферийных ям земляными надмогильными конструкциями не снабжалась. Планировочная структура северной части СМ (рис. 22) также принципиально не

¹ Цифрой учтены погребальные сооружения всех типов и погребения, не снабженные никакими конструкциями.

отличается от КА-2 и 4 (рис. 2 и 13), БК-24 и 25, СИ, МКО-1, 2. Информация о совершении интумуральных погребений крайне скудна — достоверно зафиксировано их наличие только на городищах Устье и Аркаим (конкретные сведения в публикациях отсутствуют).

Состав погребальной группы, как правило, монолитен и включает только синхронные погребальные комплексы периода средней бронзы. В могильнике Солнце II часть надмогильных сооружений этого периода была вторично использована в раннем железном веке, в границах Большекараганского могильника выявлены курганы гуннского времени. Необходимо оговориться, что Солнце II отличается от остальных топографией — он локализуется на мысовидной площадке коренного берега, остальные некрополи занимают в основном уплощенные участки первой террасы. На материалах могильника Кривое Озеро установлена стратиграфическая позиция синташтинских и петровских погребений в пределах МКО-10, а также выявлены «чистые» синташтинские (МКО-9) и петровские (МКО-1, 2) погребальные комплексы. В качестве петровского интерпретирован авторами публикации курган БК-22.

Поскольку массовое проникновение курганного обряда в Южное Зауралье происходит именно в период средней бронзы [исключение — единичные памятники ямной культуры — могильник Александровский IV (Мосин, 1996) и Мало-Кизильский могильник (Сальников, 1962)], то синташтинские погребальные комплексы во всех установленных случаях являются наиболее ранними на занимаемых площадках. Не совсем ясна стратиграфическая ситуация для БК-11-7, занимавшей центральную позицию на площадке и выделявшейся на общем фоне некоторыми обрядовыми чертами, позволившими усмотреть авторам раскопок полтавкинские элементы (Боталов и др., 1996, с. 86).

Количество погребальных комплексов в пределах одного некрополя варьирует от 5 до нескольких десятков (в последнем случае не исключена одновременность памятников, не исследованных полностью раскопками). При рассмотрении типа организации погребальных комплексов в группу никакой системы выявлено не было. Различия касаются только компактности размещения сооружений друг относительно друга. Расстояние между комплексами варьирует от десятков до сотен метров. Элементы линейного построения надмогильных сооружений просматриваются только на могильнике Чекатай. Зависимости между локализацией комплекса в пределах группы и его хронологической, топографической позицией, а также его социальной значимостью не прослеживается. Существование общегруппового святилища констатируется только авторами раскопок для эпонимного памятника (СБ).

Некрополи сравнительно равномерно распределены по всей синташтинской ойкумене и достаточно четко соотносятся с конкретными городищами: Синташтинский могильник — СП, Каменный Амбар-5 — Ольгино, Солнце II — Устье, Большекараганский — Аркаим, Кривое Озеро —

Черноречье III. К настоящему времени исключения из правила «одно поселение — один некрополь» не удостоверены раскопками. Единственное исключение — обнаружение синташтинских погребений в могильнике Александровский IV, расположенном в непосредственной близости от поселения Аркаим, некрополем которого считается Большекараганский могильник. Однако до публикации материалов приходится воздержаться от комментариев по этому поводу. Для некоторых поселенческих памятников курганные некрополи также установлены сравнительно надежно по косвенным данным, несмотря на то, что проведено только разведочное обследование (см. § 1.1).

Все без исключения надмогильные конструкции выполнены из дерева и грунта, достоверных случаев использования камня нет. Нередко эти конструкции несут следы огненных ритуалов, хотя ни в одном из случаев нет полной уверенности в том, что следы воздействия огня не соотносятся с конкретными могильными ямами. Существенно различаются способы организации подкурганного пространства: количество и состав могильных ям, их локализация по секторам относительно центра, ориентировка. Данное обстоятельство отмечено Д. Г. Здановичем, предложившим классификацию (Зданович Д., 1997, с. 38), согласно которой некрополи¹ подразделяются на: 1) могильные поля с немаркированными границами, большим количеством могильных ям и слабо выраженной системой планиграфии; 2) могильные поля округлой формы с маркированными границами и упорядоченной системой расположения могил с ориентацией на центральные погребения; 3) одиночные погребения на площадках округлой формы с маркированными границами. Выделение комплексов с маркированными и немаркированными границами искусственно, поскольку процесс строительства (который в общем виде может быть сформулирован как преобразование «природного» в «культурное») предполагает обязательное наложение ограничений на преобразуемую часть пространства (подробнее в § 4.2 настоящей работы). В данном случае речь скорее идет об овеществленности этой части ритуала, а также о качестве полевой фиксации.

В пределах пространства, в большинстве случаев маркированного кольцевым ровиком (реже — валиком или другими способами), в центре, как правило, размещались наиболее крупные, зачастую сдвоенные могильные ямы, возможно, имевшие, согласно реконструкциям некоторых авторов раскопок, общий вход (СИ, БК-25). Впрочем, одновременность возведения ям и в этом случае не исключена, о чем говорят расхождения в размерах и неполное совпадение ориентировок. Остальные погребальные конструкции с разной степенью регулярности располагались по кругу. Для этой группы погребений факт неодновременности их совершения

¹ В данном случае использован термин «некрополь» в понимании Д. Г. Здановича, наиболее близко ему традиционное понятие «кургана» или «погребального комплекса», как его трактует В. С. Ольховский.

надежно устанавливается стратиграфически. Такая «идеальная» схема присуща далеко не всем комплексам, и, как правило, в пределах могильника описанные курганы встречаются наряду с другими способами организации пространства.

Отклонения довольно многочисленны: комплексы с единственной усыпальницей в центре (БК-11, 22, МКО-2, Со-3, 4, 5, 7, КА-4 (рис. 13)) или с тремя (БК-24, СМ (рис. 22), МКО-1); кроме того, в некоторых случаях оказывается трудно выделить ямы, маркирующие центр (МКО-9, 10, Со-11, южная часть СМ (рис. 22)). Однако, если рассматривать только многомогильные погребальные комплексы, то отступлений существенно меньше. В некоторых случаях они могут быть объяснены незавершенностью строительства (КА-4), в других — возведением дополнительных, нередко отличающихся по размеру и ориентировке могильных ям (МКО-1 (?), 9; БК-24; СМ (?)) в более позднее по отношению к основному конструкциям время. Не исключено, что определенное значение имеет и отнесение погребальных комплексов к петровскому периоду (МКО-1, 2 и часть МКО-10). Периферийные ямы, как уже было указано, вписывались в кольцевую планировку и ориентировались короткой (реже длинной) осью к центру площадки. В связи с очевидной подчиненностью расположения этой группы могил идее центра рассмотрение их ориентировки представляется малопродуктивным. Сходным образом обстоит дело и с ориентировкой по сторонам света и относительно центра уже ставилась на других материалах (Генинг В. В., 1987). Следует отметить, что в отдельных случаях центр вообще не был маркирован погребальными конструкциями, тем не менее, кольцевая планировка была сохранена (СН; БК-20). Достойны упоминания и тот факт, что зафиксированы два случая, когда кольцевая планировка подкурганной площадки сочеталась со строгим следованием одной ориентировке для всех периферийных ям: СВ—ЮЗ (БК-20) и СЗ—ЮВ (МКО-1, 2).

Ямы различаются размерами, пропорциями, сложностью оформления. Наиболее очевидное сходство наблюдается только в форме — с небольшими отговорками все ямы могут быть определены как прямоугольные. Практически все вне- и внутримогильные конструкции выполнены из дерева и грунта. Камень, как и на поселениях, использовался минимально и только во вспомогательных целях (для выравнивания перекрытия, расклинивания стенок камеры и др.). Большая часть погребений совершалась в гробницах¹. В ряде случаев, интерпретируемых как ямы, можно предполагать, что основной объем камеры создавался несохранившимся деревянным каркасом. Достоверно наличие скелетов не установлено (не выявлены следы похоронений, зафиксированные для нескольких крупных могил канавообразные углубления, так назы-

ваемые «дромосы», вряд ли использовались по прямому назначению). В пределах могильных ям также зафиксированы следы воздействия огня.

Погребальные камеры содержат весьма разнообразные сочетания умерших по полу и возрасту. Причем большинство крупных могил, видимо, были местом коллективного (по терминологии Е. В. Антоновой) упокоения. Особенно четко это прослеживается для комплексов, имеющих квалифицированные антропологические определения, даже в случае ограбления могилы. Археологическими методами зафиксированы захоронения только по обряду ингумации, для ряда случаев авторами раскопок в разной степени аргументированно предполагается вторичный характер погребения. Покойные скорченно (в основном, слабо или средние) укладывались на дно (зачастую на органическую «подстилку») ямы на левый и правый бок с кистями рук, приближенными к лицу.

К числу наиболее ярких особенностей синташинской погребальной обрядности относится обилие и разнообразие форм жертвоприношений животных, почти исключительно домашних (лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, собака). Различия касаются не только частей жертвенных животных (количество вариантов не позволило даже осуществить полномасштабную формализацию), но также локализации и способа организации конкретных жертвенников. В большинстве случаев части или целые костяки не могут интерпретироваться как заупокойная пища. Наиболее очевидным образом это относится к погребениям коней (или частей туш), сочетающихся со следами установки колесницы и находками псалев.

Весьма обширен и разнообразен корпус вещественных источников, обнаруженных в захоронениях. Наиболее многочисленную серию традиционно для эпохи бронзы составляют керамические сосуды, сильно варьирующие в размерах, орнаментации и, в меньшей степени, в технологии изготовления. Изделия из металла представлены следующими категориями: оружие (наконечники копий, топоры, ножи-кинжалы, наконечники стрел и дротиков), орудия труда (поперечнолезвийные топоры («тесла»), ножи и серповидные орудия (?), иглы, шилья), украшения (бусы, пронизи, подвески в полтора оборота и др.). Наиболее яркой категорией изделий из кости и рога являются щитковые псалы, однако перечень этим отнюдь не исчерпывается и включает наконечники стрел, лопаточки, пронизи, рукояти ножей, «прясла» и т. п. В составе каменного инвентаря наряду с многочисленными наконечниками стрел различных типов встречаются песты и «наковальни», абразивы.

Даже столь поверхностный обзор демонстрирует в высшей степени сложную картину погребальной обрядности, которая не может быть проанализирована исключительно традиционными методами и требует применения формально-статистических процедур.

¹ Здесь и далее автор придерживается разграничения погребальных сооружений на «ямы» и «гробницы» в соответствии с определением В. С. Одыховского.

§ 3.2. МЕТОДЫ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ

Первый этап работы с источниками включал их формализацию для последующей статистической обработки материала. С точки зрения статистики все дальнейшие операции проводились с выборкой генеральной совокупности. Под последней в данном случае понимается совокупность погребальных памятников рассматриваемого периода, недоступная прямому изучению в силу очевидных причин. Оценить степень случайности выборки вряд ли реальная задача, особенно если предполагать существование археологически не фиксируемых форм погребальных обрядов.

Для осуществления аналитических операций была проведена предварительная классификация материала в процессе создания кода описания погребального памятника эпохи средней бронзы. Классификация материала в данном случае может быть определена как *интуитивная*, т. е. такая, при построении которой отношения подобия или различия между единицами интуитивно устанавливаются через широкий круг наблюдений, но неопределенных характеристик, каждая из которых может отражать смесь порождающих импульсов (Dogan and Hodson, 1975, p. 163).

В качестве исходного был избран код, разработанный для памятников степной Скифии В. С. Ольховским (Ольховский, 1991, с. 182–183). Естественно, что погребальные памятники этих периодов и регионов существенно различаются, однако структура основных блоков в обоих случаях реализована сравнительно полно. Модификация была предпринята только в части введения некоторых дополнительных показателей, а также исключения тех, которые не зафиксированы в синташтинских комплексах. От ряда показателей отказ произведен по причине несоответствия требованиям статистической обработки — массовость и вариативность (например, все без исключения погребения совершены в прямоугольных могильных ямах, другие формы просто не зафиксированы).

Многие из использованных в коде признаков относятся к числу сложных. Фактически уже на этапе разработки кода привнесены элементы предварительной реконструкции, что является вполне естественным и закономерным итогом самой процедуры исследования (Гарден, 1983, с. 64–67). В основном это касается конструктивных особенностей могильных ям и, кроме того, отчасти — положения погребенных.

В последнем случае автор старался избежать включения внеобрядовых черт в число признаков (Каменецкий, 1986; Иванов, 1992). Не во всех случаях пришлось следовать заключению авторов раскопок о вторичном характере ряда погребений, как результате декарнации или процесса скелетирования в период временного пребывания на открытом воздухе, поскольку качество полевой фиксации во многих случаях не позволяет достоверно разграничить преднамеренные разрушения погребений и результаты археологизации объекта.

Личные наблюдения при раскопках кургана 4 могильника Каменный Амбар-5 без применения землеройной техники показывают, что даже при очень тщательном документировании и участии антрополога в полевом этапе работ далеко не всегда возможно сделать однозначные заключения. Переотложенность костей погребенных, как и неполнота скелета, может быть обусловлена самыми разнообразными причинами. Наиболее часто это происходит в результате деятельности норных животных. Даже заветривание отдельных костей (следы пребывания на открытом воздухе) не обязательно является итогом ритуальных действий.

Отказ от большинства мерных признаков осуществлен сознательно на этапе отбора показателей в связи со следующими причинами. Основная масса погребений совершена в сложных погребальных комплексах, включающих от 6 до 39 могильных ям. Исключения из этого правила единичны — 6 курганов могильник Солице II (10 могильных ям), СИИ, курган 22 Большекараганского могильника. Это составляет 6% от общего числа погребений (12 из 192).

Поскольку надмогильное сооружение синташтинского времени является результатом руинирования индивидуальных надмогильных конструкций, обобщенное вычисление трудозатрат на его возведение некорректно. Поэтому параметры «насыпи» сознательно исключены из дальнейших рассуждений. Визуальные наблюдения подтверждают, что многомогильные комплексы имеют, как правило, высоту около 1 м и диаметр в пределах 26–32 м. Курганы, содержащие 1–2 ямы, значительно меньше — 0,3–0,6 м высотой и 14–17 м диаметром.

До проведения вычислений было выполнено приведение всех признаков к одной форме — качественных, т. к. созданная база данных предполагает оперирование равноценными качественными признаками. Поэтому мерные характеристики могильных ям также были в ходе предварительных работ переведены из количественных в качественные (Каменецкий и др., 1975). Процедура преобразования разработана и описана (Федоров — Давыдов, 1987). На предварительном этапе была составлена таблица, содержащая наряду с мерными и паспортными данными краткую информацию о составе и количестве погребенных (в тех случаях, когда материалы отчетов и публикаций предоставляли такую возможность). В таблицу включены все доступные автору данные.

Проведенный анализ факторов, влияющих на глубину погребального сооружения, заставил отказаться от этой характеристики могильной ямы, поскольку оказалось невозможным разграничить природные и культурные причины принятия решения. В числе природных могут быть упомянуты сезон погребения, уровень грунтовых вод и др. На выбор длины и ширины ямы они влияли в меньшей степени. Для доказательства этого факта могут быть привлечены данные об устойчивости пропорций могильных ям (в данном случае — отношение длины к ширине). Далее произведены вычис-

ления площади могильных ям, а также их пропорций, полученные данные подвергнуты ранжированию и разбиты на группы.

На этапе разбиения на группы по пропорции необходимо было выбрать основной интервал. С этой целью были проверены два варианта и найден оптимальный — 0,05. При отображении результатов вычислений на гистограмме получены результаты, отличающиеся от нормального распределения кривой Гаусса (Федоров-Давыдов, 1987, с. 45–46). Выделились три пика, которые могут быть условно определены как соотношения ширины и длины 1:1, 2:3 и 1:2.

В коде они получили наименования «квадратной» могильной ямы (1:1), «прямоугольной» (2:3) и «удлиненной» (1:2). Пороговыми значениями для групп стали следующие интервалы: для квадратных — интервал 1,0–1,1, для прямоугольных — 1,1–1,9, для удлиненных — 2,0–2,83. Хотя размах вариаций для ям прямоугольной формы достаточно велик, вычисление среднеквадратического отклонения позволяет настаивать на статистической достоверности существования этой группы.

Львиная группа значений приходится на прямоугольные ямы (89%), на «периферийные» группы приходится значительно меньше: квадратные — 6%, удлиненные — 5%. Таким образом, основным стереотипом при выборе пропорций должен быть признан 2:3. Интерпретировать наличие других стереотипов пока сложно. Судя по всему, группа удлиненных ям неоднородна, поскольку включает погребальные сооружения резко отличные по размерам и количеству погребенных — от одного до восьми.

Таблица 1

Наименование варианта	Размах вариации (в кв. м)	Среднее значение (в кв. м)	Доля группы (в %)
1	11,34–17,64	13,11	7
2	7,20–9,99	8,16	16
3	2,66–6,80	4,49	39
4	0,44–2,43	1,23	38
Всего			100

На втором этапе работа велась в направлении выделения размерных групп могильных ям. Процедура практически идентична: площади могильных ям ранжированы, произведен выбор оптимального интервала (0,5 кв. м), выявление пограничных значений (таблица 1). Картина получилась несколько менее отчетливой, с большим количеством промежуточных значений. Тем не менее, можно уверенно говорить о выделении 4 групп.

Конкретные сведения о значениях приведены ниже.

Формально-статистические процедуры в дальнейшем были применены, главным образом, к двум уровням сложности погребальной памяти — погребениям и погребальным комплексам, включающим по три группы элементов. Разработанный и примененный код (приложение 1) построен по иерархическому принципу и содержит информацию о погребальном комплексе в целом, о входящих в него погребениях, а также об отдельных погребенных в коллективных захоронениях в случае хорошей сохранности. Ввиду невозможности в абсолютном большинстве случаев определить принадлежность инвентаря конкретному погребенному в коллективных усыпальницах, составляющих значительную долю могильных ям, сопровождающий инвентарь рассматривался суммарно. Уже на этапе создания базы данных стала очевидной необходимость введения дополнительных показателей, а также исключения некоторых из внесенных в первый вариант списка. В приложении 2 представлен только последний вариант кода.

Обработка данных произведена с целью выяснения характера распределения и взаимосвязи отдельных признаков погребальной обрядности. Из статистического анализа исключен блок подкурганных следов ритуальных действий (кости жертвенных животных, керамика, вещевой инвентарь). Этот шаг обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, часть находок невозможно достоверно интерпретировать как к жертвенники в результате ограбления могильных ям. Во-вторых, количество погребальных комплексов (курганов) сравнительно невелико и позволяет выполнить анализ без привлечения статистических операций. В-третьих, методика раскопок и качество публикации значительной части синташтинских памятников таковы, что не позволяют надеяться на доскональную фиксацию каждой находки в насыпи. Публикации и отчетные материалы не всегда содержат квалифицированные палеозоологические определения, что лишает анализ должной фундаментальности.

Статистическая обработка не исчерпывает содержание исследования. Далеко не все детали могут быть подвергнуты формализации без существенного информационного ущерба. Речь идет, прежде всего, о единичных находках редких категорий инвентаря и экстраординарных чертах погребальной обрядности. Однако отказ от их интерпретации был бы явно неправомерен. Поэтому в таких случаях предпочтение отдано качественному анализу конкретных случаев и черт. Практически поиски статистических закономерностей являются только предварительным этапом аналитических операций (определением синтаксиса погребальной обрядности), имеющих целью проверку гипотезы о неоднородности выборки, отражающей закономерности генеральной совокупности. На следующем этапе применены элементы метода семиотического анализа для интерпретации полученных результатов и построения историко-социологической, а также элементов семантической модели погребальной обрядности синташтинского населения.

§ 3.3. АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Анализ погребальной обрядности синташтинского населения включает ряд вопросов, в обязательном порядке рассматриваемых археологами при анализе некрополей и включенных мною в код. Часть показателей, оставленных за пределами статистической обработки, в необходимых случаях рассматривается отдельно.

В ходе поиска закономерностей в вариантах размещения некрополей учитывалось несколько позиций, главные из которых — особенности локализации относительно поселения и водоема (см. таблицу 2). В сводку включены все поселенческие памятники, о некрополях которых есть какая-либо информация. Наименование могильника дано в скобках, если оно отличается от названия поселения. Сведения о форме укреплений приведены, поскольку, по оценкам всех исследователей, они отражают культурно-хронологический аспект. Здесь, как и ранее, автор придерживается деления поселений на округлые и подпрямоугольные, не вводя более тонких градаций, т. к. использование столь подробной классификации для сравнительно немногочисленной серии только затемнит суть явления¹. Осложняет дело многослойность некоторых из поселений, сочетающих укрепления округлой и подпрямоугольной формы, и невозможность соотношения некрополей с конкретной формой поселения. Стороны света даны по четырем румбам, в случае расположения погребальных комплексов в непосредственной близости от линии укреплений этот показатель в определенной степени условен. Расстояние между поселением и некрополем варьирует от десятков метров до 1,5—2,0 км.

Несмотря на кажущийся разнородностью приводимых данных, некоторые закономерности уловить вполне возможно. Можно считать доказанным «безразличие» строителей к такому показателю, как правый и левый берег реки. Довольно строго соблюдался обычай разделения «мира мертвых» и живых естественной преградой (8 из 13). В случаях отклонений от этого правила нельзя исключить, что граница маркировалась иными средствами — искусственными или число символическими. Среди комплексов, для которых не зафиксировано наличие «границы», достоверно установлена синхронность поселения и некрополя только для Синташтинского комплекса.

Другая характерная черта локализации — предпочтение северного направления (7 случаев из 13). В особенности четко это устанавливается для раннего этапа. Значимость противоположного,

¹ Стратиграфическое соотношение овальных и округлых поселений установлено всего для одного памятника (Исеней) и только по результатам дешифрирования аэрофотосъемки.

Наименование памятника	Характер исследования некрополя	Форма поселения	Сторона света относительно поселения	Наличие водной преграды	Берег водоема
Синташта	раскопки	округлое	север	нет	левый
Аркаим (Большаекараганский)	— * —	— * —	— * —	река	— * —
Кизильское	— * —	— * —	— * —	нет	прав.
Черноречье III (Кривое Озеро)	— * —	прямоугол.	восток	река	— * —
Ольгино (Каменный Амбар-5)	— * —	прямоугол. (?)	запад	— * —	— * —
Устье (Солнце II)	— * —	округлое прямоугол.	восток	— * —	левый
Чекатай	разведка	прямоугол.	юг	нет	ЮВ
Сарым-Саклы (Заря?)	— * —	округлое	— * —	река	левый
Исеней	— * —	— * —	север	озера (?)	прав.
Степное	— * —	округлое прямоугол.	— * —	нет	левый
Журумбай	— * —	прямоугол.	— * —	река	— * —
Андреевский	— * —	— * —	юг	— * —	прав.
Селенташ	— * —	— * —	север	нет	— * —

южного варианта (3 из 13) размещения косвенно подтверждает правильность приведенного выше наблюдения. Видимо, взаимозамена юга и севера может быть результатом инверсии одних и тех же представлений. В целом, можно говорить о явном преобладании именно меридионального направления, которое носит обрядовый характер. Возможно, что эти показатели взаимосвязаны или даже взаимно дополняют друг друга. Единственным комплексом, где не наблюдается ни размещения некрополя в северных румбах от поселения, ни естественной преграды между ними, является Чекатай, выделяющийся своей локализацией на берегу озера, а не реки, как в остальных случаях. Возможно, этот комплекс памятников датируется раннеалакульским временем, т. е. синхронен памятникам типа поселения Кулевчи III. На данном этапе до проведения стационарных работ убедительная интерпретация этого факта затруднительна.

Детали организации подкурганного пространства заслуживают специального рассмотрения и являются, по твердому убеждению автора настоящей работы, одной из наиболее характерных черт синташтинской погребальной обрядности. Следы подкурганных ритуальных действий достаточно многочисленны,

однако до сего дня не стали предметом специального исследования, что сопряжено с объективными трудностями. Зачастую неразрешимой задачей становится уяснение вопроса о характере сделанных в насыпи находок, поскольку 47% погребений несут следы ограбления, и часть инвентаря попала в надмогильное сооружение именно таким образом. Достоверными являются только факты выявления костей жертвенных животных и керамических сосудов, обнаруженные *in situ*. Однако и в этом случае невозможно разграничить похоронную и поминальную формы обрядности. Очевидно только, что значительная часть жертвенников с разной степенью уверенности может быть связана с конкретными могилами, а не с курганом в целом. Тем не менее, некоторые особенности установлены. Состав жертвенников близок по набору частей и видам жертвенных животных (главным образом, черепа и конечности крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, реже — лошади). Часть таких находок располагалась на специальных деревянных или берестяных блюдах (С1), другие — в ямах небольшой глубины (СМ, Со-4, 7, БК-25). Для последнего варианта в некоторых случаях зафиксированы пространственные «композиции» (СМ, Со-

4, Со-7), семантическая насыщенность которых очевидна, но содержательная интерпретация очень затруднена. Реальное количество погребальных комплексов, снабженных жертвоприношениями, установить невозможно, поскольку значительная часть курганов изучалась с применением землеройной техники.

Характерной особенностью петровских курганов является локализация полных костяков лошадей и частей других животных у края центральных могильных ям (МКО-2-2 и 3). К сожалению, немногочисленность петровских погребальных комплексов Зауралья лишает этот вывод должной доказательности, хотя казахстанские материалы демонстрируют разительное сходство.

Детализировать остальные наблюдения также непросто, ясно только, что часть жертвоприношений совершена уже в процессе возведения надмогильных сооружений крупных могильных ям (С1, МКО-2), другие впущены в уже существующие конструкции (КА-4). С теми же трудностями приходится сталкиваться при изучении традиции помещения сосудов: для КА-4 надежно установлено установка сосуда у внутреннего края рва еще до начала разрушения надмогильных конструкций. Еще более красноречива находка фрагментов одного сосуда на северной и южной перифериях насыпи того же кургана. Таким образом, можно вести речь об «овеществленности» в обряде традиции совершения погребальных и поминальных жертвоприношений. Что касается остальных категорий находок в насыпи, то их атрибуция имеет еще менее оснований для однозначных заключений по причинам, перечисленным выше. Свидетельства существования поминальных (?) обрядов все же имеются: например, находка кристалла раухтопаза за пределами внешней границы рва в КА-4.

Способы маркирования подкурганного пространства округлой формы различны (ров, вал, снятие гумуса и другие, часть которых, видимо, не фиксируется при современном уровне раскопок). Численно преобладают рвы, однако подробно комментировать этот факт вряд ли стоит. Важно отметить их незамкнутый характер — во всех надежно установленных случаях зафиксировано наличие «проходов» внутрь площадки (КА-4 (рис. 13); БК-20, 24, 25 и др.), что наряду с остальным, позволяет предполагать семантическую близость пары курган — поселение.

Выраженной планировочной структурой с круговым расположением периферийных погребальных конструкций характеризуются 57% всех исследованных курганов (12 из 21¹, в том числе с маркированным центром — 10²). Если исключить из подсчета погребальные комплексы с 1–2 могильными ямами, то процент увеличится до

85% (11¹ из 13²). Среди разновидностей локализации периферийных конструкций преобладает кольцевое расположение — короткой осью к центру (рис. 2, 13, 22), однако нередко оно сочетается с радиальным в пределах одного могильника (МКО) и даже кургана (СМ (рис. 22), С1). Наиболее строго эта закономерность прослеживается в отношении основных захоронений. Возможно, что сочетание круговой планировки с единой в пределах кургана ориентировкой периферийных могильных ям (БК-20, МКО-2 (?)) является отражением хронологических изменений погребальной обрядности.

Вопрос о размещении периферийных конструкций относительно центра по секторам сложен, в особенности при попытке получить суммарную картину по всем памятникам.

В общей сложности определено, что 21% могильных ям занимали центральную позицию на площадке. Остальные сравнительно равномерно заполняли периферийные участки (см. таблицу 3³). Колебания в пределах 1–2% вряд ли могут считаться статистически значимыми. Среди «аномалий» — сравнительно большая доля захоронений в ЮЗ секторе (17%) и низкий процент использования северных румбов (5%).

Ориентировки могильных ям также весьма разнообразны, однако в значительной степени это обусловлено способом организации подкурганного пространства. Суммарные данные таблиц 3 и 4 расходятся, поскольку для некоторых (главным образом, впускных) погребений определение ориентировки ям невозможно. Кроме того, в таблицу 4 не включена информация о БК-25.

Вопреки ожиданиям, более половины значений приходится на «промежуточные» ориентировки — СЗ–ЮВ (40%) и СВ–ЮЗ (18%). Правда, это преобладание отчасти достигнуто за счет комплексов, для которых зависимость в размещении относительно центра не прослеживается. Не вызывает удивления и большое количество могильных ям с СЗ–ЮВ ориентировкой в ЮЗ секторе, что точно соответствует круговой планировке. Следует отметить, что и для других секторов следование традиции размещения периферийных погребальных конструкций по кругу соблюдалось довольно строго. В качестве варианта существовала ориентированность могильных ям относительно центра не только короткой осью, но и длинной.

Проиллюстрировать данное положение довольно легко. Лишь 18% могильных ям не соответствуют обозначенным стереотипам, причем основная масса из этого числа является впускными. Радиально размещены 24% ям, однако следует учесть, что столь значительная доля, во-первых, результат сум-

¹ СМ, С1, С11, КА-2 и 4, БК-11, 20, 24 и 25, Со-4, МКО-1 и 2. Включение СМ в данный список обусловлено наличием элементов организации пространства в северной части памятника.

² За вычетом С11 и БК-20.

³ Исключен Со-4, содержащий две могильные ямы.

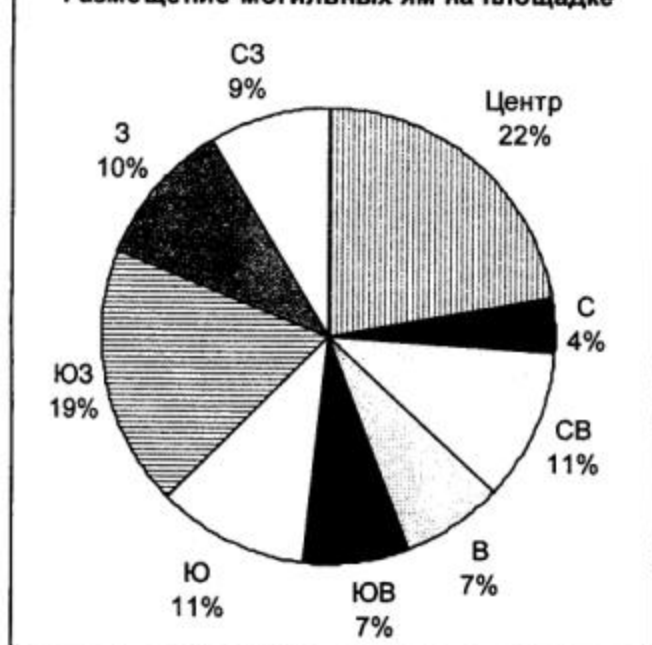
² Оставшиеся МКО-9 и 10 имеют наиболее сложную из числа рассматриваемых памятников историю формирования и сравнительно позднюю хронологическую позицию.

³ Учтены только погребальные комплексы (или части комплексов) с выраженной планировочной структурой, в том числе БК-25.

Таблица 3

	Центр	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
Синташтинские — 159	31	8	18	13	17	16	26	16	14
Петровские — 13	4	—	—	1	2	—	2	2	2
Всего — 172	35	8	18	14	19	16	28	18	16
	21%	5%	10%	8%	11%	9%	17%	10%	9%

Размещение могильных ям на площадке

мирования информации о разновременных памятниках¹, а, во-вторых, треть из этого числа — погребальные сооружения, расположенные в одном ЮВ секторе. Остальные 58% периферийных могил локализовались в соответствии с традицией круговой планировки подкурганного пространства.

Более строгий порядок соблюдался в ориентировании центральных погребальных сооружений, 67% которых характеризуются меридиональным или широтным расположением. Для многомогильных комплексов широтная ориентировка может считаться поздним хронологическим признаком. Характерно, что 84% погребальных сооружений, не приуроченных к центральным сооружениям ям, ориентировались по линии СЗ — ЮВ и СВ — ЮЗ.

Положение погребенных рассматривалось в нескольких системах координат: относительно сторон света, относительно центра погребального комплекса, относительно стенок ямы. Обратимся к каждой из них по порядку. Естественно, произведенными вычислениями учтены только ямы, не подвергшиеся ограблению, либо сохранившие детали, позволяющие судить об ориентировке покойных.

При анализе ориентации по сторонам света в качестве основного был использован показатель

¹ В частности, петровского МКО-1.

Таблица 4

	С — Ю	З — В	СЗ — ЮВ	СВ — ЮЗ
Центр (33)	14	8	9	2
Периферия ¹ (25)	4	—	12	9
С (6)	3	3	—	—
СВ (16)	—	3	11	2
В (11)	6	5	—	—
ЮВ (11)	—	—	9	2
Ю (16)	3	9	2	2
ЮЗ (28)	3	3	19	3
З (15)	7	2	3	3
СЗ (13)	—	2	4	7
Всего (174)	40	35	69	30
(116) ²	(22)	(27)	(48)	(19)

«головной на...», что, конечно, не обозначает признания а priori этого признака осознаваемым носителем культуры³. В данном случае это лишь попытка применения единого подхода при классификации исходного материала. Картина сильно различается при сравнении памятников, в том числе, и в силу их разновременности. В таблице 5 приведены данные по всем погребенным, ориентировка которых установлена. Их оказалось 156, по памятникам они распределились следующим образом: Синташта — 50, Большекараганский — 20, Солнце II — 2, Каменный Амбар-5 — 39, Кривое Озеро — 45. При рассмотрении коллективных захоронений каждый погребенный учитывался индивидуально, хотя в большинстве случаев покойные уложены в сходных позах и ориентированы в одном направлении (рис. 5, 8, 16).

Наиболее вариативной картина оказалась в эпонимном памятнике, где представлены все направления, выделяется только СЗ сектор (30%). Еще менее ясная, ввиду малочисленности серии, ситуация в БК, в котором наблюдается практически такое же раз-

¹ Этим разделом учтены погребения, происходящие из многомогильных комплексов с невыраженной планировочной структурой (южная часть СМ, МКО-10).

² За исключением центральных и ям, определяемых выше как «периферийные».

³ В качестве альтернативных вариантов могут быть предложены обращение лицом к конкретному сектору горизонта или ориентация ногами к стороне света и др.

Таблица 5

Наименование памятника ¹	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
СМ, СІ, СІІ — 50	6	5	4	4	3	6	7	15
БК-11, 20*, 22*, 24, 25 — 20	2	(5)		1	2	5	2 (1)	2
Со-4 — 2				1	1			
А-2, 4 — 39	11				1	16	5	6
МКО-1*, 2*, 9, 10** — 45	7	1		(1)	2	2 (1)	7	21 (3)
Всего погребенных — 156	26	11	4	7	9	30	22	47
	17%	7%	3%	4%	6%	19%	14%	30%
в том числе:								
синташтинские — 145	26	6	4	6	9	29	21	44
петровские — 11	—	5	—	1	—	—	1	1

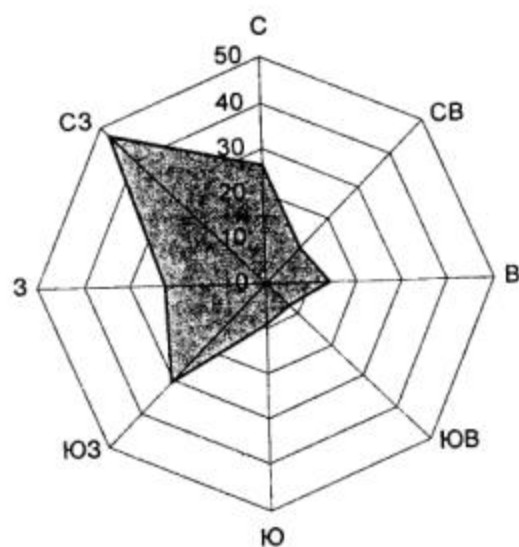
нообразие. «Проигнорированной» оказалась только восточная ориентировка, вообще зафиксированная исключительно в стратиграфически поздней группе захоронений Синташтинского могильника. Более достоверные статистические закономерности установлены в МКО (резкое преобладание СЗ сектора, который с учетом примыкающих северного и западного направлений составляет 89%). Несколько менее выразительно доминирование юго-запада (41%) ² и севера (28%) в КА.

Если попытаться выявить закономерности для массива в целом, то эта задача оказывается практически неразрешимой по двум причинам. Во-первых, приведенные данные являются результатом объединенного рассмотрения разновременных погребальных комплексов, надежное разграничение которых еще впереди. Ввиду малочисленности достоверно установленных петровских захоронений их исключение из статистического анализа мало что проясняет.

Осложняющий момент — наличие преемственности между синташтинскими и петровскими памятниками. Во-вторых, большинство могильных ям довольно строго вписано в круговую планировку, а с учетом того, что практически все погребенные уложены параллельно стенкам, отклонения от «идеальной» схемы должны быть весьма значительны.

Вернемся к полученным цифрам. Они позволяют предположить предпочтение северо-западного направления, которое вкупе с прилегающими севером и западом составляет 61%. Если допустить

Ориентировки погребенных

взаимозаменяемость ориентирования головой и лицом, то с учетом расположения большинства покойных на левом боку вполне объяснимым оказывается и значительный процент (19%) юго-западных ориентировок. Не менее важным представляется и незначительное количество ориентировок в противоположном секторе (СВ — В — ЮВ — Ю) — одна пятая. При подробном изучении этой серии погребений оказывается, что значительная часть из них является впускными захоронениями, либо их хронологическая позиция по облику памятника

¹ Одной звездочкой отмечены относительно поздние (петровские) погребальные комплексы. Двумя маркирован курган, сочетающий погребальные сооружения синташтинского и петровского периодов. Информация о них приведена в скобках. Вне скобок — объединенные данные.

² Преобладание ЮЗ в значительной степени обусловлено двумя массовыми коллективными захоронениями (КА-2-5 и КА-4-2).

¹ Например, БК-20 определяется как курган, имеющий срубные черты в обряде и облике керамики. Именно этот комплекс содержал почти половину СВ ориентировок.

определяется авторами как относительно поздняя¹.

Есть еще одна гипотеза, которая была проверена статистически — соотношение ориентировки и пола погребенного. Несмотря на небезоговорочную точность археологического определения пола красноречивым оказался тот факт, что зафиксированный «канон» в ориентировке оказался соблюденным полностью для женских захоронений, среди которых половина ориентирована головой на северо-запад, а остальные распределены между западным, северным и северо-восточным направлениями. Ориентировки мужских погребений представлены практически всеми вариантами (за исключением ЮВ) при сохранении преобладания З—СЗ—С сектора — более 65%.

Некоторая «смазанность» общей картины может быть результатом суммирования данных взрослых и детских погребений. Для последних соблюдение правил расположения относительно сторон горизонта могло выступать как признак вторичный в сравнении с локализацией относительно центра. Данное замечание, конечно, не относится к случаям совместного погребения взрослых и детей.

Изучение локализации погребенных относительно центра не выявило статистически достоверных фактов. Небольшое преобладание (около 60% выборки) в размещении покойных лицом и головой к центру, видимо, может быть оставлено без комментария.

Сходные проблемы при изучении ориентировок катакомбных памятников Дона стояли перед В. И. Бесединым. Автор по результатам анализа установил иерархию ритуальных предписаний: ориентировка по сторонам света — ориентировка относительно центра кургана — положение погребенного, полагая, что замещение правобочного положения левобочным на позднем этапе существования катакомбной КИО происходит в результате изменения традиции ориентирования покойных с южного направления на северное (Беседин, 1992). Считаю возможным сделать близкое заключение по поводу синташтинских некрополей, констатируя, что основным в порядке размещения было ориентирование по сторонам света, однако традиция размещения ям по кругу вносила значительную вариативность в связи с расположением абсолютного большинства покойных параллельно стенкам ямы. В индивидуальных захоронениях все покойные располагались вдоль длинной оси ямы, в парных и коллективных присутствует также локализация вдоль короткой оси (рис. 5, 9, 16, 31).

На петровском этапе происходит замена меридионального размещения центральных могильных ям широтным, увеличивается число впускных захоронений младенцев, а также радиально расположенных периферийных погребений. Способ размещения покойных скоротечно на левом боку утверждается и становится абсолютно доминирующим не только в Южном Зауралье, но и на большой территории в степной и лесостепной зонах.

Рассмотрение могильных ям с точки зрения формы показало, что абсолютно преобладают прямоугольные ямы (90%), доля квадратных составляет

7%, удлиненные пропорции зафиксированы для 3% могил. По площади выделены 4 группы (варианта) могильных ям. Их усредненные значения — 13,11 кв. м, 8,16 кв. м, 4,49 кв. м, 1,23 кв. м. Соотношение каждого из вариантов с формой ямы приведены в таблице 6.

	Прямоугольные (2 : 3)	Квадратные (1 : 1)	Удлиненные ¹ (1 : 2)
Вариант 1 (13,11 кв. м)	4,43 × 2,96	3,60 × 3,60	5,40 × 1,80
Вариант 2 (8,16 кв. м)	3,50 × 2,33	2,86 × 2,86	4,04 × 2,02
Вариант 3 (4,49 кв. м)	2,60 × 1,73	2,12 × 2,12	3,00 × 1,50
Вариант 4 (1,23 кв. м)	1,36 × 0,90	1,11 × 1,11	1,57 × 0,78

Таблица 6

Естественно, что эти параметры являются некоторым огрублением реальной ситуации, поскольку довольно большая группа значений занимает промежуточное положение между вариантами. Верность намеченного деления в целом подтверждается наблюдениями за составом и возрастом погребенных в пределах погребальных камер (в особенности выпукло закономерный характер связи устанавливается для неогранных могильных ям или при наличии квалифицированных антропологических определений). Данные о количественном соотношении размеров погребальных сооружений с их формой приведены в таблице 7.

Таблица 7

	Прямоугольные (2 : 3)	Квадратные (1 : 1)	Удлиненные (1 : 2)	Всего
Вариант 1 (13,11 кв. м)	20	2	1	23 (12,5%)
Вариант 2 (8,16 кв. м)	30	8	—	38 (20,7%)
Вариант 3 (4,49 кв. м)	47	2	3	52 (28,3%)
Вариант 4 (1,23 кв. м)	69	—	2	71 (38,5%)
Итого — 184 ²	166	12	6	184
100%	90%	7%	3%	(100%)

¹ Здесь и далее для краткости по отношению к прямоугольно-удлиненным ямам используется определение «удлиненные».

² Для части впускных погребений оказалось невозможно определить размеры и, следовательно, отнести к одной из выделенных групп.

**Соотношение размеров и пропорций
могильных ям**

Выделенные размерные варианты надежно увязываются и с конструктивными особенностями погребальных сооружений: из 86 ям, отличающихся предельной простотой конструкции, на долю 3 и 4 групп приходится 70. Не менее характерно полное отсутствие сочетания признаков «яма — вариант 1». Из 99 гробниц на 1 и варианта 2 падает 49. Все без исключения дополнительные конструктивные элементы (столбы, ниши, тайники, ступени и др.) связаны с этими погребальными сооружениями.

По количеству погребенных могильные ямы разделены на индивидуальные, парные и коллективные. Эти группы не исчерпывают всего разнообразия сочетаний, однако дальнейшее дробление неоправданно. Чаще всего количеством покойных обусловлены размеры могильной ямы, конечно, с учетом разницы в размерах детских и взрослых индивидуальных погребений. Фактически, за редким исключением, размерные варианты интерпретируются следующим образом: 1 и 2 — коллективные и парные погребения, 3 — индивидуальные погребения взрослых и подростков (в некоторых случаях сопровождаемые детьми), 4 — индивидуальные детские захоронения (в качестве вариации встречаются случаи помещения двух младенцев). Связь между формой могильной ямы и числом погребенных менее отчетлива. Следует отметить только тот факт, что квадратные погребальные сооружения были исключительно коллективными (например, СИ-1, КА-2-12 (рис. 8)).

Внешне вполне частной, но, по сути, крайне важной является проблема различения коллективных и множественных, по терминологии Е. В. Антоновой, погребений, иначе говоря, одно- или одновременности совершения обряда погребения индивидуумов в пределах камеры. Для синташтинских могильных ям, где число погребенных может доходить до восьми, нет достоверных фактов функционирования склепов. Мало того, в некоторых случаях было установлено вторжение в камеру («ограбление») через короткий промежуток времени путем частичного разрушения перекрытия (Епимахов, 1996б, с. 46; Зданович Д., 1995а, с. 48). Только для двоянных центральных могильных ям предполагается наличие общего входа, однако они

составляют незначительный процент от общего числа. Их особое положение в пределах погребального комплекса не исключает и «особости» конструкции. К сожалению, на сегодняшний день не известно ни одной центральной ямы, сохранившей интерьер и погребения *in situ* (в случае БК-11-7 обрядовые черты неизбежно порождают сомнения в ее одновременности с остальными погребениями кургана). Причиной этого явления в числе прочих может быть и наличие дромоса, т. е. использование этих ям как склепов. Однако прямых стратиграфических и планиграфических свидетельств существования склепов нет. По этой причине введено деление на ямы или гробницы в зависимости от их конструктивных особенностей¹. Не сделано исключение в этом плане и для погребальных конструкций, имеющих канавообразные углубления (КА-4-14, СМ-8, МКО-2-1), отходящих от одной из стенок (угла). В одних случаях это, видимо, элемент технологии строительства — промежуточная ступень при выемке грунта, в других — предполагаются следы ограбления (Генинг В. Ф. и др., 1992, с. 297). Хотя не исключено, что имела место имитация входа.

Противоречие между одноактным характером погребения и многочисленностью покойных мнимое. Нельзя не согласиться с суждением о «сезонном», т. е. летнем характере данной разновидности обряда (Зданович Д., 1997, с. 61–62). Такой подход позволяет объяснить не только сам факт коллективности погребения, но и преобладание в коллективных могилах детей и подростков. Не выглядит фантастичным предположение о сохранении умерших в специальных помещениях до начала весенне-летнего периода, этому не противоречат этнографические данные (например, Русский народ..., 1880, с. 564). Локализация погребенных в пределах камеры не позволяет предполагать подчиненного («зависимого») характера одних покойных относительно других. Кости не несут следов насильственной смерти.

Единственным вариантом взаимообусловленного расположения погребенных являются немногочисленные парные захоронения мужчины и женщины, обращенных лицом друг к другу (рис. 5, 31). Семантическая насыщенность этого вида захоронения уже подчеркивалась (Зданович Д., 1997, с. 55), дополнительным аргументом в пользу этого утверждения является сохранение этого обычая в алакульское время (Виноградов, 1984). Возможно, надо говорить о трансформации обряда в эпоху поздней бронзы, если следовать выводу о одновременности совершения захоронений мужчины и женщины (Сорокин, 1962). Необходимо, правда, сделать два замечания. Во-первых, характерной является ситуация, когда парное погребение сопро-

¹ Единственный пример катакомбы исследован на эпонимном памятнике (СИ-10), однако одним из авторов раскопок (Н. Б. Виноградовым) в личной беседе были высказаны сомнения в безупречности такой интерпретации конструкции.

вождается захоронением или захоронениями детей (КА-2-8¹; МКО-10-6). Во-вторых, в некоторых случаях возникает сомнение в достижении индивидами брачного возраста (СМ-2; СІ-1), что также может быть истолковано как свидетельство высокой семиотичности явления.

Среди погребенных синташтинского времени представлены все возрастные категории, хотя их соотношение сильно варьирует при сопоставлении памятников, а особенно в пределах каждого некрополя. Отечественная наука палеодемография делает первые шаги, поэтому на современном этапе мало надежд на полноценные выводы. Некоторые соображения на эту тему изложены в § 4.1, к сожалению, они весьма далеки от окончательных однозначных заключений. Однако синташтинские коллективные и парные захоронения вряд ли могут быть использованы для выяснения форм семьи, не располагает к этому, прежде всего, реконструируемый обычай сохранения умерших на протяжении зимнего периода для последующего погребения. Установить характер «взаимоотношений» покойных в таких условиях оказывается весьма непросто.

Соотношение типов захоронений выглядит следующим образом: индивидуальные — 99 (52%), парные — 9 (5%), коллективные — 47 (24%), неопределенные — 37 (19%). Приведенные цифры отражают общую тенденцию, однако вряд ли стоит их абсолютизировать при отсутствии антропологических определений и высоком проценте ограбленных могил. Последнее коснулось, главным образом, коллективных и парных захоронений, совершенных в ямах 1 и 2 размерных групп. Из четырех могил этих групп ограблению подверглись три. Для сравнения: в 3 и 4 группе потревожена лишь каждая третья могильная яма. Достоверные случаи совершения символических захоронений (кенотафов) отсутствуют.

При рассмотрении половозрастного состава автор был вынужден ввести довольно широкие возрастные группы — дети, подростки, взрослые. При определении половой принадлежности пришлось ориентироваться только на материалы КА-2 и 4, МКО-2, коллекции которых побывали в руках антрополога. Выделение диагностирующего инвентарного комплекса было сильно осложнено малочисленностью серии, ограниченным количеством анализируемых категорий и коллективным характером большинства захоронений. Тем не менее, некоторые факты можно считать доказанными.

Предметы вооружения — одна из наиболее частых находок в синташтинских погребениях. Однако количество индивидуальных мужских захоронений невелико, и они могут не отражать специфику мужских погребений в целом. Опорными в дальнейшем анализе могут считаться толь-

ко КА-2-5 (рис. 3—4), КА-2-8 (рис. 5—7), КА-2-15 (рис. 10—11), МКО-2-1, СМ-30¹ (рис. 27—29), да и то с оговорками о коллективном характере одних и ограблении других. Среди главных атрибутов мужских погребений, в первую очередь, следует назвать наборы наконечников стрел (в основном кремневых) и детали лука. Последние встречены всего трижды (КА-2-2 и 15 (рис. 11), Со-11-1²). Не столь многочисленны (7% всех погребений) и колчаные наборы (СМ-3 (рис. 24), 5, 8, 12, 24 (?), 30 (рис. 28—29), 39 (рис. 33); СІ-9; СІІ-7 (рис. 36); КА-2-6, КА-2-12-1 (рис. 9), КА-2-15 (рис. 11); Со-5-1 (рис. 35); БК-24-1)³. Эти находки могут быть признаны надежными маркерами мужчин, тем более что сочетание с другими категориями вооружения отнюдь не редкость. Среди последних — наконечники копий (рис. 4, 28—29), топоры (?) (рис. 23, 32—33), оплетки ремешка рукояти плети (рис. 3).

Другая серия, надежно увязывающаяся с мужскими погребениями, точнее, с могильными ямами, содержащими погребения мужчин⁴, — это следы колесниц и псалии (рис. 3, 5, 21, 27). К настоящему времени известны 17 погребений с колесницами и 18 содержащих от одного до четырех псалиев (рис. 6, 29). Однако лишь в 8 могильных ямах выявлено их сочетание. Таким образом, следы транспортных средств в том или ином виде представлены в 27 погребениях, что составляет 14% рассматриваемой выборки. Изучение этой серии показывает ее тесную взаимосвязь с оружейным комплексом. Фактически нет достоверных свидетельств существования следов колесниц или находок предметов упряжи, не сопровождающихся одной или несколькими категориями оружия. Это утверждение могло приобрести большую категоричность, если бы не ограбление «колесничных» могил в четырех случаях из пяти. Вероятно, список инвентаря из погребений с колесницами может быть дополнен однолезвийными ножами и серповидными орудиями. Металлические крючки также соотносятся с оружейным и колесничным комплексом, и могут, видимо, служить факультативным признаком мужских захоронений.

Диагностирующими для женских погребений могут быть названы некоторые типы украшений: желобчатые браслеты (КА-2-12 (рис. 9); БК-20-3; БК-24-8 и 9/1; СМ-2; СІ-11 и 12; СІІ-2 и 10; МКО-10-3, 6, 13, 34), бородавчатые бусы (КА-4-3

¹ Последний включен несмотря на отсутствие квалифицированного заключения антрополога, т. к. в максимально полном виде содержит комплекс вооружения, остатки колесницы и псалии.

² Возможно, этот список может быть пополнен за счет не атрибутированных авторами раскопок костяных и роговых изделий (например, СМ-5).

³ В данный перечень не включены находки единичных наконечников стрел, часть которых происходит из детских (КА-4-2) и даже женских (СМ-22) погребений.

⁴ Из комплексов с антропологическими определениями необходимо упомянуть могильные ямы с коллективными (КА-2-5 и 6 (?)) и парными захоронениями (КА-2-8; КА-4-9 (?)).

¹ В данном случае возрастные характеристики погребенной (11—13 лет) и детей (6—7 лет и новорожденный) не позволяют рассматривать могилу как семейную усыпальницу.

(рис. 18); СМ-13, 18, 21; СІ-12), подвески в полтора оборота (КА-2-17; БК-20-3; СМ-2, 13, 17, 22; СІ-11, СІІ-7; МКО-10-1, 6), шилья и иглы (рис. 9, 15, 18, 26). Следует оговориться, что эти категории являются сравнительно редкими за исключением последних, которые, в отличие от остальных перечисленных, не позволяют отделить группу взрослых погребенных от детских и подростковых. В женских захоронениях встречены в единичных случаях и другие категории — нагрудники (СМ-2 (рис. 26); СІІ-7; КА-4-9 (?)), пронизь с поперечными нарезками (КА-2-4), костяная пряжка и гагатовый кулон (КА-4-3 (рис. 18)). По этой причине не до конца ясно, можно ли считать их специфически женскими. Невразумительна и «половая» принадлежность колец (СМ-10; СІ-5, СІ-14; КА-2-5 (рис. 4); БК-24-3) и перстней (СМ-9, 16 (?), 39 (рис. 33); СІ-9; СІІ-7 (рис. 35); МКО-9-3), традиционно приписываемых к женским атрибутам (Зданович Д., 1997, с. 54). От категоричного суждения удерживают несколько обстоятельств. Во-первых, большинство находок сделано в потревоженных или коллективных усыпальницах, т. е. в условиях, не позволяющих увязать инвентарь с конкретным погребенным. Во-вторых, в который раз приходится сожалеть об отсутствии антропологических анализов. И, наконец, в-третьих, парное СМ-39 не может быть использовано в качестве аргумента женской принадлежности перстней, поскольку ими были снабжены оба погребенных (Генинг В. Ф. и др., 1992, с. 234).

Принадлежностью почти исключительно детских и подростковых захоронений могут быть признаны другие типы украшений: створки раковин, амулеты из клыков лисицы и корсака (рис. 17). Однако многие из погребенных этих возрастных категорий сопровождалась только одним или несколькими сосудами, а то и вовсе были безынвентарны (например, КА-4-13). Многочисленные находки костяных и пастовых бус и пронизей мало полезны в рассматриваемом аспекте, поскольку широко встречаются в женских, подростковых и детских погребениях.

Вместе с тем, ряд категорий, нередко определяемых как оружие, либо орудия труда, сопровождал покойных не только взрослого, но и детских возрастов, среди них должны быть упомянуты ножки-кинжалы, единичные наконечники стрел и тесла — поперечнолезвийные топоры с коленчатой рукоятью (КА-2-12 (рис. 9), КА-4-12 и 15 (рис. 20)). Ножки-кинжалы однозначно не могут выступать в качестве маркеров половой принадлежности, т. к. зафиксированы и в мужских, и в женских погребениях (рис. 9, 11, 24, 29, 31, 35). Возможно, этот вывод будет скорректирован при разграничении боевых и небоевых экземпляров. До осуществления такой дифференциации (сходной с предложенной В. И. Гореликом (Горелик, 1993, с. 15—27)) использование этой категории в интересующем нас аспекте невозможно. Что касается тесел, то они не зафиксированы в сочетании с типично женскими атрибутами, находки же в детских и подростковых погребениях

могут быть свидетельством ранней половой дифференциации в коллективе. Если это предположение верно, то и обнаружение шильев в детско-подростковых могилах может быть аргументом в пользу отнесения к женщинам индивидов, пол которых не определяется антропологически.

Хотя автор далек от мысли настаивать на очень ранней половой дифференциации¹, полностью исключать такую возможность тоже не следует. В ряде случаев пол оказывается невозможно определить не только антропологически, но и по составу инвентаря. Однако вовсе не исключено, что, во-первых, часть социальных маркеров просто не сохранилась (например, одежда), а, во-вторых, половые субкультуры могли актуализироваться для ранних возрастов в связи с иными социальными и индивидуальными факторами. Если принять тезис о раннем отражении половых характеристик индивида в погребальной обрядности, то пороговым является возраст пять—семь лет², поскольку все более молодые покойные, имеющие квалифицированные антропологические определения, имели в качестве сопровождающего инвентаря только керамику и бусы, а также, возможно, некоторые другие виды украшений.

При рассмотрении положения погребенных налицо явное преобладание слабо скорченного положения на левом боку (73%), с расположением кистей рук в районе лица. Различия позы погребенного в зависимости от пола не прослеживаются. Исключения единичны и достойны более подробного освещения. При определении степени скорченности измерения углов между костями не производились. Принципиальными отличиями в положении погребенных являются положение ног, требующее специальной фиксации в области таза, и помещение кистей рук у лица, поперек тела или в районе коленей. Степень же скорченности во многих случаях обусловлена не обрядовыми чертами, а результатом процесса скелетирования (Иванов, 1992).

Восточноевропейские археологические культуры средней бронзы характеризуются минимумом фиксируемых археологически обрядовых черт, поэтому положению погребенного придается большое значение в культурном и хронологическом аспектах. К числу наиболее характерных относится поза скорченно на спине с ногами, свалившимися в одну из сторон. Резонным было бы предположение о ре-

¹ Например, в КА-4-15 покойный, возраст которого не превышал 7 лет, был снабжен теслом. Кажется, это наиболее молодой индивид, сопровождаемый массивным бронзовым предметом, который может быть предположительно отнесен к мужским атрибутам.

² Ранняя половая идентификация индивида отнюдь не редкость в традиционных обществах. Например, у различных славянских народов этот вид инициации приурочен к возрасту от одного года до 15—16 лет (Байбури, 1991, с. 258). Однако, по наблюдению И. С. Кона, именно период от 5 до 7 лет для многих культурных традиций является временем принятия детьми новой социальной роли, в частности, сегрегации групп сверстников по полу (Кон, 1988, с. 96—97).

минисценциях данной обрядовой черты в ранних синташтинских комплексах. Такие случаи встречаются для взрослых погребенных всего дважды в эпонимном комплексе (СІ-12, СМ-10), который, судя по овальной форме поселения, относится к числу ранних. Безоговорочному принятию этой детали в качестве свидетельства ямно-катакомбных корней препятствует стратиграфически более поздняя позиция упомянутых погребений в пределах комплексов¹. В остальных семи случаях положение на спине зафиксировано в детских погребениях, где в силу сохранности костного материала трудно ручаться за точность фиксации².

Вторая обрядовая черта, традиционно привлекающая внимание исследователей, — расположение покойных на правом и левом боку. Первые составляют достаточно большую серию (20%), что лишь частично обусловлено наличием парных захоронений. Остальные выявлены в одиночных (рис. 14, 16, 19) и коллективных захоронениях. Для последних зафиксированы случаи сочетания в пределах одной могильной ямы погребенных на правом и левом боку. Сочетание этих положений в различном процентном соотношении встречается в зоне евразийских степей только в памятниках катакомбной КИО. Правобочные синташтинские погребения не выделяются по другим обрядовым чертам и составу инвентаря из остальной массы погребений.

Неординарное синташтинское погребение, практически идентичное катакомбным погребениям — «пакетам», зафиксировано в эпонимном памятнике (СМ-30 (рис. 27)). Захоронение выделяется не только расчлененностью скелета, но и «избыточным» количеством инвентаря, среди которого основные категории вооружения (копье, наконечники стрел, нож-кинжал) в сочетании с полным «транспортным» набором (колесница, псалии, пара лошадей, представленная черепами и комплектом конечностей). Столь обширный список предметов (рис. 28–29), определяемых большинством исследователей как знаки социального престижа, не был зафиксирован больше ни в одном индивидуальном погребении³. СМ-30 является единственным бесспорным свидетельством существования вторичных погребений, если не считать обнаружения черепа со следами погрыза в неопубликованном БК-25-10 (Зданович Д., 1997, с. 36). В других случаях интерпретация переотложенности человеческих костей в могиле допускает иные варианты толкования.

Как уже отмечено, ограблению подверглось около половины могильных ям (47%), однако эта цифра

не вполне адекватно отражает ситуацию. Более реальной она предстает при рассмотрении фактов ограбления раздельно по размерным вариантам: вариант 1 — 91,3%; вариант 2 — 65,8; вариант 3 — 55,8; вариант 4 — 15,9¹. Таким образом, значительное снижение процента ограбленности достигнуто за счет численного преобладания индивидуальных детских захоронений (вариант 4). Ограблению в первую очередь подвергались индивидуальные погребения взрослых и коллективные усыпальницы. Сам факт столь массового нарушения покоя умерших требует объяснения.

Есть еще два обстоятельства, достойных упоминания до попытки интерпретации ограблений. Во-первых, имеются случаи, когда очевидно, что между завершением погребальной церемонии и проникновением в могилу прошел сравнительно небольшой промежуток времени — не произошло обрушение перекрытия камеры или даже не завершился процесс скелетирования (Со-5-2, Со-11-1)². Во-вторых, в некоторых крупных гробницах были сооружены тайники, куда помещались наиболее ценные предметы инвентаря (БК-24-1, СІ-15 и др.). Вышеизложенное с большой степенью уверенности позволяет предполагать обрядовый характер ограбления. Возможно, что нарушения коснулись только погребальных сооружений, снабженных надмогильными конструкциями. Сильно утрируя, можно интерпретировать «богатство» погребального обряда как «средство» сохранения эгалитарности общества (уничтожение собственности покойного, в том числе и в форме жертвоприношения животных), а ограбление, как способ перераспределения этой собственности (Зданович Д., 1997, с. 65).

Жертвоприношения являются одной из наиболее примечательных черт синташтинских погребальных ритуалов. Разнообразие сочетаний видов жертвенных животных, используемых частей и их локализация в пределах погребального сооружения требовали применения статистических методов анализа. В ходе предварительной работы оказалось, что целый ряд деталей не может быть формализован, а часть фактов, несмотря на яркость, являются единичными и, следовательно, статистически незначимыми. В качестве такого примера может быть приведено помещение заветренной кости лошади в КА-2-15 вплотную к плечевым костям погребенного (рис. 10), использование нижних челюстей мелкого рогатого скота отдельно от черепов в КА-4-2 (рис. 16), единичные находки метаподий свиньи (КА-4-12), костей крыла гуся (Со-11-1) и др.

При выборе вариантов размещения костей изобраны следующие: на дне могильной ямы, на пе-

¹ Впрочем, инвентарь в обоих случаях не может быть использован для подтверждения или опровержения тезиса об относительно поздней дате совершения захоронений.

² Иной, культурологический вариант объяснения приведен в разделе 4.3. настоящей работы.

³ Видимо, это погребение стало на долгие годы наиболее ярким воплощением идеи существования в Зауралье варны воинов-колесничих. Стоит заметить, правда, факт отсутствия других признаков «элитарности» — монументальности сооружения и центрального положения в комплексе.

¹ Для вариантов 3 и 4 потревоженность могил не обязательно связана с ограблением, а может быть результатом действия иных процессов.

² Дополнительным, хотя и косвенным подтверждением может служить «точность», с которой грабители осуществляли проникновение в могильную яму. Т. е. к моменту ограбления руинирование индивидуального надмогильного сооружения не было завершено.

рекрытия, в нише и на краю ямы на уровне погребенной почвы. Количество костей или скелетов в пределах каждой могилы не учитывалось. Наиболее массовыми оказались находки целых скелетов или частей на уровне перекрытия¹, которые составили в среднем 46% всех жертвоприношений, а без учета находок, локализация которых неясна, этот показатель составляет более 56%.

	Перекрытие	Дно	Ниша	Край ямы	Неясно	Всего
Лошадь	39 (72,2%) ²	9 (16,7%)	2 (3,7%)	4 (7,4%)	10	64
КРС	19 (48,5%)	10 (25,6%)	7 (17,9%)	3 (7,7%)	12	51
МРС	45 (46,4%)	35 (36,1%)	14 (14,4%)	3 (3,1%)	20	117
Собака	(100%)	—	—	—	4	13
Итого	112	54	23	10	46	245
%	45,7%	22,0%	9,4%	4,1%	18,8%	100%

Локализация жертвенных животных

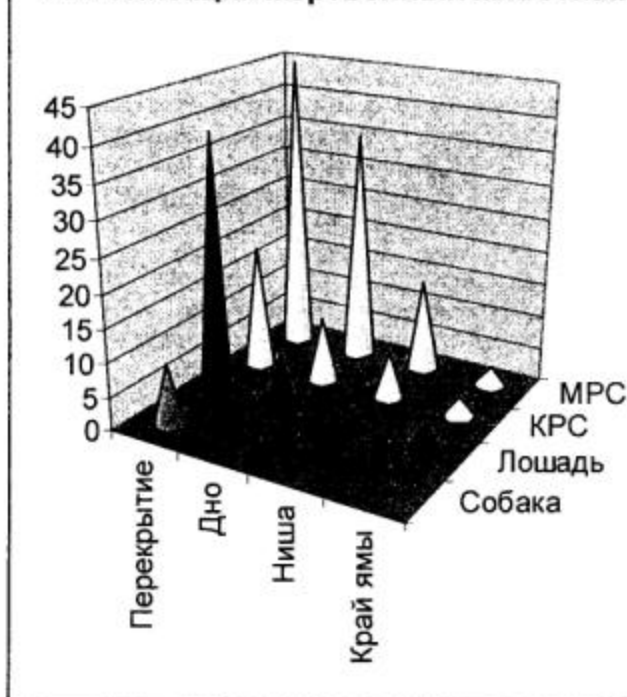

Таблица 8

Хотя картина варьирует по видам животных, тенденция оказывается соблюдена во всех случаях. Особенно велико преобладание в использовании перекрытия для размещения скелетов и ком-

¹ Данное обстоятельство лишь в небольшой степени обусловлено тем, что из-за трудностей надежной атрибуции пришлось отказаться от разграничения «на погребальной камере — в засыпке могильной ямы» (Геннинг В. Ф., 1977, с. 66–67).

² При исчислении процентов были учтены только случаи с достоверной локализацией.

плектов «череп — конечности» лошадей. Значительную долю из этого числа составляют «упряжные» лошади в погребениях с колесницами и/или псалями.

На втором месте по частоте использования стоят дно и придонная часть могильных ям. В данном случае высокий показатель достигнут за счет помещения конечностей либо комплектов череп — конечности мелкого рогатого скота. Не менее важным является факт «игнорирования» некоторых сочетаний — кости собаки вообще не помещались в специальные ниши, на дно ямы и встречены только на уровне перекрытия погребальных камер и в заполнении.

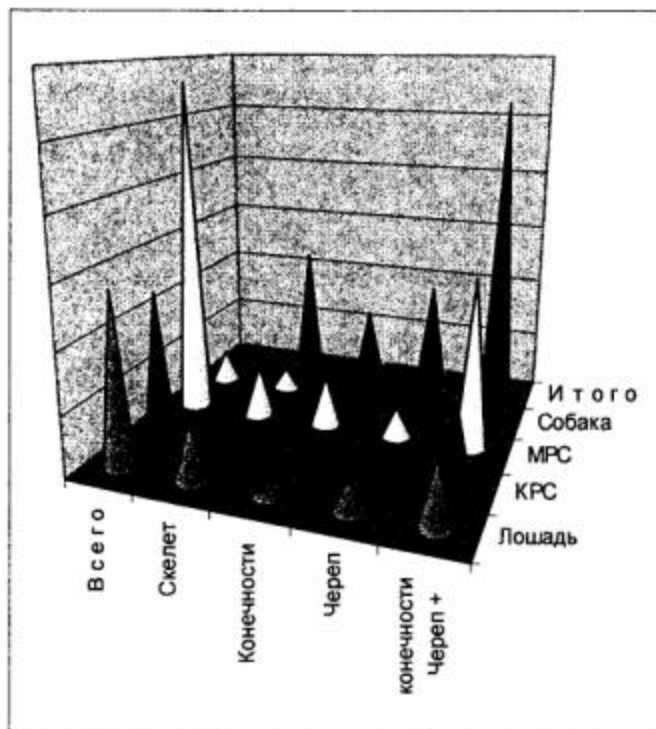
Следует отметить, что способ помещения жертвенных животных на краю могильной ямы надежно зафиксирован только для петровских комплексов МКО. Такая локализация характерна практически для всех видов животных (за исключением собаки), но от статистических выводов приходится воздержаться ввиду скромности имеющейся выборки. Создание специальных ниш для жертвоприношений является одной из наиболее характерных диагностирующих черт синтастинской погребальной обрядности. Однако эта конструктивная особенность отнюдь не была всеобщим явлением и надежно зафиксирована лишь в 9% могил, относящихся в основном ко 2 и 1 размерным группам. Следует отметить, что далеко не всегда при исследовании конструкций ям этих вариантов обнаружены жертвенники рассматриваемого типа. (Могилы варианта 1 наиболее часто подвергались ограблению, поэтому реальное число ниш в них могло быть и выше). Способы организации таких жертвенников варьируют незначительно. Чаще всего части жертвенных животных (в основном, черепа и кости конечностей, редко — другие кости и никогда — полные скелеты) помещались в пространстве между стенками ямы и камеры вдоль короткой стороны.

В использовании частей жертвенных животных (таблица 9) налицо резкое преобладание комплектов «череп + кости конечностей», которое наиболее выразительно для крупного рогатого скота (58%) и мелкого рогатого скота (55%). В некоторых случаях невозможно исключить, что зафиксированные по отдельности черепа и кости конечностей могли бы умножить это число. Вряд ли вызовет возражения сближение семантики упомянутых комплектов (иногда реконструируемых как шкура с головой и отчлененными в коленном суставе конечностями¹) с полными скелетами. Однако такое сопоставление, видимо, не может быть применено в отношении крупного рогатого скота, для которого использование полных скелетов в ритуале не установлено.

¹ Возможность такой интерпретации доказывается находками хвостовых позвонков в ряде могил (например Со-4-1).

Таблица 9

	Скелет	Конечности	Череп	Череп + конечности	Не определены	Всего
Лошадь	19	2	11	21	4	57
КРС	—	5	15	27	2	49
МРС	18	18	11	57	9	113
Собака	8	—	—	—	3	11
Итого	45	25	37	105	18	230
в т. ч. в %	19,5%	10,8%	16,1%	45,9%	7,8%	100%

Прямое сопоставление видов жертвенных животных с половозрастными характеристиками индивидов затруднено, с одной стороны, особенностями погребальной обрядности — коллективным характером захоронений, многочисленными ограблениями и т. п., а с другой стороны, качеством имеющихся данных. По этой причине проверка гипотезы о взаимосвязи этих характеристик была выполнена по косвенным данным — путем сравнения видов животных с вариантами размеров могильных ям, выделенных и атрибутированных выше.

Из полученных фактов заслуживают внимания следующие. Практически полностью отсутствуют достоверные факты использования крупного рогатого скота и лошади при совершении индивидуальных детских захоронений (вариант 4). Методом исключения остается предположить, что в этом случае в качестве жертвенных животных использовались исключительно мелкий рогатый скот и в единичных случаях собака. Часть покойных детских возрастов сопровождалась только минимумом погребального инвентаря (1–2 сосуда,

бусы) или вообще была безынвентарна и не снабжалась никакими жертвенными животными. Однако, судя по достоверным одиночным женским захоронениям (рис. 12, 14), жертвоприношения мелкого рогатого скота не были исключительной особенностью детских захоронений. Возможно, речь идет только о девушках добрачного возраста.

Не менее важной является проверка гипотезы о связи жертвоприношений коня с погребениями мужчин. Для могильных ям с антропологическими и палеозоологическими определениями эта связь является абсолютно достоверной. В тех случаях, когда пол погребенных выявлялся археологически, имеются исключения. Самым ярким из таких исключений является экстраординарное погребение СМ-22, сопровождаемое уникальным нагрудником (рис. 26).

Таблица 10

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Всего
Лошадь	17	24	17	3 ¹	61
КРС	12	21	16	1	50
МРС	13	34	32	32	111
Собака	3	5	3	2	13
Итого	45	84	68	38	235 ²

Можно констатировать, что в погребениях мужчин встречаются все виды животных, однако выявление в составе жертвенника костей лошади может служить достаточно надежным свидетельством наличия мужчины среди похороненных в могильной яме. Правда, в эпонимном памятнике обнаружены детские погребения, в которых встречены кости лошади, что может свидетельствовать о ранней половой дифференциации, которая предполагалась и по результатам анализа инвентаря.

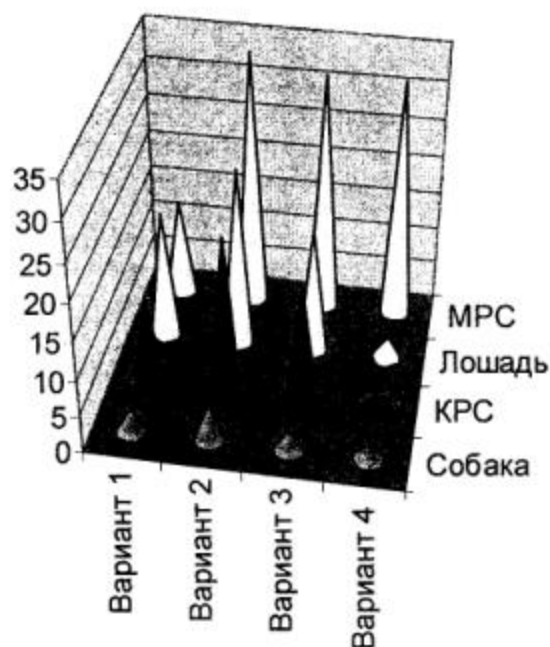
В целом, наблюдается количественное преобладание и видовое разнообразие жертвоприношений в размерных вариантах погребальных сооружений 1–3, которые обусловлены коллективным характером захоронений, с одной стороны, и некоторыми особенностями половозрастной «погребальной структуры» — с другой. Дело в том, что ряд достоверных одиночных захоронений взрослых мужчин и женщин сопровождался всеми основными видами жертвенных животных или сочетанием нескольких из них.

Сложности источникового анализа, отмеченные

¹ Во всех трех случаях (СМ) зафиксированы полные скелеты в заполнении могильных ям, что может быть связано с невозможностью разграничить по времени совершение актов погребения и жертвоприношения.

² Разночтения в итоговых цифрах обусловлены исключением впускных захоронений, когда не было возможности определить вариант размера.

Соотношение видов жертвенных животных и размеров могильных ям

выше, не позволяют говорить о высокой степени достоверности реконструируемой «погребальной» социальной структуры. Несомненно, что основой наблюдаемых резких различий являются половозрастные характеристики похороненных индивидов. Так, например, размеры погребального сооружения диктовались в первую очередь количеством погребенных, во вторую — их принадлежностью к конкретной возрастной группе. Последнее хорошо подтверждается при проверке гипотезы о корреляции возраста погребенных с размерами могилы на примере одиночных захоронений.

Индивидуальные детские и подростковые захоронения зачастую сооружались, исходя из минимальной потребности в размещении покойного и сопровождающего инвентаря. В тех случаях, когда установлены и возрастная группа и размеры погребального сооружения, подсчеты показывают, что 84% детей были помещены в могильные ямы 4-го варианта. На петровском этапе, представленном, к сожалению, только результатами раскопок МКО, для существенной доли таких захоронений вообще не были установлены границы могильных ям, т. к. они были втиснуты в насыпь. Естественно, что в большинстве случаев такие погребальные сооружения имели минимум фиксируемых конструктивных элементов (уступы, столбы, ниши, облицовка стенок деревом и др.). Достаточно точно установлена закономерность в локализации детских захоронений на подкурганном пространстве. Независимо от характера (индивидуальные, коллективные или сопровождающие парное), умершие младших возрастных групп размещались на периферий-

ных участках площадки¹.

Эта часть погребенных, за редким исключением, снабжалась только керамическими сосудами, украшениями, астрагалами, частями (голова + конечности, нижние челюсти) или полными тушами мелкого рогатого скота (рис. 19), а в ряде случаев была безынвентарна. Проведенный анализ позволяет осторожно предполагать довольно раннюю (около 5–7 лет²) половую дифференциацию членов коллектива, свидетельством чего может быть помещение в детские погребения мужских и женских атрибутов. Для ранних возрастов этот вывод невозможно подтвердить или опровергнуть антропологическими данными. В качестве маркеров могли выступать тесла (для мальчиков), с одной стороны, и шилья и иглы (для девочек) — с другой.

Среди типичных «детских» украшений — створки раковин отдельно или в сочетании с наборами просверленных клыков лисицы (корсака), пастовые бусы и пронизи (рис. 17, 19). Эти категории инвентаря, по-видимому, служили украшением одежды и обуви. Есть основания думать, что наиболее молодые члены коллектива осознавались как отдельная возрастная группа. Перечисленные обрядовые черты прослежены, главным образом, по индивидуальным захоронениям, однако в тех случаях, когда коллективные усыпальницы содержали только останки детей и подростков, канон выдерживался также довольно строго.

Для «взрослой» части некрополей картина погребальной обрядности предстает более мозаичной, хотя половые различия несомненны и в этом случае. Мужские и женские погребения отличаются, в основном, по составу сопровождающего инвентаря, в том числе и жертвенных животных. Менее выразительны различия в чертах обрядности. В частности, для женских погребений строго соблюдалась традиция ориентирования в З–СЗ–С сектор горизонта. В размещении относительно центра погребального комплекса также прослеживаются только две разновидности — «головой» и «лицом» с преобладанием последней. Для парных захоронений в случаях, когда есть основания для суждения о половой принадлежности индивидов, типичным является размещение женщины на левом боку, а мужчины — на правом (рис. 5).

Мужская обрядность более вариативна в ориентировке по сторонам света и относительно центра, в использовании экстраординарных форм (расчлененные захоронения) и др. Не случайна в этой связи зафиксированная закономерность в использовании всего спектра видов жертвенных животных (в том числе и столь экзотических, как гусь).

¹ Это правило оказывается несоблюденным только в МКО-10, где часть впускных детских захоронений совершена в центральной части. Однако данный комплекс, по мнению автора раскопок, не одновременен.

² Приведенная цифра до некоторой степени условна, поскольку антропологические определения фрагментированного костного материала не всегда дают возможность для получения точной информации о возрасте покойного, в особенности для ранних возрастов.

Специфически «мужским» жертвенным животным, видимо, является конь, который отнюдь не всегда может быть интерпретирован как транспортное средство.

Как уже отмечено выше, основой членения массива взрослых погребенных по половому признаку являются характерные категории инвентаря: для мужчин — комплекс вооружения, включая следы колесниц и находки конской упряжи; для женщин — определенные виды украшений и некоторые орудия труда. Следует, правда, отметить, что в единичных случаях инвентарь, определяемый как типично мужской или женский, сочетается в пределах одних экстраординарных погребений (рис. 26).

Ряд категорий погребального инвентаря и прослеживаемое сходство обрядовых черт позволяет говорить о культурном единстве выделенных групп. Среди предметов инвентаря должны быть названы не только все виды посуды, независимо от размера и материала, но также астрагалы, ножи-кинжалы. Важным обстоятельством является неспецифический характер признаков, определяемых как следы занятий металлургией и металлообработкой (сопла (рис. 37), продукты металлургии (рис. 18, 37), каменные орудия для обработки металла — песты, «наковальни», абразивы. Оказалось невозможным надежно соотнести эти сравнительно немногочисленные находки ни с одной выделяемой половозрастной группой. Могут быть исключены, разве что, наиболее молодые индивиды.

Серия погребений взрослых индивидов демонстрирует определенную неоднородность не только в связи с половозрастными градациями. Хотя в отсутствие дробного определения возраста умерших в абсолютном большинстве рассматриваемых случаев невозможно полностью исключить, что часть различий связана с возрастом смерти. Наличие в числе находок сравнительно редких категорий (для женских погребений — это нагрудники, для мужских — некоторые предметы вооружения: наконечники копий, топоры, чекан²) позволяет ввести более тонкие градации в рассматриваемом массиве. Однако в этом случае удастся констатировать лишь статистически большее количество используемых

категорий инвентаря. Иные черты обряда (ориентировка, локализация, поза) не дают оснований для проведения четкой границы между группами. Единственным исключением, да и то с многочисленными оговорками, можно назвать «колесничный» комплекс, зачастую связанный с центральными могилами, но и серия отклонений от этого правила весьма представительна.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о значительной роли половозрастных субкультур в формировании облика погребальной обрядности. Имеющиеся неполовозрастные различия с трудом поддаются интерпретации. Во всяком случае, на материалах некрополей выделение «элитной» группы возможно только при условии априорного признания некоторых категорий инвентаря маркерами высокого социального статуса.

Вторым признаком, наиболее часто используемым при попытках выделения элитной группы, является локализация могил в центре погребального комплекса. К сожалению, это положение не может быть надежно проиллюстрировано синташинскими материалами по причине ограбления центральных гробниц. Невозможно говорить о далеко зашедшей социальной дифференциации и при сопоставлении трудозатрат, хотя центральные сооружения практически во всех случаях отличаются большей монументальностью в сравнении с периферийными. Маркеры «профессиональной» принадлежности погребенных (надежно выделяется комплекс инвентаря, связанного с металлургией и металлообработкой) также не связаны с конкретными половозрастными градациями либо обрядовыми чертами¹.

Анализ локализации находок «социальных» маркеров в пределах подкурганной площадки показывает, что они обнаружены не только в центральных, но и в периферийных погребениях. Это обстоятельство неизбежно порождает сомнения либо в правильности интерпретации этой категории находок, либо по поводу совпадения «элитности» центра с его высокой сакральной значимостью.

¹ Некоторые из числа неупомянутых в данном перечислении (костяные лопаточки, наперстки булавы) не дают возможности однозначно решить вопрос об их соотношении с мужским или женским комплексом.

² Достаточно сравнить единственное в кургане погребение СИП (коллективное погребение со следами колесницы, соплами, заготовками литейных форм) и периферийное КА-4-3 (индивидуальное женское погребение, сопровождаемое многочисленными украшениями, пряжкой, иглой в игольнице, а также рудой).

Глава 4.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Человек, имеющий одни часы, твердо знает, который час. Человек, имеющий несколько часов, ни в чем не уверен.

А. Блох

§ 4.1. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИНТАШТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевым аспектом рассмотрения синташтинской погребальной обрядности является уяснение социально-экономических реалий общества, которые, естественно, не могут быть реконструированы в полной мере в рамках анализа исключительно одного типа памятников (в данном случае некрополей). Сегодняшний уровень изучения синташтинского феномена создает более благоприятные возможности для социальных реконструкций в сравнении с другими культурами эпохи бронзы. Пространственная и темпоральная определенность позволяет сравнительно точно уяснить демографические параметры общества, установить уровень развития производительных сил и другие аспекты. Созданы реальные предпосылки к сопоставлению существующих социологических моделей с синташтинскими материалами.

Итоги историографического обзора (§ 1.2.) не позволяют надеяться на выработку согласованного мнения по большому перечню вопросов социальной жизни данного общества, варианты ответов на которые чрезвычайно многообразны. Не высказывается, правда, сомнений относительно включения синташтинского социума в круг комплексных

обществ, однако эта классификационная единица слишком широка, чтобы иметь какую-либо эвристическую ценность. В зарубежной литературе в число таких обществ включаются государства и империи, синташтинский же социум должен быть отнесен к категории наиболее простых — *simpler society* (Tainter, 1988, p. 24–26). Для понимания природы комплексности (*complexity*) наибольшее значение имеют две концепции неравенства (*inequality*) и неоднородности (*heterogeneity*). Для отечественной историографии первобытного общества первая более привычна, поскольку отражает вертикальную дифференциацию, социальное ранжирование и различную доступность ресурсов для каждой категории населения. Вторая рассматривает равномерность распределения групп населения по занятиям и социальной роли¹. Несмотря на взаимосвязанность этих концепций, они по-разному отражают динамику социальной эволюции.

В решении вопроса о происхождении комплексности обществ, рассматриваемого, в основном, в отношении генезиса государства, предлагается несколько вариантов ответа. Основа разночтений — понимание природы государства: либо как механизма предотвращения борьбы классов (так называемая «теория конфликтов»), либо как аппарата реализации общественно значимых решений в интересах коллектива в целом (Tainter, 1988, p. 194 etc.). Трудности поиска следов классовой борьбы в археологических материалах известны. Даже наличие «очевидной» дифференциации в погребальной обрядности не может служить надежным доказательством (Mays, 1989, p. 219)². Полагаю, что в отношении синташтинских материалов доказательства эксплуатации одной группой остальной части населения выявлены не будут, поэтому есть прямой резон продолжить поиски в пределах второго варианта.

Разночтения также не касаются отнесения рассматриваемого социума к периоду поздней первобытности, именуемому марксистским обществоведением, оперирующим понятиями формационного эволюционизма, «разложением первобытнообщинного строя» (Массон, 1996, с. 90). Однако вариации в обозначенных границах более чем существенны — от минимального превышения уровня примитивной хозяйственной автаркии до предгосударственных образований, не говоря уж о формах реализации этих различий. Тем не менее, для данного этапа социальной эволюции предложено довольно ограниченное количество концепций, которые и будут рассмотрены ниже.

По отношению к обществам с демографическими параметрами от тысячи до немногих десятков

¹ Гомогенность общества при таком подходе остается сугубо абстрактной категорией, а общества различаются только степенью гетерогенности (неоднородности).

² Комплекс доказательств выходит за рамки собственно археологии и включает, например, изучение по химическому составу костей различий в питании индивидов различных социальных групп, выделенных по другим данным.

тысяч получило распространение определение *среднемасштабные (middle range)* (Березкин, 1995, с. 31; Березкин, 1997, с. 3–5). Их функционирование предполагает, что члены общества постоянно совершают акты передачи своих властных полномочий, вступая в сложную систему взаимоотношений. В сфере подразумеваемого остается заключение о том, что достижение определенной численности социума требует делегирования членами коллектива части полномочий отдельным лицам или группам. На данном этапе социальной эволюции речь не идет о создании специального аппарата принуждения, характеризующего государство. Определение «среднемасштабные» оказалось наиболее удобным именно в силу своей нейтральности, поскольку не включает социально-экономические и политические характеристики общества, являющиеся, как правило, предметом горячих дискуссий. Среди таких обществ ныне различают вождества и протополисы, зачастую воспринимаемые как альтернативные формы социальной организации.

Несмотря на отказ большинства ученых от тезиса об универсальном характере *вождества (chiefdom)* как этапа в социальной эволюции (если, конечно, исключить многочисленные ныне расширительные толкования (Carneiro, 1981, с. 48–49)), эта концепция, начало которой положено этнографами еще в 50-е гг. XX в., остается на сегодня наиболее детализированной. В период формирования понятие включало только политические реалии комплексных догосударственных образований, однако на сегодняшний день положение изменилось. Так, «Свод этнографических понятий и терминов» определяет вождество как форму социально-экономической организации общества, экономической основой которой является возникновение прибавочного продукта, отчуждаемого родоплеменной верхушкой, которая частично присваивает этот продукт, направляя другую часть на нужды социума (Першин, 1986, с. 34). При этом наследственная власть вождей институализирована, а элита имеет два — четыре уровня иерархии. Существуют и другие определения этого явления, включающие исключительно социально-политические характеристики.

Так, согласно определению Р. Карнейро, вождество является автономным политическим объединением, включающим несколько поселений или обществ, которые находятся под постоянным контролем верховного вождя (Carneiro, 1981, с. 45). Таким образом, речь идет о существовании централизованной иерархической структуры во главе с властной элитой. Количество уровней иерархии поселений предлагается автором в качестве универсального диагностирующего признака уровня сложности социальной структуры: два уровня — вождество, три — государство, четыре — империя. Впрочем, понятие вождества включает весьма разнородные общества, поэтому сосуществует несколько типологий вождеств по различным основаниям: военные и теократические (Дж. Стевард); ориентированные на групповые или индивидуаль-

ные интересы (К. Ренфрю); простые и сложные (Ш. Малинаускас и др.), как вариант — минимальные, типичные, максимальные (Р. Карнейро), последние маркируют уже порог государственности. Следует сделать оговорку, что практически все классификации построены на этнографическом материале и требуют специальной адаптации к археологическим данным.

Археологическими критериями, диагностирующими существование вождества, могут служить следующие признаки: во-первых, наличие крупных, детально разработанных архитектурных объектов, сооружение которых значительно превышает трудовые ресурсы отдельного поселения и требует целенаправленной организационной работы; во-вторых, существование церемониальных центров, меньших числом в сравнении с автономными поселениями, и потому подразумевающих интеграцию населения; в-третьих, аргументом может служить обнаружение погребений вождей, резко отличающихся от основной массы похороненных количеством и качеством погребального инвентаря. Кроме того, может быть использовано картографирование для выяснения неравномерности распределения поселений с учетом разницы в площадях конкретных поселенческих памятников (Carneiro, 1981, с. 53–54). К факультативным признакам вождества может быть отнесено формирование «интернационального» стиля элиты, предполагающее ее обособление от основной массы населения апелляцией к «внешним» образцам (Бочкарев, 1995).

К числу важнейших выводов современных сторонников данной концепции относится эффективность ее использования, главным образом, при компаративных исследованиях либо решении вопросов динамики эволюции отдельных территорий на больших временных промежутках.

Протополисный путь развития характеризуется общиной, сдерживающей процессы социальной стратификации. Фактически протополис сохраняет форму общинного поселка, приобретающего некоторые черты храмового комплекса. В социальном плане протополис характеризуется сильной территориальной общиной и наличием элиты, тесно интегрированной в структуру этой общины. Такие социумы также способны достигать высокого уровня социальной интеграции, технической кооперации и мастерства (Крадин, 1995, с. 20).

В несколько ином ключе обозначенное противопоставление типов социальной организации рассматривается К. Кристиансенсом (Kristiansen, 1993, с. 21–22), объектом изучения которого стала территория Европы периода эпохи бронзы — раннего железного века как глобальная система. Автором выделены два типа, отличающихся основой хозяйства, степенью централизации и идеологией. Первый характеризуется крупными поселенческими центрами металлургического производства, отношения редиистрибуции в которых контролируются элитой. Базой хозяйственной жизни являются земледельческие общности, «демократическая» идеология которых воплощена в «коммунальных» кладбищах, имеющих несколько социальных гра-

даций. Второй тип отличается большей децентрализацией «военизированных» скотоводческих обществ. Отражением вождеского характера идеологии является наличие курганов, содержащих более многочисленные свидетельства «богатства» погребенных.

Эти два типа социальной организации находились в постоянном взаимодействии. Его динамика на каждом конкретном временном промежутке определялась климатическими факторами, отношениями центр — периферия, внутренними и внешними историческими процессами (миграции, торговля и т. п.).

Кроме того, рядом авторов выдвинута гипотеза о существовании так называемых *акефальных* обществ (Березкин, 1994, с. 33), которые по демографическим параметрам также относятся к среднemasштабным, но в отличие от вождеств не имеют выраженного властного центра. Целостность такого социума поддерживается не сосредоточением власти и ресурсов в руках военной и культовой элиты, а массовыми церемониями и ритуалами, в ходе которых определяются социальные позиции групп и индивидов. В целом, такое общество может быть определено как эгалитарное, в отличие от вождества иерархия отсутствует. Наличие достоверных этнографических примеров обществ, численность которых превышает 2000, но лишенных властного центра (Березкин, 1997, с. 19–20), не позволяет сомневаться в его жизнеспособности.

Близкое понимание одной из форм догосударственных комплексных обществ в развитие классификации К. Ренфрю (групповые и индивидуальные вождества) предложил Дж. Рик. Согласно его классификации, они могут быть разделены на два типа: с целевой интеграцией (контроль элиты над ресурсами, информацией и людьми, имеющий результатом сосредоточение власти и ценностей) и с функциональной интеграцией (отсутствие групп, выделяющихся уровнем престижного потребления) (Березкин, 1995б, с. 254). Акефальное общество, видимо, является генетическим предшественником более «продвинутых» социальных форм — вождества и протополиса.

Еще одна концепция, требующая упоминания в рамках настоящего исследования, — это концепция *раннего комплексного общества (РКО)*¹, которое В. М. Массон считает более широким понятием в сравнении с вождеством, отражающим, по его мнению, только политическую сторону явления (Массон, 1996, с. 90–95), что для современных исследований только частично соответствует действительности. Характерными чертами таких обществ являются: усложнение социальной и экономической сферы, социальная иерархия, высокая роль интеграционных центров при сохранении размытости социальных страт, недостаточно за-

крепленных имущественным статусом². В экономической сфере появляются специализированные производства, исчезает замкнутость отдельных поселений, меняется характер обмена и торговли как необходимой части производства, в частности, металлургического (обмен выходит за рамки бесконтактного, многоступенчатого, обрядового и приобретает черты предметно обусловленного, постепенно приближается к торговле по известной схеме «товар — деньги — товар»).

Археологическими свидетельствами такого общества также являются, во-первых, результаты крупномасштабной организованной деятельности (большие поселения с регулярной планировкой, монументальные культовые центры и экстраординарные погребальные комплексы). Автор различает два генеральных пути развития РКО — урбанистический (цивилизационный ?) и неурбанистический, подразделяя последний на оседлоземледельческий и степной. Яркое проявление степного РКО В. М. Массон видит в резком усилении военной функции и выделении страты воинов-колесничих в середине II тыс. до н. э. Вторым основным явлением, характеризующим РКО, является наличие власти вождя-лидера, которая необходима для планирования, организации и осуществления контроля за строительством упомянутых выше объектов. Причем фигура вождя-лидера обретает отчетливую полифункциональность (производство, война, идеология).

К сожалению, приведенный комплекс археологических признаков не позволяет разграничить вождество и раннее государство. Функционально оба явления ориентированы на поддержание жизнедеятельности общества и различаются не столько масштабами и степенью сложности социальной структуры (количеством иерархических уровней), сколько способами решения основной задачи. Государство применяет для этой цели централизованное правление (как механизм принуждения), позволяющее осуществлять привлечение людских ресурсов для работ или ведения войны, взимание на постоянной основе налогов, установление и реализацию законов, монополизацию применения силы, неродовой принцип территориальной организации.

Археологические критерии существования протополисов оказываются еще более размытыми, чем вождества. Следы крупномасштабной организованной деятельности могут характеризовать оба типа социума, различия лежат в области роли элиты в обществе и степени ее обособленности от остальных членов коллектива, иначе говоря, степени стратифицированности общества.

Изложение основных элементов названных подходов демонстрирует непредвзятому взгляду очевидную близость основных положений концепций, фактически оперирующих одним кругом понятий и признаков, особенно в части археологиче-

¹ Хотя эта точка зрения находится в пределах упомянутой выше традиции изучения комплексности общества, ей уделено внимание, т.к. она изложена В. М. Массоном в том числе и в приложении к синташтинским древностям.

² Не совсем понятным, правда, остается содержание «размытости социальных страт», в которых тем не менее индивидуальный статус устанавливается при рождении принадлежностью к определенной страте.

ских критериев. В этой связи есть смысл рассмотреть возможности приложения теоретических построений концепций вождества и акефального общества к конкретным материалам (тем более что для протополиса это уже сделано (Зданович Д., 1997)), оговаривая в конкретных случаях собственное понимание содержания отдельных постулатов концепций.

Основными аспектами социологической интерпретации конкретных групп памятников и стоящих за ними обществ являются: территориальная организация, военное дело, торговля и обмен, затраты социума на осуществление непроизводственной деятельности (Earle, 1991a, с. 63–69). При рассмотрении факторов, влияющих на генезис социальной стратификации, перечень может включать природно-экологические условия, систему хозяйства, роль металлов, военный фактор, демографический фактор, обмен и торговлю (Хазанов, 1979, с. 132–145), отношения рестрибуции и др. (Carneiro, 1981, с. 57–63). Необходимо сделать оговорку о невозможности сведения процесса формирования стратифицированного общества к действию любого из перечисленных факторов, а также о том, что наличие потенциальных возможностей вовсе не детерминирует их практическую реализацию.

Пора обратиться к анализу основных черт социума периода средней бронзы Южного Зауралья в том виде, как они воплощены в памятниках. Их специфика заключена в нескольких важнейших признаках. Во-первых, должно быть упомянуто наличие монументальных систем фортификации на поселениях, организованных в виде регулярных кварталов плотной застройки. Военизированный характер имеют многие мужские погребальные комплексы, содержащие многочисленные предметы вооружения, колесницы и детали конской упряжи.

Система расселения, в отличие от других периодов эпохи бронзы, благодаря широкому применению различных методов установлена сравнительно точно: выяснены границы ойкумены, количество и площадь укрепленных поселений, особенности их топографии, намечена внутренняя хронология отдельных типов планировки. Установленным фактом можно считать отсутствие иерархии памятников в пределах ойкумены — невозможно выделить какие-либо значимые различия площади или степени сложности укрепленных поселений. Выявленные расхождения в форме городищ, как и поэтапная утрата традиции возведения сложных фортификационных сооружений, носят хронологический характер. Ощущается острый дефицит достоверных сведений и о «сельскохозяйственной округе» — группе неукрепленных поселений, входящих в систему жизнеобеспечения каждого городища за исключением слабо обследованных памятников в районе Аркаима (Зданович Д., 1997, с. 14). Тем не менее, на столь шатком фундаменте предполагается существование поселений не только второго, но даже третьего порядка (Зданович Г., 1997, с. 59). Исследователями Аркаима, впрочем, хорошо понимаются слабости собственной аргументации и признается возможность сосуществования

разных моделей расселения — изолированной и групповой¹ (Зданович Д., 1997, с. 10–11). Не случайна произведенная в последних публикациях замена понятия «протогород» на «квазигород», содержание которого существенно отличается (Андреев, 1987, с. 7 и 10). В соответствии с пониманием автора термина основой существования последнего является слабо дифференцированная социально-земледельческая община².

Часть приводимых фактов, характеризующих вторую модель, требует дополнительной проверки перекрестными методиками. Пока трудно принять тезис о существовании «посадов» у крепостных стен, тем более с оговоркой об их возможной разновременности (?) (Зданович Д., 1997, с. 13, 20). Так, например, результаты многолетних стационарных исследований одного из приведенных в списке памятников — Устье — никак не подтверждают существование жилищ синташтинско-петровского времени за пределами линии укреплений. В конечном итоге, многочисленные оговорки о возможной нецелесообразности существования поселений-сателлитов в условиях скромных размеров «сельскохозяйственной округи» низводят их значение до минимального. Просто бессмысленно спорить о том, что значительная часть хозяйственной деятельности (выпас и содержание скота, добыча полезных ископаемых и пр.) происходила за пределами линии обороны. Видимо, это обстоятельство и документировано немногочисленными находками фрагментов керамики в пределах Аркаимской долины.

Нет и резко выделяющихся на общем фоне могильников, которые можно было бы интерпретировать как сепаратные некрополи лиц особого социального статуса. В отличие от поселенческих памятников в последнем случае мы оперируем значительно меньшей выборкой, вынужденно ориентируясь только на стационарно исследованные погребальные комплексы. Вариации при сравнении памятников, естественно, имеют место, в том числе в количестве и составе инвентаря, но характер их позволяет предложить объяснения этих различий, не прибегая к терминологии социальной, а тем более имущественной, дифференциации и не предполагая существование иерархической системы для территории в целом. Существование элиты предполагается большинством исследователей (Васильев и др., 1992; Бочкарев, 1995, с. 23 и др.), однако только в последнее время сделана попытка обоснования этого утверждения (Зданович Д., 1997, с. 61–68), приведшая автора к выводам близким тому, что изложено на этих страницах, а именно: неопредмеченность элиты «в жизни» (нет признаков ее существования на поселениях, весьма размыты они в погребальном обряде), сильны позиции половозрастных субкультур в синташтинском погребальном обряде.

¹ Видимо, именно первая из них характеризует систему расселения.

² Именно этим, видимо, обусловлено сохранение уязвимого тезиса о синташтинском земледелии.

Вторым характерным признаком синташтинского общества должен быть назван высокий уровень развития металлургии и металлообработки, хорошо документированный материалами раскопок поселений. Имеют место, хотя и не составляют больших серий, находки продуктов (шлак, руда, сплески) и орудий металлопроизводства в погребениях. Впрочем, о трудностях выделения таких погребений уже приходилось высказываться (Епимахов, 1996б, с. 38, 40). Кроме того, есть основания полагать, что далеко не все умершие члены коллектива доступны сегодняшнему археологическому изучению (подробнее см. ниже), что могло деформировать картину социальной жизни, между тем большинство выводов специалистов строится почти исключительно на результатах раскопок некрополей.

В-третьих, на фоне других памятников степной-лесостепной бронзы синташтинские погребения выделяются обилием жертвоприношений и инвентаря, среди которого, правда, отсутствуют предметы роскоши, хотя и имеются находки, традиционно трактуемые исследователями как инсигнии власти (навершие булавы, боевые топоры, наконечники копий и др. (рис. 4, 7, 22, 26, 29—30, 33)). Близкий круг признаков рассматривается зарубежными археологами в отношении памятников неолита — раннего железного века Британии и Скандинавии (Bredley, 1991; Kristiansen, 1991 и др.), анализ которых ведется в рамках концепции вожества.

Теперь рассмотрим факторы, генерирующие социальные изменения, формирующие облик синташтинского общества. Изучение производственного потенциала общества имеет основополагающее значение, поскольку отсутствие излишков основного (прибавочного) продукта просто снимает вопрос о существовании обособленной элиты, лишая последнюю возможности мобилизации этих излишков и тем самым средств существования. Не менее важно наличие возможности его перераспределения и реализации (Хазанов, 1979, с. 127).

Основой хозяйства синташтинского общества является комплексное скотоводство отгонного типа. Интенсификация такого производства в условиях отсутствия целенаправленной селекции маловероятна (минимальный орудийный комплекс обуславливает весьма скромные возможности развития технологии). Синташтинское скотоводство, в том виде, как оно предстает исследователям, не требует специализации производства и вполне успешно может функционировать при различных социальных институтах; примеры тому столь многочисленны, что не стоит их и приводить. Степень подвижности скотоводства прямо связана с составом стада. Эти показатели для периода средней бронзы (Косинцев, Варов, 1995, с. 33) свидетельствуют об ограниченной подвижности стада, в пользу чего говорит резкое преобладание костей крупного рогатого скота (до 60%) в остеологических коллекциях поселений. Наиболее сложным остается вопрос о зимнем содержании скота: укрепленные поселения для этой цели совершенно непригодны (практически нет площадей для размещения животных, очень затруднен их доступ внутрь линии

обороны), вместе с тем нет достоверных свидетельств о стационарных исследованиях других типов поселений; климатические условия Южного Зауралья мало способствуют круглогодичному содержанию скота на подножных кормах. Определяемое исследователями расстояние между памятниками (20—30 км), видимо, является зоной хозяйственного освоения.

Правда, картина может быть несколько видоизменена, если принять за основу тезис о специализированном (металлургическом) характере производства и общества, когда скот становился средством оплаты металлопотребляющей зоны за изделия из металла. Теоретически можно предполагать, что получение скота извне должно деформировать картину возрастного состава животных за счет сокращения доли молодых особей. Этот вопрос требует специального анализа, который палеозоологами пока не осуществлен. Еще более проблематичной выглядит возможность оценки масштабов обменных операций.

Существует точка зрения о так называемом «военно-скотоводческом» характере производства (Григорьев, 1996г), т. е. о функционировании общества, основанного на систематическом насильственном изъятии скота у населения сопредельных территорий (в данном случае у жителей Восточной Европы) с целью компенсировать недостаток пищевых ресурсов, возникающий в результате высокой концентрации населения. Форпостами таких захватов, по мнению автора, являются памятники потаповского типа. Возможности сколь-нибудь длительного функционирования такой системы выглядят просто невероятными. Трудно представить, что подвижное полтавское население (согласно С. А. Григорьеву, сосуществующее с синташтинским) безропотно позволяло *систематически* лишать себя части основного продукта, не получая ничего взамен.

Количество скота было лимитировано экологической емкостью территории, избыток животных очень быстро должен был привести к деградации пастбищ (Кузьмина Е., 1994, с. 205—206). При отгонной системе выпаса эти проблемы сглаживаются. Размеры поселений и даже самые осторожные оценки численности их обитателей заставляют предполагать именно яйлажный тип скотоводства, способный обеспечить существовавшее количество населения в течение значительного временного промежутка без перемены места.

Что касается такой высокотехнологичной отрасли, как металлургия и металлообработка, о роли которой в синташтинском обществе упомянуто выше, то здесь ситуация качественно иная. Это производство в большей степени зависит от обладания необходимым уровнем квалификации и от доступности минеральных ресурсов, а также прямо требует специализации отдельных групп или индивидуумов. Результаты этого процесса могут и не быть отражены в погребальной обрядности, консервативность которой общеизвестна. Симптоматичен сам факт наличия таких погребений специалистов, который может быть интерпретирован по-разному.

В первом варианте, абстрагируясь от материалов поселений, можно констатировать выделение особой социальной группы (страты), связанной с производством и обработкой металла. Именно с этих позиций рассматриваются исследователями, например, аналогичные находки катакомбной КИО (см. Синюк, 1983, с. 165–172; Пустовалов, 1990, с. 81 и др.). Количество погребений, по мнению сторонников этого подхода, с некоторыми оговорками может отражать соотношение численности конкретных социальных групп. Критерии выделения погребений мастеров у разных авторов различаются количеством и составом специализированного инвентаря. В. С. Бочкарев считает (Бочкарев, 1978), что такие погребения могут быть маркированы единственной находкой характерного орудия (в соответствии с принципом *pars pro toto*), Ю. А. Смирнов полагает необходимым ужесточить критерии (Смирнов Ю., 1983, с. 176). Им предложено относить к погребениям специалистов те, что содержат сырье, специализированные инструменты и продукцию (полуфабрикаты) или, по меньшей мере, два из перечисленных элементов.

Другой подход предполагает сопоставление разных типов археологических источников. В данном случае главное внимание должно быть уделено поселенческим материалам, более объективно отражающим социально-экономические реалии. Находки следов металлопроизводства (печи, шлаки, сплески, руда, металлический лом и др.) дисперсно распространены по территории синташтинских поселений. Достоверно выделить специализированные производственные помещения или части поселений, несмотря на очень большие вскрытые площади (см. § 1.1), не удалось. Вместе с тем, о значительных по меркам бронзового века масштабах производства косвенно свидетельствует количество изделий не только в погребальных, но и в поселенческих комплексах, а также широкое распространение зауральских изделий далеко за пределами границы расселения носителей синташтинских традиций.

Эти факты заставляют усомниться в *ремесленном* характере металлургического производства и существовании жестко зафиксированной страты металлургов и литейщиков. Мало того, создается впечатление, что с этой отраслью производства связаны достаточно широкие слои населения. Нередки находки руды, шлаков и т. п. в женских и детских погребениях (например, СИ-1, КА-2-12, КА-4-1, КА-4-3), а также сочетание предметов вооружения и продуктов металлургии (Со-4-1; Со-5-2). В таких условиях сравнительно слабая представленность отрасли в погребальной обрядности может быть объяснена не столько малой ролью металлургии в жизни общества, сколько «всеобщностью» металлургической занятости населения. В этом случае отсутствует необходимость подчеркивания в похоронном ритуале «особого» статуса конкретного индивида в пределах социума. Не противоречит этому утверждению и вывод С. А. Григорьева о том, что металлургия имела характер домашнего производства, хотя и ориентированного на

обеспечение не только собственных нужд, а также металлопотребляющей зоны Поволжья, Подонья и части Приуралья (Григорьев, 1994, с. 18).

Такой вариант объяснения лежит в русле гипотезы, предложенной Н. Б. Виноградовым, предполагающим существование в Южном Зауралье периода средней бронзы *специализированного* общества, жизнедеятельность которого обусловлена металлопроизводством, ориентированным, в том числе, на широкий обмен с отдаленными территориями (Виноградов, 1995а, с. 25–26). К сожалению, достоверные прямые исторические и этнографические свидетельства существования таких обществ нам не известны¹, что, конечно, не может служить опровержением, но сильно понижает шансы в детализации картины социальной жизни. Тезис об определяющей роли металлургии поддержан и другими специалистами (Бочкарев, 1995).

Естественно, в синташтинском социуме существовали и другие «производства» (керамическое, ткачество и др.). Степень их специализации остается под вопросом, хотя для синхронных потаповских комплексов Поволжья предполагается существование уровня организации керамического производства, определяемого как домашняя индустрия (Мочалов, 1996, с. 75). Вывод базируется на анализе степени стандартизации форм и орнамента сосудов. За данной формой организации, по мнению автора, стоит вождеский характер потаповских племен. Возможно, на конечный результат работы оказало влияние использование *исключительно* погребальной керамики, вариативность которой по причинам, не требующим объяснений, значительно меньше в сравнении с поселенческой. Если же принять вполне реальное предположение о появлении памятников потаповского типа в Поволжье в результате миграции части синташтинского населения, то керамические коллекции и должны были отразить две противоположные тенденции — адсорбцию влияний аборигенного населения и усиление «идеологического контроля» за производством столь семантически насыщенной продукции, как керамика, для погребальных ритуалов. Видимо, не стоит преувеличивать степень специализации производств (за исключением металлургии и металлообработки), маловероятно, что они переросли рамки простого домашнего производства.

Завершая обзор экономических основ синташтинского общества, можно сделать несколько выводов. Базовая отрасль — скотоводство — в силу своих технологических особенностей не требует жесткой централизации и постоянного контроля за производством со стороны элиты. Более реальными представляются возможности контроля над источниками минерального сырья и обменными операциями с сопредельными и отдаленными территориями. Исполнение этих функций на определенном этапе могло потребовать выделения группы специалистов-«управленцев»/воинов. Однако

¹ Исключением может быть только иткульская культура раннего железного века, но и она представлена исключительно археологическими памятниками.

сочетание продуктов металлопроизводства и предметов вооружения в погребениях не дает возможности говорить о высокой степени социальной стратифицированности синташтинского общества.

Таким образом, экономический потенциал синташтинского общества позволяет предположить образование сравнительно стабильных излишков основного продукта в процессе производства и обменных операций. Последние могли служить своеобразным источником «инвестиций» в скотоводство и металлургию в периоды экологических или иных кризисов (Saenz, 1991, p. 102–105). Характер продукта не исключает и возможность его отчуждения. Однако сама по себе такая возможность вовсе не обязательно должна была реализоваться в формировании новой социальной структуры, если, конечно, не вставать на позиции фатального экономического детерминизма. Столь строгая взаимосвязь не устанавливается ни по этнографическим, ни по историческим данным. Тем более преждевременным было бы и суждение о зарождении элементов частной собственности.

Прежде чем перейти к рассмотрению социальных черт синташтинского общества, обратимся к его демографическим параметрам. Эта характеристика социума принципиальна не только в плане определения его производственного потенциала, но также для уяснения возможностей организации управления и необходимости формализации принятия решений путем делегирования коллективом части полномочий специальной группе лиц. В отношении синташтинских коллективов существуют две оценки, приведенные для количества жителей поселения Аркаим, — около 2000–3000 и 800–900 человек. Соответственно имеются разночтения и в средней плотности населения (0,8 и 0,3 человека на кв. км). Последний показатель, правда, вполне условен, учитывая неопределенность границ территории, освоенной конкретным коллективом¹. Первая цифра ориентирована на максимальное количество населения, способного разместиться на территории памятника. Основанием второй оценки послужило отсутствие следов заборов, проявляющихся при высокой концентрации населения. Высказанное суждение базируется на многофункциональности строений, традиционно называемых «жилищами», в которых не менее 1/3 площади было отведено под производственные (главным образом, металлургические) и хозяйственные нужды; таким образом, жилая площадь Аркаима составляла менее 11000 кв. м (Епимахов,

1996а). Однако даже нижний порог (около 500 человек на га) оказывается «невероятным» для постоянного проживания, более близка к реальным аналогам цифра 180–200 чел./га (Березкин, 1995, с. 38), т. е., по мнению Ю. Е. Березкина, на Аркаиме могли постоянно обитать около 400 человек. Не случайно в этой связи появление суждения о «сезонном» заполнении площади строений, подтверждаемого малой насыщенностью культурного слоя, особенно во внешнем круге поселения Аркаим (Зданович Д., 1997 с. 11). Как уже отмечалось, полезным могло бы стать определение экологической емкости территории обитания социума, однако эта работа пока не состоялась¹.

Анализ немногочисленных синташтинских некрополей, снабженных достоверными антропологическими данными, выявил некоторые важные аномалии половозрастной структуры (Зданович Д., 1997, с. 27–37). Для части из них объяснение может быть выдвинуто с большой долей достоверности. В частности, незначительный процент погребенных младенческого возраста обусловлен, с одной стороны, плохой сохранностью костного материала, а с другой, существованием особых обрядов погребения этой группы (анalogии можно найти в самых разных индоевропейских традициях). Косвенно подтверждает эту мысль большое количество младенческих и детских погребений в некоторых курганах петровского периода (МКО-2, 10).

Низкий уровень продолжительности жизни (в данном случае отождествляемый со средним возрастом смерти) может быть обусловлен, во-первых, статистически малой выборкой, не отражающей в полной мере закономерности генеральной совокупности. О неполной достоверности выводов свидетельствует тот факт, что зафиксированная диспропорция в половой структуре КА-2 (двукратное преобладание захоронений мужчин) совершенно нехарактерна для КА-4. Нет никаких поводов подозревать разновременность или разнокультурность этих погребальных комплексов, расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга. Однако КА-4 практически не содержит захоронений лиц старшей возрастной группы, и, следовательно, подтверждает тезис о низкой продолжительности жизни. Этот вывод был бы значительно весомее при условии полного исследования могильника, пока же приходится оговаривать возможность случайных отклонений выборки. Нельзя исключить и возможность посмертного отбора индивидов, «удостоенных» погребения по обряду ингумации, при котором для большинства лиц старшего возраста практиковались альтернативные формы ритуала. Нет оснований полагать, что отбор производился только по возрасту (ярким примером в этом плане является МКО-2, где обнаружены только погребения, «контрастные» по возрасту: мужчина старческого возраста и младенцы до месяца).

¹ К тому же, практически все расчеты такого рода используют в качестве критерия статистические данные XIX — начала XX вв., которые а priori считаются достоверными.

¹ В публикациях фигурирует в качестве радиуса освоенной территории цифра 20–30 км, однако это утверждение основано на усредненном расстоянии между поселениями без учета разницы в хронологии прямоугольных и округлых городищ. Реально этой идеальной схеме практически невозможно найти соответствия — например, прямоугольные поселения Ольгино и Журумбай находятся на расстоянии немногим более 10 км, сходная ситуация зафиксирована для городищ той же формы на р. Синташта (у п. Комсомольский и п. Андреевский).

В целом, низкая продолжительность жизни — результат усреднения показателей, когда снижение достигается за счет численного превалирования младших возрастов, для которых высокая смертность тесно связана с высокой рождаемостью. Зафиксированная ситуация может отражать процесс бурного демографического роста, а не деградации популяции (Кислый, 1995). Сопоставление показателей среднего возраста взрослых погребенных синташтинской популяции с ямной и катакомбной культурами не совсем корректно, поскольку последние еще в меньшей степени соответствуют «нормальной» половозрастной структуре, например, по проценту детских захоронений или соотношению мужчин и женщин (Пустовалов, Черных, 1982).

Отрицать наличие в синташтинском обществе обычаев погребения, отличных от ингумации, вряд ли разумно. Наиболее вероятно ее сосуществование с наземным размещением покойных, о чем свидетельствуют вторичные захоронения. Подтверждением тезиса о биригуализме является и количество погребенных в некрополях, исследованных полностью или в части, позволяющей выполнить экстраполяцию. Так, например, КА-2 и КА-4 содержат в общей сложности останки менее 90 индивидов, вряд ли эта цифра могла быть существенно искажена ограблением. Всего могильник содержит 5 (по данным дешифрирования аэрофотосъемки — 6) надмогильных конструкций. Несложный подсчет позволяет утвердиться в мысли, что 300 или даже 400 погребенных не могут быть оставлены крупным коллективом, прожившим на данной территории не один десяток лет. Еще более контрастна ситуация в Синташтинском комплексе, исследованном полностью, где количество покойных и того меньше (Епи́махов, 1996, с. 59).

Если сделать вполне реалистическое предположение, что период функционирования каждого поселения составлял не менее 40–50 лет, то при существовавшем уровне продолжительности жизни население должно было обновиться целиком. Таким образом, количество умерших за этот отрезок времени может быть условно приравнено к числу одновременно обитавших на памятнике. Приведенные выше цифры демонстрируют принципиальную несводимость показателей.

Функционирование иных стереотипов погребальной обрядности доказывается и случаями обнаружения захоронений на территории поселений Аркаим (Зданович Д., 1997, с. 62) и Устье. Создается впечатление, что соотношение между расчетным количеством умерших и реальным числом похороненных не является величиной постоянной для разных этапов — синташтинского и петровского. Недостаток данных в отношении «поздних» памятников периода средней бронзы заставляет проявлять известную сдержанность, однако можно предполагать изживание нефиксируемых археологом обрядов и утверждение ингумации в качестве «всеобщего» способа погребения. Неслучайным является сравнительно небольшое число погребенных в Синташтинском могильнике и относительно большое количество покойных в МКО,

который исследован раскопками лишь на одну четверть.

Из приведенных расчетов есть два важных следствия. С одной стороны, столь многочисленные допуски не позволяют принять окончательного решения о демографических характеристиках синташтинского общества, поэтому имеет смысл рассмотреть разные «сценарии». С другой стороны, построение выводов о социальной структуре синташтинского общества исключительно по результатам анализа некрополей не может быть признано корректным.

Перейдем к социально-политическим характеристикам синташтинского социума, хорошо осознавая сложность сколь-нибудь однозначных заключений. Централизация власти трудноуловима в археологических материалах и, с точки зрения автора настоящего исследования, практически не реализована в синташтинских памятниках. Признаком выполнения элитой реди́стрибутивных функций считаются общественные хранилища (Kirch, 1991, p. 128–130), но в данном случае не стоит питать надежд на их обнаружение. Не располагает к этому характер основного продукта, доступного отчуждению (скот и изделия из металла). Мало того, в пределах укреплений в силу особенностей планировки и застройки поселений весьма затруднено размещение скота, что не может не вызвать определенного скепсиса в отношении идеи военного использования систем фортификации, тем более в условиях отсутствия следов военных действий. Металл же слишком портативен, чтобы при существовавших масштабах производства требовалось возведение специальных хранилищ. Не характерны для Зауралья и клады металлических изделий (за исключением Верхне-Кизильского).

Наиболее приемлемым выводом в результате проделанного анализа является признание отсутствия выраженной ранговой стратификации в синташтинском социуме, поскольку необходимости высокой степени концентрации власти в руках узкой группы лиц практически нет. Единственная область производства, требующая специализации, — металлургия (возможно, и деревообработка), — не дает оснований суждения об отделении ремесла. Получение стабильного прибавочного продукта в этой отрасли может быть связано только с монополией на технологию и минеральные ресурсы, позволяющей вести выгодные обменные операции. Что касается технологии, то, судя по всему, даже если монополия и имела место, она была утрачена очень быстро (не здесь ли часть ответа на вопрос о социальной «деэволюции»¹ синташтинского феномена?). Вопрос о контроле за использованием минеральных ресурсов сложнее. Существует некоторая неопределенность с их локализацией, а также с датировкой выявленных памятников горного дела. Реальный контроль мог осуществляться только для месторождений, расположенных сравнительно близ-

¹ Уже вошедший в широкий оборот термин представляется не вполне удачным, поскольку требует многочисленных оговорок о понимании направления эволюции и непосредственном характере отражения социальных реалий в археологических источниках.

ко от поселений (например, рудник «Воровская яма»), но не для таких, как Ташказган. Между тем, до самого последнего времени считалось, что мышьяковистые бронзы (группа ТК) обязаны своим происхождением именно этому месторождению. Снять это противоречие позволяет только признание технологического, а не минералогического характера группы. Вычисление общих объемов производства металла на сегодняшний день не обеспечено достоверными исходными данными, и потому не может служить основанием для утверждения о невозможности или незначительности масштаба обменных операций (Григорьев, 1996г, с. 45).

Прослеженные различия в погребальной обрядности не позволяют опровергнуть утверждение об отсутствии выраженной ранговой стратификации. Об этом свидетельствуют следующие факты: сопоставимые трудозатраты на осуществление погребальных ритуалов для основной части могил (за исключением половозрастных различий), отсутствие предметов роскоши, не выявлены сепаратные кладбища «знати». Невозможно отождествить трехчленную структуру индоевропейского общества (Бенвенист, 1995, с. 187–195) с реалиями синташтинского социума. Преодоление последнего противоречия реально только при признании лакунарности источниковой базы, предполагающей в данном случае использование «жрецами» и «пастухами» форм погребальной обрядности, которые археологически не фиксируются. Однако в этом случае придется погрузиться в область догадок, полностью лишенных прямой археологической аргументации. В целом, в поисках трехчленной структуры общества археологи, зачастую слепо доверившись авторитету школы Ж. Демюзиля, начали усматривать трехчленность социума в материалах самых разных культур. Однако критика И. М. Дьяконова общих положений этой теории выглядит убедительно (Дьяконов, 1990, с. 11–113), поэтому эвристическая ценность данной концепции в приложении к конкретным синташтинским материалам по меньшей мере неочевидна.

Впрочем, попытка выделить группу жреческих погребений предпринята, в качестве атрибутов названы костяные лопаточки (рис. 11) и каменные булавы (Зданович Д., 1997, с. 50–56). Обоснованность такой атрибуции первой из упомянутых категорий аргументирована внешним сходством с мелкой пластикой земледельческих культур Юго-Восточной Европы и Малой Азии. Приведенные свидетельства не дают оснований для отказа от версии, предложенной нами ранее (Костюков и др., 1995, с. 176), со ссылкой на типологически близкие материалы раннего железного века (Федоров, 1992). Не отрицая высокую вероятность связи лопаточек с ритуальной практикой¹, полагаю, что

их находки в погребениях не могут быть основанием для далеко идущих выводов о выделении варны жрецов.

Если, невзирая на многочисленные оговорки, попытаться рассмотреть синташтинское общество через призму концепции вождества (т. е. как иерархически организованный коллектив с властным лидером, но без специального институализированного аппарата принуждения), то разместить его в этой классификационной сетке окажется не просто. Условием такого рассмотрения является принятие максимальной планки численности коллектива, поскольку в противном случае говорить о формировании властного центра, которому делегированы полномочия принятия жизненно важных для коллектива решений, практически бессмысленно. Для периода средней бронзы Южного Зауралья единственным доказанным признаком вождества является наличие крупных, детально разработанных архитектурных объектов (однако, как показано выше, это неспецифический признак). Вместе с тем, исчисление объема трудовых ресурсов конкретной группы населения предполагает наличие четких представлений о его численности и уровне развития производительных сил. Последнее может быть установлено достаточно объективно, различия же в определении численности весьма значительны и базируются на площади тех самых объектов, трудоемкость сооружения которых подвергается оценке. Как показано выше, использование данных некрополей также связано с труднопреодолимыми препятствиями.

Уровень сложности (число уровней иерархии поселений) по самым оптимистическим оценкам минимален, т. е. данное общество может быть определено как простое или минимальное вождество. В том виде, как эта «иерархия» представлена в синташтинских памятниках, она не поддается однозначной социологической оценке (Ламберг-Карловский, 1993, с. 98). Дифференциация поселений, даже если таковая имела место, обусловлена спецификой скотоводческого хозяйства, а не социальными факторами. Иерархия в погребальной обрядности носит также неявный, во всяком случае, неоднозначный характер: фактически различия касаются только размещения покойных в пределах подкурганной площадки (противопоставление «центр — периферия») и некоторых категорий инвентаря (так называемых социальных маркеров). Все достоверные мужские погребения (в том числе и ранних возрастов) сопровождалось предметами вооружения (колчаные наборы, детали лука, копья, топоры). Значительная часть различий в номенклатуре и количестве оружия обусловлена возрастными характеристиками покойных. Однако эту группу все-таки нельзя определить как абсолютно монолитную — разделительная линия может быть проведена при рассмотрении погребений, снабженных колесницами и предметами упряжи, и лишенных этих атрибутов. Первая отличается большей «насыщенностью» предметами вооружения. Среди воинских атрибутов в захоронениях с колесницами, возможно, имеются и специфические.

¹ Особый интерес в этом плане представляет находка комочка золотой фольги среди фаланг руки погребенного в КА-2-15 в сочетании с костяной лопаточкой. Отсылка к индоарийской погребальной практике брахманов уже предложена, хотя и оставлена без развернутого комментария (Зданович Д., 1997, с. 59).

Следует отметить и тот факт, что большинство таких погребений было ограблено, что в значительной степени деформировало реконструируемую картину.

Не поддаются однозначной социологической интерпретации погребения с булавами, традиционно интерпретируемыми как инсигнии власти. Часть проблем могла быть снята при наличии антропологических определений. Последнее становится в рамках данной работы печальным и, увы, неизбежным рефреном. Ограничимся констатацией того, что имеет место локализация таких находок в периферийных могилах¹. Если придавать этому обстоятельству значение, то получается, что булавы соотнесены не только с лицами «предельно» высокого статуса, похороненными в центре. Нет и связи булав с «колесничными» погребениями, значительная доля которых также обнаружена за пределами центра погребальных комплексов.

Интерпретация погребальной обрядности может быть иной, если признать справедливой оценку соотношения общего числа умерших и погребенных по способу ингумации. Это пропорция, видимо, сильно варьирует от памятника к памятнику. В частности, для раннего этапа при принятии минимальной оценки численности населения на одного похороненного приходится восемь умерших, при максимальной — погребения в кургане удостоивался один из двадцати пяти². При таком подходе обретает смысл определение курганных захоронений как элитарных, противопоставляемых другим (наземным, воздушным и т. п.), археологически нефиксируемым. Рассматриваемая группа может либо представлять элиту в целом (в пользу такого предположения может свидетельствовать зафиксированная «неоднородность»), либо ее часть. Во всяком случае, по погребальным памятникам оказывается весьма затруднительно надежно выделить иерархию.

Ориентированность вожества на индивидуальные интересы маловероятна, поскольку это никак не отражено в погребальном обряде — коллективный характер большинства захоронений взрослых, нет находок, которые могут быть истолкованы как сокровища или предметы роскоши, трудозатраты на совершение ритуала, насколько они доступны для реконструкции, не требует участия большого коллектива. Материалы поселений скорее позволяют говорить о доминировании эгалитарной идеологии. Методом исключения остается предположить, что синташтинское вожество было ориентировано на

интересы коллектива, возглавляемого харизматическим лидером. Однако последовательное использование данной классификации на практике выводит синташтинский социум за рамки концепции вожества, если, конечно не толковать его расширительно. Еще более сложно избрать конкретный вариант в паре «военное/теократическое» общество, хотя факты внешне свидетельствуют в пользу первого. Отсутствие обособленной, иерархически организованной элиты, характеризующейся накоплением сокровищ, может быть косвенным свидетельством незначительной роли войны в жизни синташтинского общества, поскольку процесс концентрации сокровищ стимулируется условиями военной угрозы, вооруженной борьбы за власть (Березкин, 1994, с. 32). Именно доминирование военной элиты считается основанием для развития высокоспециализированного ремесла, удовлетворявшего запросы вождей.

Коллектив численностью 2000 — 3000 человек мог функционировать и как протополис, краткая характеристика которого дана выше. Этот подход более адекватно отражает специфику синташтинского общества, слабо структурированного социально (отражено только в погребальном обряде) и характеризованного преобладанием эгалитарной идеологии (Зданович Д., 1997, с. 68 — 80). Даже принятие этой численности социума не дает возможности говорить о достижении предгосударственного уровня, если, конечно, не пытаться рассматривать всю синташтинскую ойкумену как единый социальный организм, к чему нет никаких оснований.

Есть, однако, еще одно принципиальное положение, которое теоретически признается всеми исследователями, но сплошь и рядом игнорируется при решении практических вопросов, а именно — не прямой характер отражения жизненных реалий в погребальных ритуалах. Фактически реконструируемая социально-погребальная структура является идеальной, мифологической картиной, а не зеркальным отражением прижизненного статуса индивидов, что в полной мере демонстрируют синташтинские памятники. Объяснение различий в погребальной обрядности может быть отнесено в данном случае к его «консервативности», т. е. к сохранению черт идеальной структуры, утраченной «живым» социальным организмом. В частности, это может относиться и к «милитаристскому» характеру мужских погребений.

Выше синташтинское общество было определено как среднемасштабное, однако имеет смысл вернуться к этому вопросу. Если принять точку зрения о минимальном размере коллектива, ситуация выглядит принципиально иной, так как общества численностью до тысячи человек могут функционировать без формализации институтов политической власти и принятия решений. Создание крупных по трудозатратам объектов (церемониальных центров) под силу сравнительно незначительному количеству населения. Такие центры могут служить средством интеграции рассеянного населения, слабо связанного экономическими узами

¹ Отрицать возможность таких находок в центральных могилах невозможно, однако проиллюстрировать такое предположение ввиду тотального ограбления центральных погребальных конструкций вряд ли удастся.

² Эти цифры до некоторой степени условны, поскольку в качестве срока существования поселения избран период жизни одного поколения, исходя из средней продолжительности жизни населения эпохи бронзы 38 — 40 лет. Реальные значения могут быть еще более впечатляющими.

(Березкин, 1995а). Экономическая интеграция синташтинского общества могла быть связана с его «металлургической» спецификой в большей степени, нежели с основным производством — скотоводством. Возможность существования функционально интегрированных обществ, лишенных властного центра, сегодня не выглядит фантастично. Вместе с тем, акефальные социумы, как уже отмечено, способны координировать деятельность членов коллектива с целью создания трудоемких объектов (Березкин, 1995б). Если определить синташтинское общество как акефальное, то возведение сложных фортификационных систем (наряду с отправлением похоронно-поминальных ритуалов) должно быть признано результатом массовых церемоний и ритуалов, в ходе которых и регулировались основные вопросы социальной жизни. За вывод об акефальном характере синташтинских коллективов говорит практически полное отсутствие для большинства памятников доказанных фактов сосуществования разных типов поселений (укрепленных и неукрепленных, хотя и эта разница не обязательно должна трактоваться как иерархия). В таком случае теряет актуальность противопоставление центра и периферии, оказывается «неопредмечена» ключевая характерная черта протополиса.

Есть, однако, слабости и у «акефальной» позиции. Они особенно ощутимы при диахронном подходе. По уровню сложности синташтинско-петровские памятники явно превосходят последующие, генетически связанные с ними культурные образования (Koryakova, 1996, p. 272–274). Таким образом, определение синташтинского общества как акефального создает парадоксальную ситуацию, когда простое общество в ходе трансформации еще более упрощается. Между тем, и в эпоху поздней бронзы очевиден неавтаркичный характер алакульских поселений, интегрированных в широкую евразийскую систему. Именно это время — период максимального пространственного распространения алакульских древностей. На территории Северного и Центрального Казахстана, Западной Сибири зафиксированы многочисленные памятники, к западу от Уральских гор в срубной среде уверенно прослеживаются алакульские черты.

Подведем некоторые итоги. Выводная часть будет содержать минимум окончательных заключений, однако некоторые все же возможны. Во-первых, демографические параметры синташтинского социума при любых оценках весьма скромны. Этот показатель уровня развития общества не исключает даже акефальной интерпретации. В этом случае фортифицированные поселения выступают в роли интегрирующего центра рассеянного населения. Во-вторых, принципиальная несводимость реконструируемой численности населения по данным анализа поселений и некрополей диктует известную осторожность в вопросе о воссоздании социальной структуры по данным погребального обряда, поскольку предполагаемый биритуализм исключает из поля зрения археолога большую часть умершего населения. В зависимости от того, какие предполагать основания

посмертного отбора — социальные или иные (половозрастные и пр.), — к синташтинскому социуму оказываются применимы различные модели.

В первом случае внешние атрибуты позволяют предполагать существование военной элиты со слабо выраженными элементами внутренней иерархии. Наличие таких захоронений вкупе с крупными, сложно структурированными объектами традиционно интерпретируется как вождество. Несмотря на высокий уровень развития металлургического (и, предположительно, деревообрабатывающего) производства, практически полное отсутствие иерархии поселенческих памятников не позволяет согласиться с определением данного вождества как *сложного* (Koryakova, 1996, p. 273). Его атрибуция в иных классификационных единицах концепции чифдом приведена выше.

Во втором случае подспудно предполагается, что имеющаяся в распоряжении археолога выборка погребений сравнительно адекватно отражает особенности «социально-погребальной» структуры синташтинского общества и, в конечном итоге, реальные отношения внутри коллектива. Такая позиция имеет следствием вывод о существовании элиты, слабо дистанцированной от остальных членов социума, что аргументируется следующим образом. В погребальном обряде существование элиты подтверждается исключительно локализацией захоронений в центре подкурганной площадки, поселенческие материалы не дают оснований даже для дифференциации¹. Такая интерпретация идентична гипотезе о синташтинском протополисе.

Нетрудно заметить, что все сделанные выводы основаны на анализе практически исключительно самих синташтинских памятников Зауралья, рассматриваемых вне культурного контекста. Однако взаимоотношения с сопредельными территориями должны были сильно отличаться от равноправных и, видимо, строились по принципу «центр — периферия», один из его аспектов может быть определен как отношения металлопроизводящей и металлопотребляющей зон. В этой паре Зауралье периода средней бронзы выступало как ядро Волго-Уральского очага культурогенеза, генерировавшего ряд черт (в хозяйстве, металлопроизводстве, военном деле и др.), которые стали основой стереотипов ряда культур поздней бронзы (Бочкарев, 1993). Использование передовой технологии вместе с богатством минеральных ресурсов обеспечили населению Зауралья исключительное положение в регионе.

Такое положение могло обусловить доминирование носителей синташтинских традиций, формирование «элитной» культуры, демонстрирующей особую контрастность не в сравнении с «рядовыми» синташтинскими памятниками Зауралья (археологические свидетельства которых фактиче-

¹ Жилища внутреннего круга поселения Аркаим не отличаются по интерьеру и составу обнаруженного инвентаря. Как уже отмечалось (см. § 1.1.) имеются данные о существовании синташтинских поселений с единственным кругом строений.

ски отсутствуют), а на общеисторическом фоне — в синхронном и диахронном планах. Весьма характерным в этой связи выглядит факт отсутствия синхронных фортификационных поселений со сложной планировкой при наличии погребальных комплексов синташтинского облика за пределами Зауралья.

§ 4.2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Как уже отмечено, полноценная реконструкция идеологии древнего общества исключительно по материальным остаткам, сколь бы обильны и разнообразны они не были, задача неразрешимая. Тем не менее, археологическая литература содержит достаточно примеров, пытающихся опровергнуть это утверждение (Колпаков, 1980). Метод восхождения и историко-типологический метод предполагают соответствие идеологии и материальной культуры, что трудно оспорить, но еще труднее использовать их для реконструкции конкретных представлений древнего населения, поскольку построения будут носить очень общий характер. Теоретически предполагается возможность установления корреляции между видами идеологических систем и структурой материального символизма, что на практике никем не реализовано. Наиболее распространенными являются генетический метод и метод аналогий. Последний имеет несколько разновидностей: аналогии типов предметов (если доказано, что за ними стоят сходные представления), аналогии комплексов (если доказана единственность возможного варианта объяснения) и генетические аналогии. В случае с синташтинскими древностями реально может быть использован метод аналогий с элементами генетического метода.

В отношении синташтинских памятников налицо утрата вербальной традиции, всерьез осложняющая дело. Принадлежность синташтинских памятников к кругу индоевропейских культур общепризнана при любых вариантах локализации и.е. прародины. Полагаю, что единственно возможным путем реконструкции мифологических представлений в данной ситуации является применение метода аналогий. Особую значимость изучению мифологии придает тот факт, что мифологическая картина мира в условиях отсутствия четкого разграничения природного и человеческого носит социоморфный характер (Ахундов, 1982, с. 49).

Проблема восприятия смерти в традиционном обществе давно привлекла внимание историков религии, выявлены некоторые универсальные элементы и отношения. К их числу относится связь погребальных ритуалов с образом Матери-Земли, которая в данном контексте выступает как Богиня Смерти, поскольку представляет собой всеобщее лоно, неистощимый источник всего творения (Эли-

аде, 1996, с. 219). Смерть не воспринимается как определенный конец или абсолютное уничтожение, а приравнивается к семени, которое засеивается в чрево Матери-Земли, т. о. смерть считается временным возвращением в материнское чрево. Как следствие можно предполагать определенное сближение погребения и жертвоприношения Земле, благодаря которому продолжается жизнь. Именно жертвоприношение позволяет перейти от одной формы существования к другой и обеспечить непрерывный круговорот жизни. Многочисленные иллюстрации этого комплекса представлений содержат Ригведа (РВ, X, 18, 10) и Атхарваведа (АВ, XVIII, 4, 48).

Этот слишком общий подход очень легко может быть проиллюстрирован археологическими материалами различных культур. Однако в пределах этой «генеральной линии» есть иные, более частные аспекты. Смерть воспринималась как возвращение к изначальному состоянию Хаоса (по крайней мере частично) и требовала материально-ритуального и духовного вычленения умершего члена коллектива. Обряд, рассматриваемый как форма оперирования пространством, призван произвести раздел пространства на «область жизни» и «область смерти». «Пространство смерти» в ходе ритуалов удаляется из жилища и замыкается на кладбище (Седекова, 1990, с. 60).

Основными этапами индоевропейского погребального обряда являются: 1. Приготовление трупа к захоронению. Начало оплакивания и траура; 2. Доставка трупа на повозке к месту захоронения; 3. Предание трупа вместе с жертвенными животными огню в основном варианте обряда, земле и воде в других вариантах. Огонь поливается вином; 4. Создание (из костей мертвого) изображения покойного — его ритуального двойника; 5. Сооружение временного обиталища для образа (изображения) покойника; 6. Захоронение урны с костями (Иванов, 1990, с. 5). Даже столь обобщенное описание демонстрирует невозможность реконструкции обряда без привлечения неархеологических данных.

Трудности применения информации нарративных источников при интерпретации археологических реалий (Лелеков, 1980) не должны иметь итогом полный отказ от их использования. Для рассматриваемого круга памятников на сегодняшний день с различными оговорками принята индоиранская атрибуция. В более широком плане создатели синташтинских древностей могут быть уверенно включены в круг наследников индоевропейских мифологических традиций, несмотря на различия в понимании «первичности» и «вторичности» индоевропейской прародины, расположенной в степной-лесостепной зоне Восточной Европы (Гамкрелидзе, 1987; Мерперт, 1989; Сафронов, 1989 и др.). В этой связи при интерпретации в ряде случаев будут привлечены данные различных источников, хотя построения будут носить во многом гипотетический характер.

Теоретически можно предположить, что интерпретация погребальных комплексов может вестись

с нескольких позиций: как конкретная реализация картины мира данного социума; как ритуальный символ и часть пространства ритуала; как объект ритуала. Однако наиболее реальной является перспектива проработки только первой позиции, именно она и будет подвергнута рассмотрению в рамках данной работы. Понимание единства погребальной обрядности не избавляет от необходимости поэтапного рассмотрения и интерпретации отдельных аспектов этого многогранного явления, что и предпринято ниже. Приведенные интерпретации не исчерпывают когнитивных возможностей источника и являются лишь вариантами ответов на некоторые из вопросов семантики синтагматической погребальной обрядности.

Первым шагом анализа является обращение к эвристической роли мифологических универсалий — общих черт в моделировании мира. Эта общность обусловлена одинаковостью «средств, с которыми разные древние народы подходили к познанию мира, и <...> наиболее важных явлений, требовавших осмысления» (Дьяконов, 1977, с. 15). Характер погребальных памятников позволяет в полной мере использовать пространственный код культуры, т. е. представления о структуре пространства, которое для архаических обществ отличается неомогенностью и иерархичностью (Элиаде, 1994, с. 22–23). «Качественные» характеристики частей пространства определяются объектами, в нем находящимися, что, в свою очередь, соотносено с положением участка относительно центра (Топоров, 1988, с. 14). Пространство предстает как совокупность горизонтальной и вертикальной подсистем. Количество зон в каждой из них (три и четыре) выделено по принципу расположения относительно воспринимающего субъекта. Эта структура является основой восприятия пространства, с одной стороны, а с другой, все мифологические характеристики окружающего мира с разной степенью жесткости связаны с конкретными зонами, поэтому представление о зонах «служит средством выражения таких ключевых для мировосприятия оппозиций, как «свое — чужое», «мужское — женское», «жизнь — смерть» и т. д.» (Антонова, Раевский, 1991, с. 220).

Ориентировка. Для археологов фиксация размещения объекта в пространстве (ориентировка, глубина и др.) во многих случаях — только элемент полевой методики, хотя нередко ориентировка погребений и используется в компаративных исследованиях в качестве важного или даже основного признака конкретной культуры. Механистическое, до некоторой степени, использование исследователями этого элемента обрядности интуитивно базируется на понимании его важности, не подкрепленном, однако, семантическим анализом. Между тем, осознание человеком глубокой зависимости от явлений космического порядка порождало стремление в окружающем микрокосме воссоздать макрокосмические отношения и пространственно-временные структуры (Подосинов, 1994, с. 38). Приближение к модели Космоса в любой практической деятельности и повторение акта первотворения для человека было средством достижения максималь-

ного эффекта, в том числе и в воздействии на макрокосмические явления, управляющие бытием. Следовательно, задача установления пространственного кода культуры является первоочередной.

Наиболее надежно археологом фиксируется горизонтальная подсистема восприятия пространства. Количество маркируемых носителем культуры секторов горизонта в минимальном варианте составляет четыре, но может быть удвоено за счет маркирования и промежуточных точек. Однако для наиболее архаичных пластов культуры выделяются бинарные классификации (четырехчленная система — это лишь введение дополнительной оппозиции). В частности, ведическая мифология дает основания для сближения севера с востоком, а юга с западом (Кейпер, 1986, с. 42–44). Кроме того, возможна и привязка к стабильным географическим ориентирам или константным точкам астрономических явлений (поскольку последнее — тема отдельного исследования, то в рамках настоящей работы рассмотрено не будет). Правда, константность точек астрономических явлений — понятие весьма относительное, особенно если конкретно рассматривать сезонные изменения движения Солнца (Генинг В. В., 1987).

Пространство первобытного человека не представляется чем-то единообразным, однородным, безразличным в отношении того, что его наполняет, лишенным качеств и во всех своих частях тождественным самому себе (Леви-Брюль, 1930, с. 82). Все, в особенности сакрально значимые, объекты так или иначе были неслучайным образом увязаны с конкретными точками Космоса и, как следствие, друг с другом. Однако прежде чем использовать географический код, описывающий пространство по сторонам света, необходимо выявить точку отсчета в системе координат. Для всех без исключения традиций характерно восприятие любой деятельности как повторения космогонии в наиболее сакральной точке Космоса — в Центре мира. Его маркеры могут быть различны (axis mundi = гора, мировое древо, лестница и др.), однако эта точка в обязательном порядке представляет собой разрыв однородности пространства, «отверстие» для перехода из одной космической зоны в другую (Элиаде, 1994, с. 31 etc.). Естественным следствием такого положения вещей является размещение человеком традиционного мировоззрения «своего мира» всегда в центре. В зависимости от конкретной ситуации и масштаба центр может меняться, поскольку и страна, и поселение, и конкретное жилище в равной степени являлись воплощениями *imago mundi*.

Осознание этого факта требует от исследователя построения своего рода иерархии Центров Мира, предваряющего непосредственный анализ привязки явлений к географическим координатам. Не будет большой натяжкой предположение о том, что главной сакральной территорией являлось пространство в пределах линии обороны поселения. Изучение семантизации внутренней площади поселения не входит в задачу настоящей работы, куда важнее прослеженная закономерность в локализации некрополей.

Эта особенность никак не может быть объяснена исключительно рациональными причинами. Преобладает меридиональное взаиморасположение могильника и поселения (10 случаев из 13), хотя течение рек Тобольского бассейна широтное. Как минимум, восемь некрополей из того же числа разделены с поселением естественной преградой, в основном рекой. Трудно удержаться от отсылки к широчайшему кругу индоевропейских (и не только) аналогий, наиболее известными из которых являются реки Стикс, Ахеронт, Лета и другие. Река в данном контексте играла роль границы, которая актуализировалась во время погребально-поминальных ритуалов. Реальность такой реконструкции подтверждается, в частности, и наличием представлений о водном потоке, отделяющем мир живых от потустороннего мира в древнеиранских, древнеиндийских (РВ, X, 14, 1) и даже славянских верованиях (невозможность пересечения моста заложенными мертвецами и др.). Соединяющий мост для индоиранцев (в Авесте он называется Чинватским (АВ., 19, 28–32)) является местом встречи умершего с богом смерти, которого сопровождают собаки (или собака). Общность этого мотива позволила отнести данную группу представлений ко времени индоиранского, а, возможно, индоевропейского единства (Литвинский, Седов, 1984, с. 158–159). Конечно, описанный аспект не исчерпывает сложного мифологического комплекса, связанного с мировой рекой (Топоров, 1982, с. 374–376), однако дальнейшее углубление в эту тему увело бы исследование далеко в сторону от рассмотрения погребально-поминальной обрядности синташтинского населения.

Вторая группа явлений, подлежащих рассмотрению через призму географического кода, — погребальная архитектура. Ее изоморфность модели мира культуры позволяет предполагать единство основных структурных элементов поселения и некрополя. Выделяется несколько уровней анализа: ориентация погребального комплекса в целом, могильных ям и отдельных погребенных. Оговоримся сразу, что ни в одном из случаев закономерностей линейного характера обнаружено не было, в особенности в отношении массива погребений в целом. Осложнение картины обусловлено действием иных «негеографических факторов», которые в ряде случаев преобладали. Как уже отмечено, организация подкурганного пространства многомогильных погребальных комплексов подчинена идее маркирования центра (от одной до трех могильных ям) и расположения периферийных погребальных конструкций по кругу. В связи с очевидной подчиненностью расположения этой группы могил идее центра рассмотрение их ориентировок представляется бессмысленным¹.

Статистически преобладающей является меридиональная ориентировка центральных конструк-

ций погребального комплекса, но только статистически. К сожалению, нет возможности сопоставить ее с положением погребенных в связи с тотальным ограблением центральных гробниц, даже в тех случаях, когда курган содержит единственную могильную яму. В петровское время, видимо, происходит изменение стереотипа в системе расположения погребальных конструкций и в ориентировке центральных ям. Это утверждение может быть проиллюстрировано только на примере двух курганов (МКО-1 и 2), в которых в центре выявлены широтно ориентированные ямы¹. Наиболее строго обычай меридионального расположения могильных ям соблюдался для многомогильных комплексов (МКО-9, Со-4 (?)), особенно при наличии парных ям (СМ; СІ; БК-24 и 25). Отклонения от этой традиции могут в некоторых случаях объясняться сезоном совершения захоронения, если ориентировка задавалась по точке восхода или заката.

Менее отчетливы закономерности в локализации могильных ям и расположении покойных. Вариативность последнего показателя обусловлена соблюдением обычая размещать умершего параллельно стенкам камеры или ямы, ориентировка которой подчинена идее центра в 82% случаев. Интересным моментом является то, что в отличие от периферийных могильных ям расположение погребенных относительно центра не регламентировалось. Более существенным в этом случае оказывалась ориентация по сторонам света, где наблюдается преобладание северо-западного направления (если рассматривать ориентирование головой). Ситуация дублируется и в выявленной ранее закономерности размещения некрополей относительно поселения, где наблюдается преобладание северных румбов. Все это позволяет предположить локализацию мира мертвых именно в северной (северо-западной) части горизонтальной составляющей синташтинской модели мира.

Погребальная архитектура. Погребальная архитектура, в особенности внемогильная, сравнительно недавно стала восприниматься как полноценный источник по идеологии древнего населения, ранее акцент традиционно делался на изучение обряда и инвентаря в пределах конкретного погребения. Подспудно такой подход определяло представление о сравнительной простоте, «примитивности» мышления древнего населения. Восприятие кургана как архитектурного объекта, современный вид которого — результат действия множества природных и антропогенных факторов, восходит к работам М. П. Грязнова (Грязнов, 1961, с. 22–25). Однако утверждение в полевой методике этого постулата заняло много времени. Несмотря на то, что синташтинским памятникам повезло, и практически с самого начала архитек-

¹ Исключения может быть сделано только для случаев, когда периферийные ямы были размещены по кругу, с соблюдением единой ориентировки. Этот тип организации подкурганного пространства, видимо, относится позднему хронологическому отрезку.

¹ Аналогичная картина наблюдается на североказахстанских петровских некрополях (Зданович Г., 1988, с. 72–84), где широтная ориентировка центральных ям сохранялась независимо от одно- или многомогильности кургана.

тироваться иначе — как свидетельства «незавершенности» ритуала, поскольку хорошо известно, что едва ли не основным мотивом погребальной обрядности до сего дня является продолжение жизни. Возможно, отчасти этим обусловлена невыразительность завершающей фазы этого вида *rites de passage*. Для синташтинских подкурганов ровиков это предположение может быть подтверждено нерегулярностью размещения размыканий и отсутствием видимой связи между их размещением и секторами горизонта. Этот момент отличает погребальную архитектуру от поселенческой, где входы размещались симметрично с учетом сторон света. Только результаты исследования поселений позволяют реконструировать четырехчленность горизонтальной составляющей синташтинской модели мира.

В пользу высокой значимости центра свидетельствуют не только общетеоретические выводы, но и эмпирические данные. Расположение большинства периферийных погребальных сооружений подчинено идее центра, где размещаются наиболее крупные и сложные по архитектуре могильные ямы и надмогильные конструкции. Именно эта часть кургана в первую очередь подвергалась впоследствии вторжению извне, которое могло быть частью ритуалов.

Тезис о семантизации внутреннего пространства подкурганной площадки сам по себе сомнений не вызывает, значительно сложнее дело обстоит с конкретными проявлениями, тем более что большая часть из них могла просто не реализовываться в вещественных остатках. В качестве следов ритуалов приводятся, как правило, только жертвенники и следы огня «в насыпи». Проблема состоит в том, что следы огня и жертвенники (кости животных и керамика) в основном соотносятся с конкретными погребальными сооружениями, а не всей насыпью. В тех случаях, когда такая связь не установлена, жертвенники, не будучи соотнесены с конкретными этапами сооружения кургана, могут быть и следами поминальных ритуалов.

При изучении параметров отдельных могильных ям была получена картина правильного распределения со средним значением отношения ширины к длине 2/3. Группа, выходящая за эти рамки, сравнительно немногочисленна. Сопоставление пропорций могильных ям с показателями отдельных помещений в пределах жилищ на поселениях¹, а не строения в целом показало, что результаты получаются достаточно близкими. Косвенным подтверждением необходимости сопоставления с могильными ямами именно отдельных помещений является близость архитектурно-планировочного решения подкурганной площадки и округлого укрепленного поселения. Трудно не усмотреть единую традицию в размещении ям «по кругу» относительно центра и

круговой планировке поселений, где радиально расположенные строения разбиты на «отсеки» поперечными перегородками. Высокая семантическая значимость такой планировки подтверждается ее сохранением в сакральной сфере (погребальной обрядности) в алакульское время при утрате традиции сооружения поселений с замкнутой планировкой.

Конечно, взаимосвязь не была линейной, поскольку обе схемы — поселенческая и погребальная — восходят, как уже было отмечено, к одному кругу представлений о структуре пространства. В целом, допустимость трактовки могилы как погребального жилища вполне вероятна. Однако необходимо уловить и особенности такого «дома». Характер имеющихся источников по синташтинской погребальной архитектуре позволяет сделать только одно из возможных предположений — в отличие от реального жилища могила не имела входа, т. е. не предполагала прямой коммуникации между миром живых и мертвых.

В интерьере крупных могильных ям (группы 1 и 2) устойчивыми элементами являются облицовка стенок деревом (доски, плахи, бревна) и деревянные перекрытия, иногда многоярусные. Значительно реже встречаются столбовые конструкции, причем отмечено, что в некоторых случаях центральный столб вряд ли был технологическим элементом (впрочем, антитеза «утилитарные — экстраутилитарные» просто невозможна для мифологического мышления). Важным обстоятельством является устойчивое сочетание колесных ямок (сопровождаемых жертвоприношениями пары коней) со столбовыми конструкциями. Наличие центрального столба зафиксировано более чем в половине могил со следами колесниц¹. Думаю, что в этом случае объяснение тем более не может быть сведено к чисто функциональному, а позволяет сделать отсылку к кругу представлений о древнем мире (Топоров, 1980, с. 398—406), частным проявлением которого является обряд жертвоприношения коня *asvameṭṭha* у жертвенного столба *asvattha*. В целом, разновидность погребальной обрядности, связанная с помещением в могилу колесницы, является едва ли не наиболее семантически насыщенной в сравнении с основной массой захоронений. Следует отметить и тот факт, что расположение столбов по углам или длинной оси ямы также является не «чистым» элементом технологии², а скорее приближением к идеальному образу дома, при сооружении которого столбы использовались для возведения стен и крыши. Следует отметить, что исключительная роль дере-

¹ Эта цифра могла быть и выше, если бы облик именно этих захоронений был менее искажен ограблением.

² Столбовые конструкции, как правило, являются технологически избыточным элементом. Облицовка стенок гробницы на высоту 30—40 см могла быть выполнена (и зачастую выполнялась) с помощью иных технических приемов (в распор и др.). В некоторых случаях столбы даже не заглублялись в дно. Размеры камер также не требовали обязательного использования продольной балки, опирающейся на столбы.

¹ Такие помещения-«отсеки» зафиксированы с разной степенью надежности на всех синташтинских поселениях, например, на эпонимном (Генинг В. Ф., Зданович Г., Генинг В. В., 1992, с. 61, 79). Размеры помещений для поселения Синташта составляют примерно 5,0 × 3,6 м.

вянных конструкций (при игнорировании широко распространенного в Зауралье камня) наводит на мысль об исключительной роли дерева в ведийской мифологии как материала творения и космогенеза.

Сегодняшний уровень представлений о синташтинской идеологии не позволяет уверенно атрибутировать элементы погребальной архитектуры с частями вертикальной и, особенно, горизонтальной составляющих картины мира данного общества. Мало полезным оказывается даже ярусный характер интерьера отдельных ям, поскольку на всех уровнях (дно, перекрытия, край ямы) встречаются жертвоприношения исключительно домашних животных¹. Единственное, что позволяет предполагать наличие представлений о существовании подземного мира — находки полных скелетов собаки (волка) на перекрытии (подробнее см. ниже). Таким образом, вертикальная составляющая синташтинской модели мира трехчастна, сложнее уяснить элементы кода, маркирующие каждый из уровней, т. к. они могли не отражаться в таком специфическом объекте, как погребальный комплекс.

Последнее замечание необходимо сделать по поводу того, какая из составляющих синташтинской картины мира реализована в разных видах архитектуры. Связь погребальной архитектуры с горизонтальной и вертикальной составляющими *imago mundi*, а поселенческой — только с первой представляется глубоко закономерной. Видимо, именно эта часть картины мира актуализировалась в ходе осуществления конкретных обрядов (естественно, не только строительных), т. е. функционирование поселения с мифологической точки зрения определялось горизонтальными связями, а комплекс представлений о смерти увязывался с «движением» и по вертикали, и по горизонтали.

Положение погребенных. Как явствует из статистического анализа, преобладающим для синташтинских погребений является размещение покойных в скорченном положении на левом боку с кистями рук, приближенными к лицу. Степень скорченности в терминах существующих археологических классификаций колеблется между слабой и средней. Критика подобных подразделений уже приведена, по этой причине автор счел возможным отказаться от такого разбиения. Более существенны

¹ По поводу увеличения глубины некоторых могильных ям, правда, высказано мнение о том, что это создает возможности для моделирования сложных ярусных объемов с большой мифологической нагрузкой (Зданович Д., 1997, с. 48). Такие ямы, по мнению автора, локализируются в западном секторе и относятся к стратиграфически поздней группе в пределах погребального комплекса. Последние наблюдения плохо согласуются с материалами раскопок. Фактически вывод базируется на единичных фактах (БК-25, С1, КА-2). Обнаруживается множество исключений (например, КА-4, МКО-9 содержат впускные захоронения в южной половине), нет повода отказываться и от нашей версии объяснения разницы в глубине центральных и периферийных захоронений естественными причинами.

основания выделения сильной степени скорченности, обусловленной, видимо, фиксацией ног в районе таза. Впрочем, в соответствии с заключением Д. И. Ражева, антропологические остатки КА-4-11, 12, 15 позволяют предположить, что попарная фиксация ног не является исключительной принадлежностью сильно скорченных погребений.

Список интерпретационных идей скорченности погребенных не слишком обширен. Среди них есть и такие, принятие которых вряд ли возможно. Например, скорченность погребенных как следствие «участия» покойных в посмертных церемониях, где они располагались сидя (Гольмстен, 1935). Это объяснение представляется слишком частным для явления, столь широко распространенного. Иначе дело обстоит с предположением об имитации положения спящего человека, поскольку сам феномен сна во многих мифологиях относится к группе хтонических явлений. Однако такое объяснение не может быть признано удовлетворительным в свете предполагаемого сближения обрядов погребения и жертвоприношения, обоснование которого приведено выше.

Взаимосвязь ритуалов погребения с идеей возрождения, думаю, не требует специальной аргументации. Частным проявлением этой идеи может быть и имитация внутриутробного положения, хотя такое толкование — отчасти результат неосознанной модернизации, перенесения современных знаний на представления человека традиционного общества. Более вероятным является рассмотрение положения, «скорчено на боку с руками, приближенными к лицу», как отражения позы адорации. Однако, строгой регламентации этой позы, видимо, не было, а ее значение сводилось к общей идее сакральности, мольбы. Несколько надуманной выглядит идея о «посмертной кинетике» (предполагающей распрямление умершего в процессе разложения) и свивании покойников с целью усиления потенции преодоления смерти (Шилов Ю., 1995, с. 53–59). Таким образом, на современном этапе нет возможности остановиться на какой-либо из версий, можно говорить лишь о большей или меньшей предпочтительности вариантов объяснения.

Немногочисленная, но очень выразительная серия парных погребений, в которых покойные располагались лицом друг к другу (мужчины на левом, а женщины на правом боку), неоднократно привлекала внимание специалистов. Нет причин не согласиться с утверждением о подчеркнутой знаковости поз погребенных (Зданович Д., 1997, с. 54), тем более что эти могильные ямы содержат зачастую неординарный инвентарь (топор, наконечник копья, навершия булавы, наконечники). Симметричное расположение покойных выделяет этот вид захоронений на фоне остальных коллективных погребений, где умершие укладывались в идентичной позе в соответствии с единой ориентировкой. Имеющиеся факты позволяют утверждать, что покойные были помещены в камеру одновременно.

Эта разновидность погребений Л. С. Клейном интерпретируется как имитация полового акта, в более поздний период получившая в Индии наи-

менованье «дикша» (Клейн, 1979, с. 19–20). Целью *прижизненного* обряда было посмертное перевоплощение («второе рождение») путем заветания своего тела в жертву всем богам. В финальной части обряда жертвующий производил ритуальный половой акт, как бы зачатие самого себя. Автор версии предположил, что в доведический период могла существовать посмертная имитация этого обряда с принесением в жертву женщины. Полагаю, что нет оснований отвергать эту гипотезу полностью, хотя приведенный пример слишком частный случай в более широком круге представлений о путях возрождения индивида и «священного брака» (стоит вспомнить, например, имитацию полового акта в обряде *asvamettha*). Что касается жертвоприношения женщины, то высказано и прямо противоположное суждение о «подчиненном» положении мужчины в таких погребениях, который выступал в качестве спутника женщины — исполнительницы жреческих функций (Зданович Д., 1997, с. 56). Последнее аргументируется находками наконечников булавы, которые, тем не менее, определяются как символическое оружие¹ и атрибут женского начала. В конечном итоге, парные захоронения описанного типа могут восходить к оргиастическим ритуалам, имеющим целью обеспечение плодородия и широко известным у народов, обладавших навыками производящего хозяйства (Токарев, 1990, с. 363–364).

Жертвоприношения. Одной из наиболее характерных черт синташтинской погребальной обрядности является обилие и разнообразие жертвоприношений животных. Среди археологов еще не изжиты упрощенные интерпретации жертвоприношений животных как напутственной пищи или, в лучшем случае, тягловой силы в погребальных поездах. Эти объяснения нельзя назвать неверными, но они не отражают подлинной глубины, сокровенного смысла этого ритуала. Между тем, именно жертвоприношение является своеобразным тайным нервом обрядового действия. В конечном итоге, жертвоприношение соотносится с событиями первотворения, когда любое сотворение связывалось с насильственной смертью. Идея заключается в том, что Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву (Элиаде, 1996, с. 213–214). Во всех космологических мифах и связанных с ними ритуалах можно найти отголоски существования человеческих жертвоприношений.

Классификация видов жертвоприношений, выполненная по материалам анализа индоевропейской лексики (Бенвенист, 1995, с. 368–369), убедительно свидетельствует, что археологически фиксируется только один из них — «заклание» (недоступны для реконструкции вербальные формы (молитвы), торжественные культовые трапезы, возлияния и др.). Однако именно последние наиболее широко засвидетельствованы в различных и.-е. языках. Достаточно устойчивой оказывается связь между возлиянием и огнем.

В составе синташтинских жертвенников абсолютно преобладают домашние животные, что восходит к общиндоевропейским представлениям о загробном мире как о пастбище (Иванов, 1990, с. 5). Исключения из этого правила крайне малочисленны, и их интерпретации в этой связи вызывают непреодолимые трудности. Сравнительно внятно объясняются только находки костей волка (см. ниже). Однако обратимся к основному корпусу источников этой части погребальной обрядности. Достоверно установлено, что знаковый характер некоторых видов мог не отражать их реальной роли в жизни населения. Индоевропейские источники позволяют выстроить своего рода иерархию ритуальной «ценности» живых существ: человек — лошадь — бык — баран — козел, причем в пищу могли использоваться только последние три члена этого ряда (Иванов, 1974, с. 92–93).

Отсутствие доказанных фактов человеческих жертвоприношений заставляет обратиться к группе обрядов и представлений, связанных с ролью коня в и.-е. ритуалах и мифологии. Именно конь является заменой человека в ритуале жертвоприношения. Наиболее ярким и документально оформленным является обряд *asvamettha*, хорошо известный по хеттским, ведическим и другим текстам. Устойчивым является и сочетание коня с жертвенным столбом (изоморфным мировому дереву), что подтверждается этимологией терминов с корнем *asva*. Прямой перенос описанных фаз этого обряда на синташтинскую почву невозможен, хотя общая подоснова очевидна. Это подтверждается выбором частей жертвенного животного, помещаемых в погребение (голова и конечности, которые в сочетании с хвостовым позвонком могут быть сравнительно надежно интерпретированы как шкура). Части жертвы в *asvamettha* интерпретируются следующим образом: голова коня — духовная энергия, туловище — физическая сила (плодовитость), хвост — приумножение табунов (Иванов, 1974, с. 130).

В целом, роль коня в и.-е. мифологии несводима к упомянутому обряду, хотя, несомненно, ключевым в ее понимании является тезис о жертвоприношении коня как замене человеческого жертвоприношения. Образ коня необычайно многогранен. У хеттов конь является атрибутом бога Пирве (ср. славянский Перун и литовский Перкунас), который сочетал в себе функции бога грома и смерти (Иванов, Топоров, 1974, с. 4–34; Кузьмина Е., 1977, с. 32). Не менее характерна и значима связь коня (пары коней) с близнецами (например, ведические Ашвины). Невозможно представить и.-е. мифологию и без образа колесницы, также неотделимого от «конного» комплекса. Конь и колесница в некоторых и.-е. мифологиях являются принадлежностью не только солнечных божеств, но и бога Смерти (Генинг В. Ф., 1977, с. 69). Использование коня в погребальных ритуалах могло не ограничиваться ролью жертвы и/или «транспортного средства». Индоевропейские традиции позволяют предполагать существование состязаний колесниц, связанных с похоронно-по-

¹ Достоверно мужские погребения с булавами автор считает результатом «ритуального травестизма».

минальными обрядами и составляющих вместе с пиршеством и жертвоприношением ядро обряда, именуемого в русском языке «тризной» (Топоров, 1990, с. 17). Мотив состязаний, в свою очередь, адресует к более широкому кругу представлений о поединке Демидурга с хтоническим противником для восстановления космической организации.

Высокая ритуальная «ценность» жертвоприношения коня подтверждается в синташтинских материалах. Главным аргументом в пользу этого утверждения является прослеженная связь между крупными размерами могилы, содержащей, как правило, захоронения взрослых индивидов, с помещением целых или частичных погребений коня в пределах погребальной камеры или на перекрытии. Красноречивым является и факт «игнорирования» костей лошади при совершении детских захоронений, основная масса которых сопровождалась полными скелетами или комплектами — череп — кости — конечностей мелкого рогатого скота. Причем, если в случае с жертвоприношением коней можно предполагать помещение шкуры, то для мелкого рогатого скота это отнюдь не так очевидно.

Интерпретация жертвоприношений МРС более трудна из-за отсутствия внешних источников информации, хотя несомненно наличие достаточно сложных представлений. Об этом свидетельствует насыщенность этой черты обряда деталями, которые не поддаются формализации и улавливаются только при достаточно высоком уровне полевой фиксации. Так, в детском погребении КА-4-15 на уровне перекрытия зафиксирована композиция из останков 6 особей мелкого рогатого скота. Для совершения ритуала избраны 3 рогатых и 3 комолых особи, черепа которых установлены на основании в две линии вдоль стенок ямы с соблюдением порядка чередования (комолый — рогатый — комолый и рогатый — комолый — рогатый). Значимость этого признака подчеркнута помещением в могилу прижизненно утраченного рога одной из особей. Все они умерщвлены ударом, раздробившим затылочные кости, единообразно произведено отчленение головы и конечностей. Хвостовые позвонки 6 (!) особей мелкого рогатого скота обнаружены в числе таранных и других костей, помещенных наряду с сосудом в специальную емкость (туес?) на дне ямы. Кроме описанного жертвенника на дне могилы расчищен полный скелет ягненка, размещенного в ногах погребенного с соблюдением единой ориентировки и правобочного положения¹. Полагаю, что число таких примеров может быть увеличено многократно, однако это мало продвигает нас к выводам о содержательной части ритуала.

Практически идентичные проблемы возникают при анализе жертвоприношений крупного рогатого скота. Единственное, что можно считать надежно установленным, — факт отсутствия костей этого вида животных в индивидуальных детских и подростковых захоронениях. Дети и подростки вряд

ли могли считаться полноправными членами коллектива, что надежно установлено по этнографическим данным. Таким образом, сравнительно надежным установленным можно считать факт более высокой ритуальной «ценности» крупного рогатого скота в сравнении с мелким рогатым скотом.

Погребения собак представлены сравнительно небольшой, но выразительной серией. Локализация этих жертвенных животных надежно соотносится с заполнением могильной ямы или конкретно с ее перекрытием. Комплекс мифологических представлений, связанных с собакой, очерчивается достаточно четко и столь же четко увязывается с индоевропейцами¹ (наиболее подробно описаны хеттские ритуалы, однако достаточно и других, в том числе археологических, свидетельств). Жертвоприношение собаки происходило в завершающей части ритуала при исполнении обряда *asvamettha*, который упомянут выше. Характерна тесная взаимосвязь культов собаки и волка, зачастую делающая затруднительной их разграничение (Иванов, 1977, с. 187). Возможно, именно этим обусловлены находки костей волка в синташтинских погребениях (Костюков и др., 1995, с. 172).

Образ собаки/волка ассоциируется с богом войны (например, древнегерманский Один) или богом загробного мира (в ведической (РВ, X, 14, 10—12) и авестийской (АВ., 19, 28—32) традициях). Интересна группировка жертвенных животных в хеттском похоронном ритуале, объединяющая собаку и свинью. Причиной такого сближения является противопоставление этих животных домашним, с одной стороны, и диким — с другой. Одновременная причастность собаки/волка к миру диких и домашних животных определяет ее роль медиатора. С этим же свойством связаны медиационные функции собаки в паре мир живых — загробный мир (Кербер, четырехглазые псы Авесты и др.). Поэтому совершенно неслучайной выглядит локализация этого вида жертвоприношения между дном могильной ямы (нижний мир) и дневной поверхностью (верхний мир).

Вывод однозначен — синташтинские обряды жертвоприношения точно соответствуют и.е. иерархии ритуальной значимости трех основных видов животных: лошадь — бык — баран. Не противоречат и.е. атрибуции и захоронения собак (волков). Более точный вывод вряд ли возможен, хотя вероятность индоиранской принадлежности синташтинских памятников весьма высока.

Огненные ритуалы. При всем внешнем многообразии проявлений культа огня есть одна очень важная общая черта, характеризующая синташтинские погребальные памятники. Во всех достоверно установленных случаях следы воздействия огня отсутствуют в придонной части могильных ям — во всяком случае, невозможно говорить о преднамеренном

¹ Полевая фиксация и определения выполнены Д. И. Ражевым (ИИА УрО РАН).

¹ Полагаю возможным не рассматривать монгольские и многие другие традиции, поскольку такая этническая атрибуция синташтинских памятников выглядит фантастической.

характере воздействия огнем на погребенного и сопровождающий инвентарь. Следы наиболее интенсивного горения, как правило, относятся к надмогильным сооружениям или верхней части заполнения могильных ям. Кроме непосредственного воздействия огня на деревянные части конструкций зафиксированы случаи помещения кусочков прокаленного грунта в заполнение камеры. Отсутствие зафиксированных следов огня в некоторых случаях может быть обусловлено характером грунта и гидрологической ситуацией, т. е. утратой части информации в результате археологизации объекта.

Во всех случаях очевидно, что возжигание огня происходило до окончательного завершения ритуалов возведения надмогильного сооружения, это наблюдение распространяется в равной мере на центральные и периферийные ямы. Различия в реализации огненных ритуалов проявляются в отношении размеров могильных ям, что, в конечном итоге, видимо, обусловлено характером захоронения и возрастом покойного. В этом случае, правда, нельзя исключить, что огненный ритуал для некоторых категорий просто не был овеществлен.

Интерпретация этой части обрядности в свете и.е. эсхатологических представлений видится достаточно ясной. Изоморфность погребального сооружения структуре Вселенной (например, РВ, X, 18, 13) делает вполне обоснованным сближение идеи мирового пожара в конце времен со следами огненных ритуалов, фиксируемыми исследователями. Огонь выступает как средство обновления бытия, возвращающее мир к началу, к периоду первотворения (Лелеков, 1976, с. 7—10). В конечном итоге, огонь — залог бессмертия человека и мира. Не менее важным в детализации картины этой части обрядности может быть различие квадратного и круглого огня, первый из которых связывался ведическими ариями с ритуальной чистотой, земным миром, небом, солнцем. Форма гробницы соответствует этому противопоставлению, а другой его полюс реализован в округлой форме кургана (или индивидуального надмогильного сооружения). Близкая интерпретация предложена Д. Г. Здановичем, который видит сочетание квадрат — круг в планировке подкурганной площадки в целом, где в роли вписанного в кольцевой ровик квадрата выступают двоянные центральные могильные ямы (Зданович Д., 1995а, с. 46).

§ 4.3. ГЕНЕЗИС И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Проблема происхождения является одной из основных при изучении всех без исключения археологических явлений. Особая ее актуальность для синташтинского феномена обусловлена тем влиянием, которое он оказал на формирование стереотипов эпохи поздней бронзы евразийской степной-лесостепной зоны.

Как уже было отмечено, для синташтинских памятников в качестве исходных перечислены в различных комбинациях практически все возможные культуры предшествующего периода сопредельных территорий. Единство достигнуто, пожалуй, только в утверждении «неместности» их культурных корней. Исключения крайне немногочисленны — Г. Б. Зданович считает возможным участие в генезисе синташтинских памятников энеолитического населения. С некоторыми оговорками к числу местных источников синташтинских стереотипов относятся приуральские ямные памятники, ареал распространения которых простирается до Южного Зауралья. Кроме того, большинство исследователей, начиная с наиболее ранних публикаций (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977) и поныне, признает в процессе формирования примата западного импульса (содержание которого определяется, правда, по-разному). Однако принятие любой из выдвигаемых до сего дня версий не проясняет до конца механизма возникновения новой системы культурных стереотипов. Следует оговориться, впрочем, что и на общетеоретическом уровне вопросы культурогенеза далеки от глубокой проработки.

Фактически на сегодняшний день не построено ни одной модели формирования синташтинского феномена. В лучшем случае предлагается некая идея, определяющая облик явления, в худшем — генезис сводится к механистическому соединению разно- или монокультурных исходных черт без выделения системообразующих и факультативных элементов. Использование археологами термина «модель» зачастую не основывается на понимании процедуры моделирования процесса или явления.

В отношении культурных трансформаций времени перехода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы утвердилось мнение о миграциях как факторе, во многом определяющем облик отдельных археологических культур и культурно-исторических общностей. Обращение к миграциям стало реакцией исследователей на многолетнее доминирование идей автохтонного развития, в результате которого к настоящему времени создано множество региональных культурно-хронологических колонок, слабо согласующихся между собой. Проблема усугубляется отсутствием надежной абсолютной хронологии (см. § 1.3), позволяющей сопоставить памятники отдаленных регионов с целью определения исходных районов миграций. В свою очередь, решение многих региональных проблем оказывается невозможным из-за отсутствия построений более общего характера. Речь идет не о синхронизации отдельных колонок, а об уяснении сути масштабных культурных процессов (Бочкарев, 1993).

Не подлежит сомнению определяющая роль пришлого населения в оформлении облика синташтинских памятников, однако процесс был куда сложнее, поскольку речь идет о периоде культурной трансформации, охватившей значительную территорию, в пределах которой Зауралье является наиболее восточным флангом. Характеристики таких критических периодов изложены Е. Н. Чер-

ных (Черных, 1988, с. 136; Черных, 1989, с. 38–39) и выглядят следующим образом: 1) распад свиты старых и формирование новых культур; 2) скачкообразное развитие новой технологии, по преимуществу металлургии и металлообработки; 3) переформирование всей системы контактов и взаимосвязей; 4) активнейшие процессы миграций значительных этнокультурных групп. Частью такого процесса на рубеже средней и поздней бронзы стало формирование синташтинского феномена.

В связи с обозначенными трудностями неслучайно возникновение суждения о многокомпонентной основе сложения синташтинских памятников. Наиболее часто в таком контексте упоминаются полтавкинские и ямные древности. Действительно, имеется сходство синташтинской и ямной погребальной архитектуры (хотя о тождестве говорить не приходится), стимулировавшее широкое распространение тезиса о «глубоком фоне ямных традиций». На это указывает распространение сложного оформления интерьера усыпальниц, значительная глубина крупных могильных ям. Тенденция к ее уменьшению в Зауралье наблюдается по линии «синташта» — «петровка» — «алакуль», что косвенно подтверждает эволюционный характер изменения обрядности. Кроме того, ямная КИО находится в пределах стереотипов металлургии и металлообработки ЦМП, продолжение которых видится в синташтинском металлопроизводстве. Впрочем, ни о каком типологическом тождестве не может быть и речи. Собственная хронология приуральских ямных курганов остается наиболее слабым звеном в цепи умозаключений. Важным обстоятельством является и близость облика скотоводства носителей позднеямных¹ и синташтинских традиций, реализовавшаяся в практически идентичном составе стада².

Принцип «активной обороны» (повозки по кругу) как основа формирования традиций синташтинской фортификации (Кузьмина Е., 1997, с. 88) мог возникнуть в ямной среде. При полном отсутствии следов активных военных действий на поселении автор склонен присоединиться к мнению М. Элиаде и Ю. В. Андреева о том, что оборонительная стена вокруг «города» имеет не столько утилитарную, сколько сакральную функцию, отделяя гармонически организованное средоточие культуры и космического порядка от диких неуправляемых сил первородного хаоса (Элиаде, 1994, с. 38; Андреев, 1992, с. 11). Сложные системы фортификации предназначены, главным образом, для защиты от демонов и душ умерших, а не от себе подобных.

¹ Состав стада по результатам раскопок верхнего слоя поселения Михайловка выглядит следующим образом: крупный рогатый скот — 60%, мелкий рогатый скот — 30%, лошадь — 10% (Кузьмина Е., 1997, с. 88). Для поселений Устье и Аркаим цифры практически идентичны. К сожалению, нет достоверных данных о составе стада катакомбной КИО.

² Это обстоятельство полностью проигнорировано С. А. Григорьевым, который считает, что синташтинский состав стада не имеет предшествующих аналогов (Григорьев, 1996б, с. 80).

Изложенное в последних абзацах вовсе не предполагает эксклюзивной роли приуральского ямного населения в формировании синташтинского феномена и отрицание фактора миграций, исходная зона которых расположена в степях Восточной Европы и, возможно, Предкавказья. Последний был источником мышьяковистой меди для обширной территории в период средней бронзы и, естественно, основным носителем традиции изготовления мышьяковистых бронз. Хронологически близкими являются памятники катакомбной КИО (Дремов, 1997). Важное наблюдение для ряда культур эпохи бронзы сделано А. Н. Геем, отметившим, что традиция отражения профессиональной специализации умерших в погребальном обряде присутствует на протяжении III–II тыс. до н. э. в широком ареале культур, так или иначе связанных с катакомбной КИО (Гей, 1986, с. 30–31). Не исключает он и определенной этнической специфики, стоящей за этой чертой погребальной обрядности.

Автор исходит из того, что ямные памятники в целом предшествуют катакомбным, хотя свидетельства такой позиции для Заволжья практически нет (Мельник, 1985, с. 13–14), что и дало пищу для предположений о сравнительно поздней дате приуральских ямных некрополей, сближающихся по хронологии с ранними синташтинскими. Лишь в последние годы появились надежные свидетельства катакомбного присутствия в степном Поволжье, позволяющие предполагать сближение датировки финала катакомбной КИО и раннесрубных памятников (Дремов, 1996; 1997).

В пользу связи с наследием катакомбного мира свидетельствуют набор типов металлического инвентаря, являющегося продолжением традиций ЦМП, и технология металлургических процессов (мышьяковистые бронзы) (Григорьев, 1994, с. 16–17). Ряд авторов включают полтавкинскую культуру в круг катакомбных (или ямно-катакомбных) (Археология Украинской ССР, 1985, с. 403), что дает дополнительные аргументы сторонникам тезиса об участии ее носителей в синташтинском культурогенезе. Высказано суждение и о возможности кавказского импульса в формировании самой полтавкинской культуры (Кузнецов, 1996а).

В развернутом виде тезис об участии полтавкинского населения в генезисе синташтинских памятников изложен П. Ф. Кузнецовым. Рассмотрение проблемы происхождения памятников потаповского типа заставило его предложить схему более общего плана (Кузнецов, 1996б, с. 40–43). Принимая тезис о западном импульсе в формировании облика синташтинских памятников и ее металлургической специфике, автор исходит из полиэтничности «протогородов», которые функционировали как ремесленные центры, контролируемые знатью извне (из Поволжья?). Полиэтничность обосновывается наличием абашевской керамики на поселениях. Процесс освоения зауральских месторождений меди, породивший своего рода «медную лихорадку», разделяется на следующие этапы.

Первый — накопление сведений о рудных ресурсах, появление в Волго-Уральском междуречье

элитных полтавкинских групп. Среди приведенных П. Ф. Кузнецовым памятников, правда, фигурируют такие, которые определяются авторами раскопок как ямные. В Зауралье удостоен упоминания только могильник Александровский IV, расположенный в непосредственной близости от городища Аркаим. Необходимо оговориться, что Аркаим, по мнению автора раскопок (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 49, 52), не относится к числу наиболее ранних памятников синташтинского круга, поскольку такими он считает овалы поселения.

Второй этап — время обособления элиты в Поволжье, устанавливающей контакты с абашевцами, создания ремесленных центров в Зауралье. Облик поселенческих памятников обусловлен усвоением абашевских домостроительных традиций, погребальных — опытом возведения полтавкинских курганов. Появление систем фортификации — реакция на освоение новой территории, их форма — дань принципу активной обороны (повозки по кругу).

Третий этап — функционирование зауральского металлопроизводящего центра, его расширение на восток (образование петровской культуры). В этот же период происходит обратная миграция в Поволжье.

По существу, изложенный выше взгляд является конкретизацией неоднократно высказываемого мнения об участии полтавкинских и баланбашского населения в генезисе синташтинских (новокумакских) памятников (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977; Качалова, 1983, с. 17; Васильев и др., 1994, с. 165; Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 51 и др.). Предпринятая модификация не снимает в полной мере вопросов, обозначенных в § 1.2 настоящей работы. Черты, определяющие облик синташтинских памятников, не могут быть прямо выведены из полтавкинской КИО, даже если принять небесспорную полтавкинскую атрибуцию приуральских могильников. Отсутствуют данные о существовании традиций полтавкинских домостроения и металлургии (справедливости ради надо отметить, что аргументы в пользу ямных корней синташтинских памятников страдают теми же недостатками). Сама КИО выделена на довольно общих основаниях, по большинству своему не дающих четких критериев для ее изъятия из круга позднейших или ямно-катакомбных древностей¹. Возможно, такая неопределенность — результат не столько методической нечеткости, сколько отражение реальной этнокультурной ситуации, когда на огромной территории складывается своего рода Циркумпонтийская «контактная непрерывность», при которой черты сходства вовсе не обязательно обусловлены единством генезиса (Мерперт, 1989, с. 31). Есть и более частные недостатки в построениях П. Ф. Кузнецова: например, автор считает формой продуктообмена «склад», существование которого подтверждается находками кладов. Это утверждение, к сожалению, не может быть проиллюстрировано

фактами; в частности, в Зауралье нет достоверной информации о кладах синташтинского времени.

Более чем вероятно, что облик синташтинских памятников определило не только поволжское и приуральское население. На возможность привлечения кавказских материалов указывают отдельные элементы морфологии и орнамента керамики (Мочалов, 1996), некоторые категории инвентаря (бородавчатые бусы, трубчатые пронизи с поперечными нарезками, костяные пряжки, подвески в полтора оборота, каменные топоры кабардино-пятигорского типа). Следует отметить, что тезис об участии носителей катакомбной культуры был выдвинут в литературе (Потемкина, 1990, с. 125), но до сей поры не обрел развернутой аргументации. Несмотря на явную разнородность катакомбной и синташтинской керамических традиций, и здесь могут быть обнаружены элементы сходства в орнаментации и других деталях формы (Дремов, 1997, с. 58–59). Сложнее оценить в этом плане традиции помещения в погребения повозок, а также находки каменных наверший булавы, чрезвычайно широко распространенных в периоды средней и поздней бронзы. Некоторые детали в использовании повозок в погребальном ритуале все же дают пищу для размышлений. Колеса синташтинских транспортных средств заглублялись в дно могильной ямы. Практически идентичная традиция реконструируется для части катакомбных повозок, помещенных в так называемые «фигурные» или «приталенные» ямы (Андреева, 1996, с. 13–14). Иные, хронологически близкие аналоги этой детали погребального ритуала автору неизвестны.

Если обсуждать конкретные традиции погребальной обрядности и, особенно, керамического производства, то сходжений окажется меньше, но они есть. Распространение положения погребенных «скорчено на боку» в степях Восточной Европы связано с утверждением стереотипов катакомбной культуры. Поза «адорации», ставшая абсолютно доминирующей в период поздней бронзы, встречается практически по всей катакомбной ойкумене. Этот вариант ингумации вытесняет остальные — вытянутые захоронения и скорченные на спине. Хотя различия между позой большинства синташтинских и катакомбных погребенных существенны (соотношение лево- и правобочного положения, размещение рук и некоторые другие), полностью игнорировать этот факт не стоит. Различия значительно меньше для позднекатакомбного периода, когда на территории предкавказской катакомбной культуры и в Поволжье положение на левом боку становится основным, получают распространение захоронения в ямах, кольцевые ровики на подкурганной площадке, имеются случаи кольцевой планировки подкурганного пространства (Державин, 1991, с. 75–80, 123). Последнее не менее характерно для средне- и нижнедонской катакомбных культур (Беседин, 1992). Часть вопросов могла быть снята при условии наличия надежной абсолютной хронологии катакомбной КИО, однако ситуация в этой сфере далека от однозначности (Арапов, 1990; Шишлина, 1993), в частности, некоторые авторы верхней датируют общности считают XVII и даже XIII вв. до н. э.

¹ В результате такого подхода в число полтавкинских оказались включены весьма разнородные памятники.

элитных полтавкинских групп. Среди приведенных П. Ф. Кузнецовым памятников, правда, фигурируют такие, которые определяются авторами раскопок как ямные. В Зауралье удостоен упоминания только могильник Александровский IV, расположенный в непосредственной близости от городища Аркаим. Необходимо оговориться, что Аркаим, по мнению автора раскопок (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 49, 52), не относится к числу наиболее ранних памятников синташтинского круга, поскольку таковыми он считает овалыные поселения.

Второй этап — время обособления элиты в Поволжье, устанавливающей контакты с абашевцами, создания ремесленных центров в Зауралье. Облик поселенческих памятников обусловлен усвоением абашевских домостроительных традиций, погребальных — опытом возведения полтавкинских курганов. Появление систем фортификации — реакция на освоение новой территории, их форма — дань принципу активной обороны (повозки по кругу).

Третий этап — функционирование зауральского металлопроизводящего центра, его расширение на восток (образование петровской культуры). В этот же период происходит обратная миграция в Поволжье.

По существу, изложенный выше взгляд является конкретизацией неоднократно высказываемого мнения об участии полтавкинского и баланбашского населения в генезисе синташтинских (новокумакских) памятников (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977; Качалова, 1983, с. 17; Васильев и др., 1994, с. 165; Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 51 и др.). Предпринятая модификация не снимает в полной мере вопросов, обозначенных в § 1.2 настоящей работы. Черты, определяющие облик синташтинских памятников, не могут быть прямо выведены из полтавкинской КИО, даже если принять небесспорную полтавкинскую атрибуцию приуральских могильников. Отсутствуют данные о существовании традиций полтавкинского домостроения и металлургии (справедливости ради надо отметить, что аргументы в пользу ямных корней синташтинских памятников страдают теми же недостатками). Сама КИО выделена на довольно общих основаниях, по большинству своему не дающих четких критериев для ее изъятия из круга позднеямных или ямно-катакомбных древностей¹. Возможно, такая неопределенность — результат не столько методической нечеткости, сколько отражение реальной этнокультурной ситуации, когда на огромной территории складывается своего рода Циркумпонтийская «контактная непрерывность», при которой черты сходства вовсе не обязательно обусловлены единством генезиса (Мерперт, 1989, с. 31). Есть и более частные недостатки в построениях П. Ф. Кузнецова: например, автор считает формой продуктообмена «склад», существование которого подтверждается находками кладов. Это утверждение, к сожалению, не может быть проиллюстрировано

фактами; в частности, в Зауралье нет достоверной информации о кладах синташтинского времени.

Более чем вероятно, что облик синташтинских памятников определило не только поволжское и приуральское население. На возможность привлечения кавказских материалов указывают отдельные элементы морфологии и орнамента керамики (Мочалов, 1996), некоторые категории инвентаря (бородавчатые бусы, трубчатые пронизи с поперечными нарезками, костяные пряжки, подвески в полтора оборота, каменные топоры кабардино-пятигорского типа). Следует отметить, что тезис об участии носителей катакомбной культуры был выдвинут в литературе (Потемкина, 1990, с. 125), но до сей поры не обрел развернутой аргументации. Несмотря на явную разнородность катакомбной и синташтинской керамических традиций, и здесь могут быть обнаружены элементы сходства в орнаментации и других деталях формы (Дремов, 1997, с. 58–59). Сложнее оценить в этом плане традиции помещения в погребения повозок, а также находки каменных наверший булав, чрезвычайно широко распространенных в периоды средней и поздней бронзы. Некоторые детали в использовании повозок в погребальном ритуале все же дают пищу для размышлений. Колеса синташтинских транспортных средств заглублялись в дно могильной ямы. Практически идентичная традиция реконструируется для части катакомбных повозок, помещенных в так называемые «фигурные» или «приталенные» ямы (Андреева, 1996, с. 13–14). Иные, хронологически близкие аналоги этой детали погребального ритуала автору неизвестны.

Если обсуждать конкретные традиции погребальной обрядности и, особенно, керамического производства, то сходжений окажется меньше, но они есть. Распространение положения погребенных «скорчено на боку» в степях Восточной Европы связано с утверждением стереотипов катакомбной культуры. Поза «адорации», ставшая абсолютно доминирующей в период поздней бронзы, встречается практически по всей катакомбной ойкумене. Этот вариант ингумации вытесняет остальные — вытянутые захоронения и скорченные на спине. Хотя различия между позой большинства синташтинских и катакомбных погребенных существенны (соотношение лево- и правобочного положения, размещение рук и некоторые другие), полностью игнорировать этот факт не стоит. Различия значительно меньше для позднекатакомбного периода, когда на территории предкавказской катакомбной культуры и в Поволжье положение на левом боку становится основным, получают распространение захоронения в ямах, кольцевые ровики на подкурганной площадке, имеются случаи кольцевой планировки подкурганного пространства (Державин, 1991, с. 75–80, 123). Последнее не менее характерно для средне- и нижнедонской катакомбных культур (Беседин, 1992). Часть вопросов могла быть снята при условии наличия надежной абсолютной хронологии катакомбной КИО, однако ситуация в этой сфере далека от однозначности (Арапов, 1990; Шишлина, 1993), в частности, некоторые авторы верхней датой общности считают XVII и даже XIII вв. до н. э.

¹ В результате такого подхода в число полтавкинских оказались включены весьма разнородные памятники.

Красноречивым представляется и то, что для культуры многоваликовой керамики (которую большинство исследователей считают прямой наследницей катакомбной КИО) характерно расположение погребенных, практически идентичное синташтинскому. Ряд ученых считает эту культуру полностью синхронной зауральским древностям финала средней бронзы и предполагает, что причины сходства КМК и памятников синташтинского типа лежат в единстве катакомбных корней (Березанская и др., 1986, с. 34–42). Генезис КМК, впрочем, отнюдь не сводится к позднекатакомбному наследию и имеет также иные корни. Не вызывает принципиальных возражений и конкретный сценарий глобального культурогенетического и миграционного процесса, замыкающим восточный фланг которого является формирование памятников синташтинского типа (Черняков, 1996). Исходной посылкой стала хорошо документированная результатами раскопок «западная» экспансия носителей катакомбных традиций, приведшая к вытеснению значительных групп населения в Балкано-Подунавье и Прикарпатье, что создало в этом регионе эффект демографической пружины. Обратная миграционная волна в восточном направлении стимулировала широкие культурные трансформации в евразийских степях.

Имеет смысл упомянуть в этом контексте «нестандартные» погребения синташтинского периода. Особая актуальность рассмотрения именно этой части погребальной обрядности обусловлена тем, что особые виды погребений могут отступать от нормы, сохраняя пережитки предшествующего периода непосредственно в похоронных ритуалах или в сопредельных фазах (Чвырь, 1991, с. 205–206). Не менее важна другая закономерность, установленная этнографами на примере среднеазиатских похоронных ритуалов: наибольшее число архаизмов сохраняется в женских и, особенно, детских захоронениях (Снесарев, 1969, с. 112, 117). Последнее может быть подтверждено индийскими материалами, где в условиях безраздельного господства кремации как вида захоронения дети до определенного возраста погребались без сожжения (Пандей, 1990, с. 214–215). Хотя для синташтинских погребений налицо резкое преобладание левобочного положения, инверсии составляют достойную упоминания серию даже без учета парных захоронений, расположенных лицом друг к другу. Примечательно, что в парных захоронениях именно женщины покоились на правом боку (КА-2-8; СИ-1 (?)). Есть случаи индивидуальных женских (КА-4-1) и детских (КА-4-15; СИ-2; СИ-2 (?); МКО-2-3, МКО-2-7; МКО-9-6, МКО-9-9 и др.) погребений на правом боку. В пределах коллективных погребений встречается правобочное расположение покойных (КА-4-2; КА-2-8), также относящихся к этим половозрастным группам¹.

¹ Довольно многочисленная серия детских захоронений в положении на спине (МКО-10) оставлена без специального рассмотрения, т. к. эта характеристика имеет, видимо, не обрядовое происхождение, а является результатом процессов скелетирования, а также трудностей точной полевой фиксации погребений младших возрастов.

Сильная степень скорченности также встречается (СМ-31; СИ-10; БК-11-7). Есть прямые аналогии особому виду катакомбных погребений (Мельник, 1991, с. 21–32) – вторичным (СМ-30 (рис. 25)). Участие антропологов в полевых работах, несомненно, умножило бы количество таких погребений и расширило бы номенклатуру типов (кроме «пакетов» могут быть обнаружены частичные захоронения и погребения с рассечением). В условиях сильной деформации синташтинских памятников в результате деятельности норных животных и других факторов остается актуальным достижение качественно нового уровня раскопок и полевой фиксации.

Сходство отдельных черт похоронной обрядности (поза «адорации», размещение частей жертвенных животных на краях и перекрытиях могил, обилие погребального инвентаря) позволили высказать предположение о формировании новой системы религиозных догматов и норм эпохи поздней бронзы (срубная и алакульская культуры) на «базе» религии носителей катакомбных культур (Пятых, 1992). Причину формирования новой формы религии автор видит в изменении социально-экономической ситуации и очередном этапе классообразовательных процессов, когда потребовалось идеологическое закрепление роли новых социальных групп. Факторами, определившими скорость усвоения новых стереотипов, могли быть следующие: а) наличие социальных групп, заинтересованных в новой идеологии и способных обеспечить ее доминирование; б) степень соответствия новой религии уровню социально-экономического развития воспринимающего ее общества; в) степень социально-экономической, политической и этнической близости передающего и воспринимающего обществ; г) возможное привнесение мигрантами с запада новых форм хозяйства, а также социальных структур; д) родство и сходство религий обществ – участников процесса этно- и политогенеза; е) значительная интенсивность интеграции старых обществ в новые, более крупные этносоциальные образования и структуры. Особый интерес именно к религиозной догматике подкрепляется предположением о том, что катакомбная общность сформировалась на конфессиональной основе (Мельник, 1987а, с. 98).

Принципиально иную позицию в вопросе генезиса «синташтинской культуры» занимает С. А. Григорьев (Григорьев, 1996б; 1996в; 1999). Критический разбор существующих точек зрения позволил выявить автору ряд противоречий в построениях предшественников. Он исходит из доказанности индоиранской принадлежности синташтинцев и пытается увязать это мнение с историческими фактами, известными по письменным источникам и данным лингвистики. Большинство неархеологических свидетельств о ранней истории ариев относятся к региону Передней Азии, что и заставило направить поиски именно в этом направлении. Практически полное отсутствие промежуточных звеньев между Северной Сирией и Южным Уралом не остановило автора, полагающего реаль-

ной непосредственную стремительную миграцию. Носители арийской культуры, по его мнению, проделали путь из исходной точки через южный Прикаспий, Среднюю Азию и достигли территории Зауралья «в наиболее чистом виде» (в сравнении с абашевской культурой). Общая протяженность маршрута должна была составить около 4 тысяч километров. Причиной беспрецедентного перехода, пересекавшего различные ландшафтно-климатические зоны, стало вторжение касситов 1742–1740 гг. до н. э. в междуречье Тигра и Евфрата¹. Принятие такой позиции сильно затрудняет ответ на вопрос, почему именно Южное Зауралье оказалось целью и конечной точкой массового движения.

В качестве археологических свидетельств излагаемого приведен ряд фактов. Автором постулируется сходство архитектурного решения и техники строительства поселений. Отсутствие прямых аналогов на исходной территории (за исключением Роджем-Хири, о котором будет сказано чуть ниже) заставило существенно расширить хронологические и территориальные рамки поисков. В круг рассуждений оказались включены памятники V–III тыс. до н. э., происходящие из северо-западной Анатолии и Балкан. Выявленный на юге Сирии внешне близкий укрепленным поселениям Синташта и Аркаим памятник Роджем-Хири, видимо, и стал для С. А. Григорьева наиболее ярким воплощением его идеи. Однако даже минимально детализированное сравнение заставляет быть более осторожным в выводах. На сегодняшний день этот памятник не имеет сколь-нибудь надежной датировки и очень скромно исследован раскопками, результаты которых не располагают к однозначному утверждению о жилом характере застройки (Mizgachi, 1992). Использованный материал также принципиально отличается от синташтинских строительных традиций, для которых характерен практически полный отказ от использования камня. Этот факт требует объяснения, поскольку на Южном Урале дефицит камня предположить трудно.

Возведение округлоплановых поселений имеет давнюю анатолийскую традицию, корнями уходящую в неолит (Хаджилар) и прослеживаемую вплоть до позднеассирийского (Тель-Эль-Римах) и нововавилонского (Барсиппа) периодов (Мерперт, 1995а, с. 117). Но, вместе с тем, существует серия балканских памятников, демонстрирующих аналогичные принципы планировки, датируемых по аналогии с анатолийским Демирчиуйюком концом первой – второй половиной III тыс. до н. э. (Мерперт, 1995б, с. 41). Стереотип укрепленных округлых поселков со свободной площадью в центре, окруженной хозяйственными постройками, а далее кольцом жилых сооружений, примыкающих к оборонительной системе, к началу РБВ охватил всю Анатолию, Киликию, Эгею и Балканы. Данный стереотип, видимо, можно определить как эпохальный. Однако вопрос о происхождении стереоти-

па не решается линейным образом, поскольку в энеолите Средней и Восточной Европы также имела место традиция использования близкой поселенческой схемы (Мерперт, 1995б, с. 45). При таком положении вещей тезис о полицентризме ее генезиса представляется более основательным. Существование в циркумпонтийской зоне округлоплановых поселений избавляет от необходимости поисков далеких анатолийских аналогов, хотя взаимосвязь и взаимодействие (в том числе, возможно, и генетически обусловленное) имели место на протяжении достаточно длительного периода.

Обратимся к другим аргументам автора концепции ближневосточной прародины синташтинцев. Их погребальный обряд С. А. Григорьевым без обиняков признается чуждым Восточной Европе. Основанием для столь категоричного заключения стал «некуржанный» характер индивидуальных надмогильных сооружений, обряд освобождения костей от мягких тканей, ориентация погребений по кругу, крупные могильные ямы с жертвенниками на перекрытии. Появление традиции возведения курганов и ровиков, ориентации могил по сторонам света, в соответствии с мнением автора, относится к последней стадии (петровской) и является результатом «тенденции к значительной трансформации». Базировано данное заключение на признании наиболее ранним памятником части эпонимного могильника (СМ). Пройгнорированным оказался факт существования круговой планировки во всех исследованных стационарно некрополях. Как уже отмечено выше, единственным примером бескуржанных погребений остается СМ, однако в составе могильника есть и курган (С1), более поздний характер или инокультурность которого никем, кроме С. А. Григорьева, пока не предполагается. Несомненно, характер надмогильных сооружений СМ требует своего объяснения, но предлагаемая трактовка представляется слишком экзотической еще и потому, что на примере петровской части МКО-10 очевиден «некуржанный обряд» значительной части погребений.

Приводимые аналогии погребальной обрядности Аладжа Уйюка и Тиль Барсипа (Алексин, 1986, с. 85–86, 144–146) не могут быть признаны убедительными. Погребения начала III тыс. до н. э. в Аладжа Уйюке совершались в ямах, обложенных камнем, покойные укладывались на деревянный помост на дне, в одном случае захоронение сопровождалось жертвой (быком), инвентарь – глиняные и каменные сосуды. Описание конструкции богатых погребальных камер (3,5 × 6–7 м) второй половины III тыс. до н. э. включает стены, выложенные камнем; пол, выстланный сырцовым кирпичом или камнем; перекрытие из деревянных балок, поверх которых насыпана земля и уложен слой сырцовых кирпичей, край могил частично отмечался каменной выкладкой. Черепа и конечности жертвенных быков укладывались на перекрытие. Вокруг могилы располагались захоронения других жертвенных животных. Погребенные, сопровождаемые золотыми диадемами и другими украшениями, оружием, глиняными, серебряными

¹ В последующих работах С. А. Григорьев не был столь категоричен в поисках причин миграции.

и золотыми сосудами, металлическими зооморфными наконечниками жезлов, покоились на ложе с балдахинном (Археология зарубежной Азии, 1986, с. 86—89). Погребения в Тель Барсие (конец III тыс. до н. э.) совершались в каменных цистах либо в глиняных сосудах. Богатая каменная гробница этого некрополя описана следующим образом: «... яма-шахта целиком занята каменной усыпальницей. Из небольшой предвратной камеры узкий коридор вел в усыпальницу, в восточной части которой лежало два костяка, поврежденных упавшей сверху плитой перекрытия. Поблизости от них обнаружено захоронение жертвенного животного — козы. Один угол усыпальницы занят грудой глиняных сосудов, число которых достигает 1045. Кроме них, в усыпальнице имелись 3 бронзовых сосуда, 8 бронзовых топоров, 9 кинжалов, 6 копий, зеркало, 3 булавы и, вероятно, уздечное кольцо с изображением лошадей» (Алексин, 1986, с. 144).

Таким образом, конструкция погребальных сооружений Северной Сирии и Малой Азии, их интерьер, состав инвентаря, не говоря о его морфологии, очень существенно отличаются от синташтинских. Отсутствует традиция помещения повозок в погребениях (Алексин, 1986, с. 147). Черты сходства (размещение жертвенных животных, деревянное перекрытие гробниц, большое количество предметов вооружения, находки наконечников скипетров) не могут служить надежным основанием для сближения описанных традиций с древностями Южного Зауралья. Еще одно обстоятельство не может не смущать в данном сопоставлении: практически все наиболее выразительные погребальные комплексы в Анатолии связаны с захоронением лиц высшего социального ранга, для синташтинских же памятников такое утверждение вряд ли было бы правомерным. Еще менее приемлема достоверность ссылки на круговое расположение могильных ям и наличие вторичных погребений, как на признаки переднеазиатского происхождения синташтинской обрядности. Круговая планировка кладбищ оставлена автором без аргументации конкретными переднеазиатскими аналогиями. Вторичные же захоронения отнюдь не являются специфически переднеазиатской чертой обрядности, тем более что в синташтинских памятниках имеются лишь единичные достоверные случаи этого вида погребений¹.

Следует учесть принципиальные отличия в основе хозяйства и уровне общественной организации сравниваемых территорий. Если принять предлагаемую дату миграции, то приходится констатировать невозможность согласовать ее с новыми радиоуглеродными датами. Трудно сбросить со счетов и различия в уровне керамического производства (гончарный круг), облика керамики (моно- и полихромная роспись, инкрустация) и др. При-

знание синташтинского металлопроизводства результатом развития циркумпонтийских стереотипов никак не отрицается, однако мало что добавляет в плане весомости аргументации, как и рассуждение о раннем характере традиции помещения каменных булав в погребения.

Одним из аргументов, не использованных автором в полной мере, могло бы стать принятие версии о переднеазиатском происхождении боевых колесниц, которым исследователи индоиранской проблематики традиционно уделяют большое внимание. Связь индоиранцев и колесниц несомненна, однако излишне категоричным было бы утверждать абсолютную взаимозависимость этой пары (Горелик, 1985, с. 184). Использование колесного транспорта имеет очень давнюю традицию в Передней Азии (Кожин, 1985); вполне вероятно, что и изобретение колеса со спицами произошло в этой же зоне. Не отрицая роли колесницы в жизни индоиранцев и исключительного значения в их идеологии, автор не видит необходимости рассматривать вопрос о приоритетах. Достаточно сказать, что усвоение сделанного изобретения было подготовлено ранней domestикацией лошади и ее использованием в качестве тяглового животного в Восточной Европе задолго до формирования памятников синташтинского типа (Antony, Telegin, Brown, 1991). Использование повозок в погребальной обрядности также широко распространено в среде населения северного блока культур циркумпонтийской провинции. Боевое использование колесниц в Зауралье представляется очень проблематичным, сомнения в их военном характере высказаны и по другим основаниям (Цимиданов, 1996б).

Стоит, видимо, кратко остановиться на перечне категорий инвентаря, корни которого С. А. Григорьев обнаруживает на переднеазиатской прародине синташтинского населения. Это некоторые категории вооружения (наконечники стрел, каменные и бронзовые топоры, наконечники копий, ножи-кинжалы). Действительно, часть их находит прототипы разной степени убедительности. Однако нет уверенности, что комплекс вооружения не мог быть усвоен и без прямого перемещения значительной массы населения. Мы исходим из того, что престижный характер этих категорий материальной культуры определял их широкое распространение, не являясь отражением этнической специфики¹.

Все перечисленное не позволяет принять точку зрения С. А. Григорьева. Вместе с тем, автор очертил круг вопросов, требующих самого пристального внимания. Суть не только в очевидной несовместимости сосуществующих мнений, проблема — в выработке критериев сопоставления различных типов информации, а также форм ее реализации в археологических памятниках. Обусловленность культурогенеза финала средней бронзы

¹ Как уже отмечено выше, погребения костей, освобожденных от мягких тканей, составляют достаточно большую серию в предшествующих памятниках катакомбной КИО, что избавляет от необходимости искать чрезвычайно дальние аналогии.

¹ Возможно, именно этим и объясняются диспропорции в соотношении классов металлических изделий (резкое преобладание оружия) и в их приуроченности к типам памятников (еще более четкое преобладание находок в погребениях над остальными).

внешними воздействиями несомненна, как и циркумпонтийский источник большинства черт. Это обстоятельство, однако, не должно заслонять сложности происходящих процессов. Ряд категорий инвентаря имеет аналогии на Ближнем Востоке (Рогудеев, 2000), однако их появление в степной зоне может быть результатом торговых операций.

Итак, формирование синташтинского культурного феномена в самом общем виде может быть представлено следующим образом. В конце периода средней бронзы происходит деструктивный сдвиг, приведший к распаду Циркумпонтийской провинции, ранее функционировавшей в условиях широких связей и взаимовлияний южного и северного блоков культур («культурной непрерывности»). В этой связи, хотя основное место в анализе отдано катакомбной КИО, не следует сбрасывать со счета и иные культурные образования провинции, тем более что деструкция коснулась не только катакомбников, но и системы в целом. В данной работе не место обсуждению причин ее распада и закономерностей этого процесса, куда важнее рассмотреть возможные последствия. Естественно, что деструкция не предполагает уничтожение стереотипов культуры, если речь не идет об утрате носителей традиции. Однако в экстремальной ситуации изменяется система приоритетов общества, актуализируются стереотипы, ранее находившиеся на периферии общественного сознания.

Несмотря на прослеживающуюся разнородность исходных компонентов, синташтинский феномен, в том виде, как он предстает сегодняшнему исследователю, окончательно сложился именно в Южном Зауралье. К близкому выводу пришел и В. С. Бочкарев, исходивший из структурной аморфности культуры, которая выразилась в сосуществовании большого количества слабо дифференцированных типов (Бочкарев, 1995, с. 26). Привнесение традиций поселенческой и погребальной архитектуры, бурное развитие металлопроизводства не должны заслонять сохранения скотоводческой направленности хозяйства, традиционного для степной зоны Волго-Уралья и Восточной Европы. Это не отрицает значительной роли металлургии. Видимо, можно предполагать синхронное появление КМК, абашевских и синташтинских памятников в результате распада свиты старых культур СБВ (катакомбной и поздней КИО). Налицо скачкообразный характер развития технологии металлургии, строительства, деревообработки. Последнее документировано довольно многочисленными остатками колесниц, изготовление которых должно было осуществляться на месте. Все три перечисленных культурных явления в той или иной степени связаны с южным блоком Циркумпонтийской провинции и прилегающими к нему территориями, прежде всего с Кавказом и Балканами.

Синташтинский феномен становится ядром, генерирующим новые стереотипы, получившие полное воплощение в период ПБВ. Становление укрепленных центров не завершило период миграций. Напротив, наблюдается широкая экспансия в восточном и западном направлениях, воплощениями

которой стали оформление петровской культуры и появление памятников потаповского типа. Форма этого движения требует специального рассмотрения, но в предварительном плане можно предположить, что речь, скорее всего, уже идет не о массовых миграционных потоках, а об инфильтрации отдельных групп, привносящих новые стереотипы в местную среду. Вопрос о форме миграции периода формирования синташтинских памятников остается не до конца ясным, во всяком случае, ни одна из предложенных Е. Е. Кузьминой разновидностей (Кузьмина Е., 1994, с. 224–225) не соответствует полностью обрисованной ситуации. Наиболее близок тип Б-III, названный автором интеграцией. Суждение о языковой принадлежности культурного образования, сложившегося в результате взаимодействия субстратного и суперстратных элементов, без дополнительных данных невозможно.

Миграция и освоение новой территории породили не только трансформацию исходных культурных элементов, но и актуализировали черты, ранее не выступавшие в качестве системообразующих. К числу таких черт может быть отнесено металлопроизводство, ранее существовавшее в качестве субкультуры общества. Металлургическая специализация синташтинского общества, контролировавшего, возможно, не только минеральные ресурсы Зауралья, но и монополию на секреты технологии, во многом определила весь облик культуры. В ходе миграции и утверждения на новой территории естественным оказалось нарастание общей «милитаризации» общества и усиление роли военной элиты, концентрирующей власть в своих руках, что нашло идеологическое оформление в мифологии и погребальных ритуалах. В дальнейшем закрепление сильных позиций элиты могло быть связано с упомянутыми выше монополиями. Сравнительно долгое сохранение этих характерных черт в полном соответствии с принципами мифологического сознания было направлено на поддержание устойчивости и жизнеспособности социума ритуальными средствами.

Однако в дальнейшем факторы, инициировавшие этот процесс, утратили актуальность. Постепенно происходит расширение металлопроизводящей зоны за счет приуральских и казахстанских территорий и утрата доминирующего положения южнозауральских укрепленных поселений. Идет постепенное угасание традиций возведения сложных фортификационных систем (в сравнении с погребальным обрядом, видимо, менее сакрализованных, и потому более чутких к изменению реалий), в погребальной обрядности уменьшается значение военных черт, снижается общее количество находок, интерпретируемых как оружие. В условиях деформации системы внешних связей (отношения «центр — периферия» сменяются равноправными) неизбежно снижается роль военной элиты и происходит вымывание из погребальной обрядности черт, интерпретируемых сегодня исследователями как свидетельства значительной стратификации синташтинского общества. Все это

может свидетельствовать о том, что синташтинский погребальный обряд отражает идеальную социальную структуру, которая уже не была реализована в жизни коллектива, а сохранилась как пережиток периода формирования и первоначального освоения территории. Однако вопрос о динамике трансформации погребальной обрядности в связи с изменением социальных отношений остается на сегодня предметом дискуссий.

Общее направление эволюции погребальной обрядности видится в постепенном изживании наиболее «дорогостоящих» его частей: использование миниатюрных имитаций металлических орудий, а также неполных или имеющих следы ремонтов сосудов, изготовление некоторых категорий инвентаря из нетрадиционных материалов специально для погребения, замена полных туш жертвенных животных частями в соответствии с принципом *pars pro toto*. Этот список может быть существенно расширен, но в этом нет особой не-

обходимости. Очевидно, что вслед за своеобразным взлетом следует период стабилизации, фиксирующийся в стандартизации не только погребальной обрядности, но также и в столь чутком показателе, как керамическое производство. Имеющиеся данные позволяют предполагать постепенное изживание (по меньшей мере, существенное сокращение доли) нефиксируемых археологически погребальных обрядов, альтернативных ингумации. Яркость синташтинского погребального обряда хотя бы отчасти была обусловлена необходимостью закрепления в общественном сознании принципиально новой системы культурных стереотипов на стадии становления социума. Редуцирование схемы обряда происходит за счет уменьшения его вариативности. В дальнейшем некоторые детали могли перейти в другие (например, вербальные) формы либо остаться в сфере подразумеваемого и, следовательно, не требующего специального внимания и вещественной реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование синташтинских памятников позволило выделить основные культурно-диагностирующие черты рассматриваемой группы некрополей. До сей поры погребальная обрядность периода средней бронзы в Южном Зауралье была «вторичным» комплексом синташтинских культурных черт в сравнении с архитектурой и обликом керамики. В лучшем случае в перечислительном порядке приводился список признаков без развернутой аргументации. При этом за пределами возможной критики со стороны оппонентов оставались методы получения результатов и, тем самым, исключалась возможность проверки их корректности. Не менее распространенной оказалась оговорка о яркости синташтинских некрополей, сочетающейся с высокой степенью вариативности, что практически избавляло исследователей от необходимости поиска общего и особенного.

Количественный и качественный анализ позволил выявить ряд черт погребальных памятников, которые представляются основополагающими. К их числу относятся особенности локализации некрополей относительно поселения (преобладание северного направления, наличие водной преграды), топографии могильников (уплощенные участки первой или второй надпойменной террасы), способы организации подкурганного пространства. Сочетание кругового расположения периферийных погребальных конструкций и центра, маркированного наиболее крупными могильными ямами (как правило, двумя, реже — одной или тремя), как и планировка ранних синташтинских поселений, видимо, восходит к единому кругу представлений о модели мира.

Все рассмотренные погребальные сооружения (гробницы и ямы) характеризуются прямоугольной формой, хотя и различаются пропорциями. В подавляющем большинстве случаев соотношение ширины и длины близко к 2/3. Однако метрические характеристики конструкций варьируют в очень широких пределах. В конечном итоге, это разнообразие демонстрирует четкую взаимосвязь с количеством и составом покойных. В пределах одной ямы могут быть помещены до восьми человек в самых разнообразных по половозрастным характеристикам сочетаниях. Доля индивидуальных

захоронений значительна, однако основная их масса является погребениями детей. Никаких материалов для суждений о неравноценности социального статуса погребенных в пределах коллективных усыпальниц нет. Как нет и возможности четко аргументировать функционирование могильных ям как склепов.

Прослеженные различия в некоторых чертах обрядности, а также в составе инвентаря и жертвенных животных объясняются по большей части полом и возрастом покойных. Выдвинутое предположение о довольно ранней половой дифференциации нуждается в дополнительной аргументации фактами, которых пока нет в распоряжении автора. Хотя среди погребений взрослых индивидов нет полного единообразия, различия касаются только экстраординарных находок (в том числе связанных с «колесничным» комплексом — следы вкапывания колес, псаши и «упряжные» лошади), а также размещения покойных в центре или на периферии подкурганного пространства. Реконструируемый объем трудозатрат на совершение погребальных ритуалов в перерасчете на конкретного индивида оказывается сопоставим, хотя центральные конструкции и отличаются большей монументальностью.

Почти в 90% зафиксированных случаев покойные укладывались на бок (средняя степень скорченности), в основном, на левом, с кистями рук, приближенными к лицу. Часть серии погребенных с правобочным положением обусловлена парным характером захоронения, когда мужчина и женщина располагались лицом друг к другу. Кроме того, зафиксированы экстраординарные формы похоронных ритуалов — погребения с расчленениями.

Выявление стереотипов в ориентировании покойных относительно сторон света затруднено подчиненностью локализации периферийных могил идее круговой (радиальной) планировки. Тем не менее, рассматривая ориентировку погребенных, можно говорить о преобладании северо-западного, северного и западного секторов. Возможно, что семантически близкими были способы ориентирования головой и лицом к определенному сектору горизонта.

Таким образом, результаты обработки данных синташтинских некрополей позволили установить основные стереотипы погребальной обрядности для различных групп, что создало предпосылки для социальных реконструкций. Дополнительными данными для таких построений послужили демографические параметры социума, анализ основ хозяйственной деятельности и исторической ситуации в восточноевропейских степях периода финала средней бронзы. В результате предложены три варианта, модели которых в той или иной степени основываются на этнографических и исторических материалах. К числу безоговорочных выводов относится определение синташтинского социума как среднемасштабного комплексного общества, облик которого в значительной степени определялся его интегрированностью в глобальную систему. Признание «металлургичес-

кой» специфики данного общества позволяет предполагать локализацию ядра Волго-Уральского очага культурогенеза именно в Зауралье. Металлопроизводство могло создать предпосылки социальной дифференциации не столько в пределах синташтинской ойкумены (что трудно доказуемо на базе имеющихся данных), сколько в территориальном плане, т. е. при сопоставлении Зауралья и сопредельных территорий.

Материалы анализа синташтинской погребальной обрядности позволили более предметно рассмотреть проблему происхождения. Хотя предшественниками перечислены все возможные слагаемые или их суммы, почти никто не пытался искать строгих оснований для собственных предпочтений. Именно погребальный обряд позволяет говорить о доминирующем влиянии носителей катакомбных традиций в формировании облика синташтинских некрополей. Не противоречат этому типология металлических изделий и технология металлопроизводства, некоторые черты орнамента керамики. Глубоко закономерной представляется близость

облика синташтинских памятников и КМК, которые выступают как синхронные явления, сходство которых обусловлено единством происхождения. Такое заключение не отрицает возможности участия в генезисе иных групп населения, поскольку речь идет только о доминировании конкретных культурных традиций.

Настоящая работа, естественно, не исчерпывает всего многообразия вопросов в рамках заявленной темы, часть проблем осталась только обозначенной, для некоторых ощущается острая нехватка антропологических, палеозоологических, радиокарбонных и других анализов. В связи с отсутствием микрохронологии не реализованы полностью возможности созданной базы данных. Перспективным должно стать сопоставление синхронных материалов Зауралья, Приуралья и Поволжья. Такое исследование должно вывести на качественно новый уровень предлагаемую модель территориальной организации, в полной мере выявить динамику и направление культурной трансформации, контуры которых только намечены.

БЛАГОДАРНОСТИ

Не требует особых пояснений утверждение: любые археологические исследования коллективны. В отношении работ, базирующихся, подобно представленной, на обширных по охвату источниках, это особенно актуально. Однако я менее всего склонен ограничиться формальными благодарностями в адрес людей, позволивших воспользоваться их материалами, и считаю себя обязанным упомянуть гораздо более широкий круг способствовавших появлению на свет данной книги.

Среди первых должны быть упомянуты те, без кого не могла состояться полевая часть исследования. Это многочисленные ученики школ, студенты и выпускники вузов г. Челябинска — рядовые участники раскопок. Конечно, вряд ли пришлось бы говорить об успехах в изучении памятников при отсутствии руководителей кружков и организаторов экспедиций — Л. В. Туфленкова, И. Ю. Банниковой, Ю. А. Ларина. К глубокому сожалению, по окончании одного из полевых сезонов трагическая случайность унесла жизни двух друзей — В. В. Никифорова и С. В. Мазова.

Не меньшую благодарность испытываю я по отношению к соавторам полевой и камеральной

частей исследования — В. П. Костюкову и Д. В. Нелину. Их вклад этим не ограничивается, поскольку оба принимали заинтересованное участие в обсуждении основных этапов и результатов данной работы. Столь же полезным оказались дружеские дискуссии с Н. Б. Виноградовым, который, к тому же, предоставил в мое распоряжение все результаты собственных раскопок. Еще одно имя требует обязательного упоминания — это М. Э. Вербовецкий, который взял на себя компьютерное обеспечение проекта, реализованного на этих страницах.

Было бы черной неблагодарностью не упомянуть и моего научного руководителя Л. Н. Корякову, во многом определившую общее направление и структуру исследования. Ряд важных замечаний были высказаны коллегами из Института истории и археологии УрО РАН и Института археологии и этнографии СО РАН на различных этапах рассмотрения ключевых проблем. Продолжая перечень организаций, имевших отношение к этой работе, следует назвать Государственный научно-производственный центр по охране исторического и культурного наследия Челябинской области, в доброжелательной атмосфере которого автор трудился вплоть до последнего времени, а также Южно-Уральский государственный университет, где автор имеет удовольствие работать сейчас.

Эта работа никогда бы не состоялась, не будь на протяжении этих лет рядом вдохновителя этой книги, бессменного соавтора всех полевых и камеральных исследований, делившего успехи и неудачи пути — моей жены Марины Епимановой.

Конечно, далеко не все достойные оказались упомянуты на этой странице, но вовсе не по забывчивости или злему умыслу автора, просто даже самый краткий перечень фамилий грозит перерасти в отдельный том книги.

Спасибо вам всем.

СПИСОК

источников и литературы

- Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата (Перевод, комментарий и статья И. М. Стеблин-Каменского). М.: Наука, 1994. 207 с.
- Атхарваведа. Избранное. (Перевод, комментарий и статья Т. Я. Елизаренковой). М.: Наука, 1976. 408 с.
- Ригведа. Избранные гимны. (Перевод, комментарий и статья Т. Я. Елизаренковой). М.: Наука, 1972. 420 с.
- Ригведа. Мандалы I—IV. (Перевод, комментарий и статья Т. Я. Елизаренковой). М.: Наука, 1989. 758 с.
- Ригведа. Мандалы V—VIII. (Перевод, комментарий и статья Т. Я. Елизаренковой). М.: Наука, 1995. 751 с.
- Аванесова Н. А., 1978. К вопросу о вислобушных топорах андроновского культурного массива // Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана. Труды Самаркандского госуниверситета. Новая серия. Вып. 348. Самарканд. С. 21—62.
- Авилова Л. И., 1986. Погребальный обряд энеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы // КСИА. Вып. 185. С. 9—14.
- Алексашенко Н. А., 1975. Разведки в Кизильском районе Челябинской области // ВАУ. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. Вып. 13. С. 150—152.
- Алексашенко Н. А., Вольхин А. И., Морев Е. Н., Ноговицын Л. А., Стефанов В. И., 1972. Разведки на Южном Урале // АО — 1971. М.: Наука. С. 208—209.
- Алексашенко Н. А., Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Стефанов В. И., 1973. Работы в зоне Брединского водохранилища // АО — 1972. М.: Наука. С. 153.
- Алексин В. А., 1981а. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. Вып. 167. С. 3—9.
- Алексин В. А., 1981б. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука. С. 18—22.
- Алексин В. А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.: Наука.
- Андреев Ю. В., 1987. Ранние формы урбанизации // ВДИ. № 1. С. 3—18.
- Андреев Ю. В., 1992. «Город» и природная среда — антитеза или единство? (укрепленные и неукрепленные поселения Эгейского мира) // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы Межрегиональной конференции. М. С. 11—12.
- Андреева М. В., 1996. К вопросу о роли поховки в погребальном обряде восточноманьчжурской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIХ «Крупновские чтения»). М. С. 13—16.
- Антонова Е. В., 1995. Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров (на материале могильника Сумбар I) // РА. № 3. С. 92—95.
- Антонова Е. В., Раевский Д. С., 1984. «Богатство» древних погребений. К вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наукова думка. С. 153—169.
- Антонова Е. В., Раевский Д. С., 1991. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах их интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука. С. 207—232.
- Арапов С. В. 1990. Некоторые вопросы хронологии памятников предкавказской (маньчжурской) катакомбной культуры // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тезисы докладов всесоюзного семинара. Запорожье. С. 4—6.
- Артамонов М. И., 1934. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костями // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л.: Изд-во ОГИЗ — Государственное социально-экономическое изд-во. № 7—8. С. 108—125.
- Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы, 1995. Новосибирск: СО Наука.
- Археология зарубежной Азии, 1986. М.: Высшая школа.
- Археология Украинской ССР, 1985. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка.
- Афанасьев Г. Е., 1993. Перекрестное сравнение методик реконструкции социальной стратификации общества (к работе теоретического семинара отдела охранных раскопок) // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). М. С. 3—12.
- Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф., 1975. Могильник эпохи бронзы Синташта // АО — 1974. М.: Наука. С. 144.
- Ашихмина Л. И., Петрин В. Т., Чебакова Т. Н., Стефанов В. И., 1974. Исследования в Бредин-

- ском районе Челябинской области // АО — 1973. М.: Наука. С. 132 — 133.
- Байбури А. К., 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука.
- Байбури А. К., 1991. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб: Наука. С. 257 — 266.
- Байбури А. К., Левинтон Г. А., 1990. Похороны и свадьба // Исследования в области балтославянской духовной культуры (Погребальный обряд). М.: Наука. С. 64 — 99.
- Батанина И. М., Иванова Н. О., 1995. Археологическая карта заповедника Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск. С. 159 — 195.
- Бенвенист Э., 1995. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс.
- Березанская С. С., Отрошенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка.
- Березкин Ю. Е., 1994. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // ВДИ. № 3. С. 14 — 37.
- Березкин Ю. Е., 1995а. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. СПб. С. 29 — 39.
- Березкин Ю. Е., 1995б. Золото Перуанских вождей // Археологические Вести. № 4. СПб. С. 253 — 258.
- Березкин Ю. Е., 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // ВДИ. № 2. С. 3 — 24.
- Беседин В. И., 1992. Традиции ориентировок как таковых погребений Среднего Дона // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк. С. 120 — 122.
- Беседин В. И., 1994. Абашевские традиции гончарного производства в керамике памятников покровского типа и срубной культуры лесостепной Подонья // Срубная культурно-историческая область: Материалы III Рыковских чтений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 36 — 39.
- Беседин В. И., 1995. О хронологии Пепкинского кургана // РА. № 3. С. 197 — 200.
- Беседин В. И., 2000. К оценке средневожжской абашевской культуры // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та ВГУ. Вып. 5. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 215 — 223.
- Беседин В. И., Пряхин А. Д., 1995. Миниатюрные острореберные сосуды в системе оценки абашевских древностей // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. СПб. С. 78 — 80.
- Бехтер А. В., 1994. К вопросу о межкультурных контактах в Южном Зауралье середины II тыс. до нашей эры (по материалам синташтинской керамики) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит — средневековье). СПб. С. 159 — 160.
- Бишони Р., 1994. Погребальный обряд как источник для исторических реконструкций // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1: Савроматская эпоха (VI — IV вв. до н. э.). М. С. 153 — 158.
- Богданов С. В., 1990. Парные погребения древнейшей культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск. С. 48 — 60.
- Богданов С. В., Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1992. Курганы древнейшей культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 80 — 91.
- Большаков С. В., Ильин М. Е., Свечников Д. Г., 1994. Инвентарь абашевских погребальных комплексов севера Средней Волги // История археологического изучения Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. ун-та. С. 16 — 25.
- Борзунов В. А., 1989. Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР. С. 120 — 134.
- Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б., 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: ТО «Каменный пояс». С. 64 — 88.
- Бочкарев В. С., 1978. Погребения литейщиков эпохи бронзы: (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та. Вып. 2. С. 48 — 53.
- Бочкарев В. С., 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб. С. 24 — 27.
- Бочкарев В. С., 1992. Новые абсолютные даты для бронзового века Европы // Северная Европа от древности до средневековья. Археологические изыскания. Вып. 2. СПб. С. 21 — 23.
- Бочкарев В. С., 1993. Концептуальные проблемы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Археологические изыскания. Вып. 7. СПб. С. 42 — 43.
- Бочкарев В. С., 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. СПб. С. 18 — 29.
- Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка.

- Брей У., Трамп Д., 1990. Археологический словарь. М.: Прогресс.
- Бунятян Е. П., 1982. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка. С. 136–184.
- Бунятян Е. П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев: Наукова думка.
- Бытковский О. Ф., Ткачев В. В., 1997. Погребальные комплексы среднего бронзового века из Восточного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. С. 68–84.
- Варов А. И., Косинцев П. А., 1996. Животноводство населения Южного Приуралья в позднем бронзовом веке // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть I. Уфа: Изд-во «Восточный университет». С. 55–56.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические Вести. № 1. СПб. С. 52–63.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во «Самарский университет».
- Васильев, Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1995а. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (Краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5–37.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1995б. Проблема перехода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы на Урале, Волге и Дону // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 32–35.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1996. Доно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена. С. 36–40.
- Васильев И. Б., Матвеева Г. И., Тихонов Б. Г., Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев. 1987. С. 40–54.
- Видейко М. Ю., 1992. Территориальные особенности структурно-пространственной организации и вопросы социального развития трипольско-кукутенской общности V–IV тыс. до н. э. // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы межрегиональной конференции. М. С. 70–72.
- Виноградов Н. Б., 1984. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. № 3. С. 136–153.
- Виноградов Н. Б., 1995а. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник ЧГПИ. Исторические науки. № 1. Челябинск. С. 16–26.
- Виноградов Н. Б., 1995б. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. СПб. С. 71–74.
- Гайдученко Л. Л., 1995. Место и значение Южного Урала в экспортно-импортных операциях по направлению восток – запад в эпоху бронзы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 110–115.
- Гамкрелидзе Т. В., 1987. К проблеме «азиатской прародин» индоевропейцев // Ирано-афразийские языковые контакты. М.: Наука. С. 38–43.
- Гарден Ж.-К., 1983. Теоретическая археология. М.: Прогресс.
- Гей А. Н., 1986. Погребение литейщика новотиторской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.: Наука. С. 13–32.
- Гей А. Н., 1993. Проблема социальной дифференциации и эволюции степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторской и катакомбной культур Степного Прикубанья. // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). М. С. 42–77.
- Генинг В. В., 1991. Об использовании боевых колесниц степным населением Евразии в эпоху бронзы. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев. С. 111–112.
- Генинг В. В., 1982. К вопросу об изучении преемственности археологических культур эпохи бронзы степей Восточной Европы: (По данным формализованно-статистического анализа погребального обряда) // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наукова думка. С. 140–166.
- Генинг В. В., 1987. К вопросу о традициях ориентировки погребенных ямного времени в Степном Поднепровье // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова думка. С. 186–209.
- Генинг В. В., Генинг В. Ф., 1985. Метод определения древних традиций ориентировки погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова думка. С. 136–152.
- Генинг В. Ф., 1975. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Ч. I. Киев: Наукова думка. С. 94–95.
- Генинг В. Ф., 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4. С. 53–73.
- Генинг В. Ф., 1991. Использование данных изменчивости погребального обряда при изучении процессов развития общественных систем // Археологические культуры и культурная трансформация. Л. С. 136–141.

- Генинг В. Ф., Борзунов В. А., 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13. С. 42—72.
- Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка.
- Генинг В. Ф., Виноградов Н. Б., 1976. Новый могильник середины II тыс. до н. э. на р. Синташта // АО — 1975. М.: Наука. С. 168.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск: Южно-Уральск. кн. изд-во.
- Генинг В. Ф., Морев Е. И., Чебакова Т. Н., 1969. Исследование андроновских памятников в Южном Зауралье // АО — 1968. М.: Наука. С. 151.
- Генинг В. Ф., Пряхин А. Д., 1975. Синташтинское поселение // АО — 1974. М.: Наука. С. 147.
- Геннеп А. ван, 1999. Обряды перехода. М.: Восточная литература.
- Гольмстен В. В., 1935. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л.: Изд-во ОГИЗ — Государственное социально-экономическое изд-во. № 5—6. С. 37—42.
- Горбунов В. С., 1977. Курганы эпохи бронзы на правобережье реки Демы (Башкирия) // СА. № 1. С. 155—161.
- Горбунов В. С., 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Изд-во Башкир. пед. ин-та.
- Горбунов В. С., 1990. Некоторые проблемы культурно-генетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья (препринт). Свердловск.
- Горбунов В. С., 1992а. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Изд-во Башкир. пед. ин-та.
- Горбунов В. С., 1992б. Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы. Уфа: Изд-во Башкир. пед. ин-та.
- Горбунов В. С., 1993. Некоторые проблемы периодизации и хронологии культур эпохи бронзы Волго-Уральской лесостепи // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН. С. 4—10.
- Горбунов В. С., Морозов Ю. А., 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское кн. изд-во.
- Горелик М. В., 1985. Боевые колесницы Переднего Востока III—II тысячелетий до н. э. // Древняя Анатолия. М.: Наука. С. 183—202.
- Горелик М. В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.: Наука.
- Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука.
- Григорьев, 1988. Новые материалы к истории металлургии Южного Урала // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск. С. 46—59.
- Григорьев С. А., 1990. Проблема культурных трансформаций в Урало-Ишимском междуречье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск. С. 26—41.
- Григорьев С. А., 1992. К вопросу об изучении древнего металлургического производства // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: Наука. С. 26—37.
- Григорьев С. А., 1994. Древняя металлургия Южного Урала. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Григорьев С. А., 1995. Металлургическое производство эпохи бронзы Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 122—126.
- Григорьев С. А., 1996а. Металлургические комплексы поселения Синташта // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: ТО «Каменный пояс». С. 106—118.
- Григорьев С. А., 1996б. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей. С. 78—96.
- Григорьев С. А., 1996в. Синташтинская культура и проблема локализации арийской прародины // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть I. Уфа: Восточный университет. С. 56—58.
- Григорьев С. А., 1996г. Эколого-хозяйственные аспекты функционирования и гибели синташтинской культуры // Взаимодействие природы и человека на границе Европы и Азии. Самара. С. 45—46.
- Григорьев С. А., 1999. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск.
- Григорьев С. А., Русанов И. А., 1995. Экспериментальные реконструкции древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск. С. 147—158.
- Грязнов М. П., 1961. Курганы как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях Отделения исторических наук АН СССР. М. С. 22—25.
- Гуляев В. И., 1990. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. Вып. 201. С. 103—109.
- Гуляев В. И., 1995. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) // РА. № 2. С. 84—85.
- Гуревич А. Я., 1989. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек и история. М.: Наука. С. 114—135.
- Гусаков М. Г., 1993. К вопросу о социальной стратификации зарубинецкого общества (по материалам могильников) // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). М. С. 93—105.
- Гутков А. И., 1994. Исходное сырье и формовочные массы керамики Большекараганского могильника // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та. С. 66—69.

- Гутков А. И., 1995а. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск. С. 135—146.
- Гутков А. И., 1995б. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 132—135.
- Гутков А. И., 1999. Была ли сельскохозяйственная округа в бронзовом веке // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск: Рифей. С. 69—70.
- Гутков А. И., Русанов И. А., 1995а. Жилище поселения Аркаим (археологические источники и опыт реконструкции) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 127—129.
- Гутков А. И., Русанов И. А., 1995б. Теплотехнические сооружения поселения Аркаим // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 130—132.
- Державин В. Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: Наука.
- Добролюбовский А. О., 1982. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка. С. 54—68.
- Добролюбовский А. О., 1987. Обзор археологических интерпретаций погребальной обрядности (к истории вопроса в англоязычной археологической литературе) // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова думка. С. 107—118.
- Древности Урало-Казахстанских степей (красота и духовность вещи). Каталог выставки, 1991. Челябинск.
- Дремов И. И. 1996. О хронологической неразрывности погребений катакомбной и срубной культур в степном Поволжье // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Часть I. Донецк. С. 110—114.
- Дремов И. И. 1997. Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Часть 2. Саратов: Изд-во СарГУ. С. 57—79.
- Дремов И. И., 1989. О связи погребальных обрядов и космологических представлений племен эпохи ранней и средней бронзы Нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской степи. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. С. 126—127.
- Дьяконов И. М., 1977. Введение // Мифология древнего мира. М. С. 5—55.
- Дьяконов И. М., 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука.
- Дьяконова В. П., 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука.
- Евсюков В. В., 1988. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск: СО Наука.
- Екимов Ю. Г., Прякин А. Д., 1979. Костяные псалы эпохи бронзы с территории лесостепного Подонья // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев: Изд-во Куйбышевск. пед. ин-та. С. 78—85.
- Епимахов А. В., 1993а. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. С. 57—58.
- Епимахов А. В., 1993б. Раскопки в Варненском районе Челябинской области // АО — 1993. М.: Наука. С. 129—130.
- Епимахов А. В., 1994. Археологические раскопки в Карталинском и Троицком районах Челябинской области // АО — 1994. М.: Наука. С. 203—204.
- Епимахов А. В., 1995. Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 43—47.
- Епимахов А. В., 1996а. Демографические аспекты социологических реконструкций (по материалам синташтинско-петровских памятников) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть I. Уфа: Восточный университет. С. 58—60.
- Епимахов А. В., 1996б. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: ТО «Каменный пояс». С. 22—42.
- Епимахов А. В., 1996в. Продолжение раскопок могильника средней бронзы Каменный Амбар-5 // АО — 1996. М. С. 278.
- Епимахов А. В., 1997. Проблемы хронологии синташтинских памятников // Проблемы истории, филологии, культуры. Часть 1. История. Вып. 4. М. — Магнитогорск: Изд-во МГПИ. С. 14—20.
- Зайков В. В., 1995а. «Каменная летопись» Аркаима и «Страны городов» // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск. С. 91—106.
- Зайков В. В., 1995б. Минерально-сырьевая база памятников эпохи бронзы на Южном Урале («Страна городов») // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 147—152.
- Зайков В. В., Зданович Г., Юминов А. М., 1995. Медный рудник бронзового века «Воровская яма» (Южный Урал) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 157—162.
- Зайкова Е. В., 1995. Состав металлических изделий поселения Синташта // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 152—157.
- Зданович Г. Б., 1983. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской куль-

- туры) // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск: Изд-во Башкирск. ун-та. С. 48–68.
- Зданович Г. Б., 1985. Щитковые псалии Среднего Приишимья // *Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск. С. 110–119.
- Зданович Г. Б., 1986. Щитковые псалии Среднего Приишимья // *КСИА*. Вып. 185. М.: Наука. С. 60–65.
- Зданович Г. Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
- Зданович Г. Б., 1989. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата: Наука. С. 171–179.
- Зданович Г. Б., 1992а. Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? // *Фантастика и наука*. Вып. 25. М.: Знание. С. 256–271.
- Зданович Г. Б., 1992б. Архитектура поселения Аркаим // *Маргулановские чтения 1990* (Сб. материалов конференции). Часть 1. С. 79–84.
- Зданович Г. Б., 1995. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // *Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия*. Челябинск. С. 21–42.
- Зданович Г. Б., 1997. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // *РА*. № 2. С. 47–62.
- Зданович Г. Б., Батанина И. М., 1995. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVII–XVIII вв. до н. э. на Южном Урале // *Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия*. Челябинск. С. 54–62.
- Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1985. Оборонительные сооружения поселения Синташта // *АО — 1983*. М.: Наука. С. 147–148.
- Зданович Г. Б., Зайберт В. Ф., 1989. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в Урало-Казахстанских степях // *Становление и развитие производящего хозяйства на Урале*. Свердловск: УрО АН СССР. С. 70–83.
- Зданович Г. Б., Зданович Д. Е., 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 48–62.
- Зданович Г. Б., Мажурина Т. С., 2001. Поселение Берсуат // *XV Уральское археологическое совещание*. Оренбург: Оренбургская губерния. С. 74–75.
- Зданович Г. Б., Шрейбер В. К., 1988а. Переходные эпохи в археологии: аспекты исследования на материалах СКАЭ-УКАЭ // *Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей*. Челябинск. С. 3–19.
- Зданович Г. Б., Шрейбер В. К., 1988б. Переходные эпохи в археологии: к методике исследования // *Археологические культуры и культурная трансформация*. Археологические изыскания. Вып. 1. Л. С. 88–92.
- Зданович Д. Г., 1995а. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // *Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия*. Челябинск. С. 43–53.
- Зданович Д. Г., 1995б. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и Эладский регион в XVIII–XVI вв. до н. э. // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 63–65.
- Зданович Д. Г., 1997. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск.
- Иванов А. Ю., 1992. О некоторых обрядовых и внеобрядовых характеристиках погребений со скорченными костями // *Древняя история населения Волго-Уральских степей*. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 140–155.
- Иванов В. В., 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva — «конь» (жертвоприношение коня и дерево asvattha в древней Индии) // *Проблемы языков и культуры народов Индии*. М.: Наука. С. 75–138.
- Иванов В. В., 1977. Древнебалканский и общиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели // *Славянское и балканское языкознание*. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука. С. 181–213.
- Иванов В. В., 1983. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука.
- Иванов В. В., 1985. Проблемы реконструкции общиндоевропейского погребального обряда и ритуального текста // *Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»*. Тезисы докладов. М. С. 138–142.
- Иванов В. В., 1990. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд)*. М.: Наука. С. 5–11.
- Итина М. А., 1954. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // *СЭ*. № 3. С. 63–68.
- Каменецкий И. С., 1983. Код для описания погребального обряда // *Древности Дона*. М.: Наука. С. 221–250.
- Каменецкий И. С., 1986. Код для описания погребального обряда // *Археологические открытия на новостройках*. М.: Наука. С. 136–194.
- Каменецкий И. С., Шер Я. А., Маршак Б. И., 1975. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М.
- Качалова Н. К., 1983. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // *АС ГЭ*. Вып. 24. Л.: Искусство. С. 4–19.
- Кейпер Ф. Б. Я., 1986. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука.

- Кислый А. Е. 1985. К вопросу о половозрастной дифференциации в среде срубных племен // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова думка. С. 169—177.
- Кислый А. Е. 1992. Интерпретация палеодемографических показателей в реконструкции некоторых социальных процессов // Социально-пространственные структуры в стадильной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы межрегиональной конференции. М. С. 29—30.
- Кислый А. Е., 1995. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // РА. № 2. С. 112—122.
- Клейн Л. С., 1979. Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового мира // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк. С. 18—20.
- Клейн Л. С., 1988. Рец. на книгу: Кузьмина Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня // НАА. № 3. С. 201—207.
- Клейн Л. С., 1989. Проблема преемственности и погребальный обряд // Археология восточно-европейской степи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 127—129.
- Ковалева В. Т., Мельников А. В., 1989. Полевой эксперимент по изучению древней металлургии Зауралья // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Наука. С. 153—155.
- Кожин П. М., 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.: Наука. С. 169—182.
- Кожин П. М., 1993. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: СО Наука. С. 16—41.
- Кожин П. М., 1994. Семейная структура и палеодемография (бронзовый — раннежелезный век) // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та. С. 20—22.
- Колпаков Е. М., 1980. О методах реконструкции идеологии по археологическим данным (к анализу литературы) // Конференция «Идеологические представления древних обществ». Тезисы докладов. М. С. 25—27.
- Колпаков Е. М., Бочкарев В. С., Васкул И. О., Вишняцкий Л. Б., Власова Е. В., Ковалев А. А., Чеснокова Н. А., Шаров О. В., 1990. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М.
- Кон И. С., 1988. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). М.: Наука. 272 с.
- Кореневский С. Н., 1993. Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). М.: Наука. С. 78—92.
- Кореньяко В. А., 1977. Погребальная обрядность как система // Археология и вопросы атеизма. Грозный. С. 5—7.
- Кореньяко В. А., 1983. Реф. кн. Huttel H.-G. Bronzezeitliche Tensen in Mittel- und Osteuropa: Grundezette ihrer Entwicklung. Munchen: C. H. Beck'sche Verlags-buchhandlung, 1981. — IX, 209 S. // Общественные науки за рубежом. Реферативный журнал. Серия 5. История. № 4. М. С. 184—187.
- Кореньяко В. А., 1984. К методике изучения погребений со скорченными костями // СА. № 3. С. 5—17.
- Кореньяко В. А., 1990. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. № 2. С. 28—40.
- Корякова Л. Н., 1977. Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 134—151.
- Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
- Костюков В. П., Епимахов А. В., 1999. Предварительные результаты исследования могильника эпохи бронзы Троицк-7 // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Часть 2. Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург, 1999. С. 66—70.
- Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В., 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Изд-во СамГПУ. С. 156—207.
- Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В., 1997. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей. С. 151—163.
- Кравцов А. Ю., 1992. Древнейшие погребения в ямах с заплечиками в Приуралье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 28—42.
- Крадин Н. Н., 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М.: Восточная литература. С. 11—61.
- Крижевская Л. Я., 1993. Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. С. 107—108.
- Кузин-Лосев В. И., 1996. К проблеме происхождения повозок в Приуралье в начале поздней бронзы // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена. С. 82—87.
- Кузнецов П. Ф., 1989. Полтавская культурно-историческая общность (препринт). Куйбышев.
- Кузнецов П. Ф., 1996а. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Европой и Азией. Кавказ IV—I тыс. до н. э. СПб. С. 64—66.
- Кузнецов П. Ф., 1996б. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Ра-

- диоуглерод и археология. Вып. 1. Археологические изыскания. Вып. 37. СПб. С. 56–59.
- Кузнецов П. Ф., 1996в. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена. С. 40–43.
- Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Семенова А. П., Хохлов А. А., 2000. Новые материалы к проблеме культурогенеза эпохи поздней бронзы в Волго-Урале // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов. С. 80–83.
- Кузьмина Е. Е., 1977. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука. С. 28–52.
- Кузьмина Е. Е., 1980. Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей // КСИА. Вып. 161. М.: Наука. С. 8–21.
- Кузьмина Е. Е., 1981. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: Изд-во БФАН СССР. С. 23–43.
- Кузьмина Е. Е., 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим.
- Кузьмина Е. Е., 1994. Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев). М.
- Кузьмина Е. Е., 1997. Экология степей Евразии и проблема происхождения кочевия. II. Возникновение кочевого общества // ВДИ. № 2. С. 81–93.
- Кузьмина О. В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Урале. Самара: Изд-во Самарск. пед. ин-та.
- Кузьмина О. В., Шарафутдинова Э. С., 1995. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Урале» // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Изд-во СамГПУ. С. 208–230.
- Кызласов И. Л., 1993. Мировоззренческая основа погребального обряда // РА. № 1. С. 98–111.
- Кызласов И. Л., 1995. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему // РА. № 2. С. 99–103.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., 1995. Геологическая история евразийских степей за последние 10000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 165–171.
- Ламберг-Карловский К., 1993. Гордон Чайлд и концепция революции // ВДИ. № 4. С. 90–105.
- Лебедев Г. С., 1977. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. Вып. 148. С. 24–30.
- Левада Ю. А., 1965. Социальная природа религии. М.: Наука.
- Леви-Брюль Л., 1930. Первобытное мышление. М.: Атеист.
- Лелеков Л. А., 1976. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука. С. 7–18.
- Лелеков Л. А., 1980. Индоиранская идеология между первобытностью и раннеклассовым обществом (на материалах Ригведы и Авесты) // Конференция «Идеологические представления древних обществ». Тезисы докладов. М. С. 117–119.
- Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А., 1977. Погребение как объект формального анализа // КСИА. Вып. 148. С. 16–23.
- Леонова Н. Б., Чвырь Л. А., 1990. Заметки об использовании данных этнографии для реконструкции археологического погребального обряда // Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель». Тезисы докладов. Л. С. 11–13.
- Лесков А. М., 1964. Древнейшие роговые псаля из Трахтемирова // СА. № 1. С. 299–303.
- Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.: Наука.
- Логвин В. Н., 1995. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 88–95.
- Лотман Ю. М., 1969. О метаязыке типологических описаний культуры // ТЗС. Тарту: Изд-во ТГУ. Т. IV. С. 460–477.
- Малахов М. В., 1908. Посмертные записки. Вторая серия // ЗУОЛЕ. Т. XXVII. С. 1–94.
- Малов Н. М., 1995. Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции — звено мозаичной мироцелостности // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. СПб. С. 7–11.
- Малютин Т. С., Зданович Г. Б., 1995. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 100–106.
- Массон В. М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука.
- Массон В. М., 1989а. Древнейшие цивилизации. Л.: Наука.
- Массон В. М., 1989б. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука. С. 81–89.
- Массон В. М., 1991. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб. С. 3–8.

- Массон В. М., 1995. Народы евразийских степей в эпоху палеометалла и синташтинский пик культурогенеза // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 106—108.
- Массон В. М., 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара: Изд-во СамГПУ.
- Матвеев А. В., 1995а. Культуры андроновской семьи в бронзовом веке Западной Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тез. международной научной конференции. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН. С. 27—29.
- Матвеев А. В., 1995б. Основные этапы развития андроновской семьи археологических культур на юго-западе Сибири // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 109—113.
- Матвеев А. В., 1995в. Чистолепяжский могильник: первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Притоболья // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Доклады Всероссийской научной конференции (20.03.95—22.03.95). С. 127—129.
- Матвеев А. В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН.
- Матвеев А. В., Орищенко А. В., Зах В. А. и др., 1991. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та. С. 28—31.
- Матвеев Ю. П., Пряхин А. Д., 1995. Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы доно-волжско-уральской лесостепи // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. СПб. С. 76—78.
- Матющенко В. И., Синицина Г. В., 1988. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Мелетинский Е. М., 1976. Поэтика мифа. М.: Наука.
- Мельник В. И., 1993. Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. № 1. С. 94—97.
- Мельник В. И., 1984. Памятники эпохи средней бронзы степного Поволжья и проблема их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкирск. ун-та. С. 23—27.
- Мельник В. И., 1985. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур). Автореф. дисс. канд. истор. наук. М.
- Мельник В. И., 1987а. О культурно-таксономическом соотношении катакомбных групп памятников // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М. С. 91—100.
- Мельник В. И., 1987б. Характер смерти и погребальный обряд // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. М. С. 39—40.
- Мельник В. И., 1990. Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. Вып. 201. С. 73—77.
- Мельник В. И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука.
- Мерперт Н. Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н. э. в циркумпафийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука. С. 7—36.
- Мерперт Н. Я., 1995а. К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 116—119.
- Мерперт Н. Я., 1995б. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // РА. № 3. С. 28—46.
- Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д., 1979. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та. С. 3—24.
- Методика археологических исследований и раскопки археологических памятников. КСИА. Вып. 148. М.: Наука. 1977.
- Молодин В. И., 1991. Элементы погребальной обрядности и их значимость при социально-исторической интерпретации древних могильников самусьско-сейменской эпохи в Западной Сибири // Археологические культуры и культурная трансформация. Археологические изыскания. Вып. 1. Л. С. 146—150.
- Моргунова Н. Л., 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 5—27.
- Моргунова Н. Л., 1995. Элитные курганы эпохи ранней и средней бронзы в степном Оренбуржье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 120—123.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука.
- Мосин В. С., 1990. К вопросу о преемственности энеолита-бронзы в Южном Зауралье // Проблемы археологии Волго-Уралья. Челябинск. С. 15—25.
- Мосин В. С., 1995. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье и Северном Казахстане на рубеже энеолита и бронзового века // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 126—129.
- Мосин В. С., 1996. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей. С. 48—61.
- Мочалов О. Д., 1996. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (К постановке проблемы) // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Вып. 1. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 74—86.

- Назаренко В. А., 1970. Классификация погребальных памятников Верхнего Приладожья // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука. С. 191–201.
- Нелин Д. В., 1994. Каменные наконечники стрел с памятников синташтинско-петровского круга (2-я четверть II тыс. до н. э.) в Южном Зауралье // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (тез. докл.). Самара. С. 40–41.
- Нелин Д. В., 1995. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 132–136.
- Нелин Д. В., 1996а. Лук и стрелы населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть I. Уфа: Восточный университет. С. 60–62.
- Нелин Д. В., 1996б. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания. Самара: Изд-во Сам. ГПУ. С. 86–92.
- Нечвалода А. И., 1995. Сексуальность и фертильность в популяциях степной бронзы Евразии // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов. Уфа: Восточный университет. С. 33–35.
- Никитина Г. Ф., 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М.: Наука. С. 5–132.
- Никитина Г. Ф., 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука.
- Николаева Н. А., 1989. Состояние западной базы хронологии эпохи бронзы лесостепной и степной зоны Восточной Европы // Памятники археологии и этнографии Верхнего Поволжья. Горький. С. 79–97.
- Николова А. В., Гудим-Левкович А. Н., Левченко В. Н., 1990. Советская аннотированная литература по формально-статистическим методам в археологии (1961–1985 гг.) // Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка. С. 244–275.
- Новик Е. С., 1984. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме (опыт сопоставления структур). М.: Наука.
- Новоженков В. А., 1994. Наскальные изображения Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху неолита и бронзы). Алматы: Аргументы и Факты Казахстан.
- Ольховский В. С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. С. 65–76.
- Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука.
- Ольховский В. С., 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. № 1. С. 78–93.
- Ольховский В. С., 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2. С. 85–98.
- Ольховский В. С., 1997. Обычай и обряд как формы традиции // РА. № 2. С. 159–168.
- Отрошенко В. В., 1990. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев: Наукова думка. С. 5–17.
- Отрошенко В. В., 1996. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена. С. 33–36.
- Очерки культурогенеза..., 1994. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Пандей Р. Б., 1990. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М.: Высшая школа.
- Паничкина М. З., 1937. Обзор археологических находок за 1934–1935 гг. по газетным сообщениям // СА. № II. С. 233.
- Першиц А. И., 1986. Вождество // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука. С. 34–36.
- Пестрикова В. И., 1990. Замечания к проблеме разработки концепции погребального обряда // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск. С. 42–47.
- Петрухин В. Я., 1980. Загробный мир // МНМ. Т. I. М.: Советская энциклопедия. С. 452–456.
- Петрухин В. Я., Раевский Д. С., 1980. Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Конференция: «Идеологические представления древнейших обществ». Тезисы докладов. М. С. 30–32.
- Подосинов А. В., 1994. Ориентация по странам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука. С. 37–53.
- Потемкина Т. М., 1983. Алакульская культура // СА. № 2. С. 13–33.
- Потемкина Т. М., 1985. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М.: Наука.
- Потемкина Т. М., 1990. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА. № 1. С. 118–130.
- Потемкина Т. М., 1995а. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 144–154.

- Потемкина Т. М., 1995б. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. № 1. С. 14–27.
- Потемкина Т. М., 1995в. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. № 2. С. 11–19.
- Пряхин А. Д., 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та.
- Пряхин А. Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та.
- Пряхин А. Д., 1995. Доно-волжско-уральская лесостепь на стыке средней и поздней бронзы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 154–156.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И., 1998. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА № 3. С. 22–35.
- Пустовалов С. Ж., 1982. К методике периодизации катакомбной культуры по данным погребального обряда // Новые методы археологических исследований. Киев: Наукова думка. С. 87–109.
- Пустовалов С. Ж., 1990. О формах политогенеза в катакомбном обществе Северного Причерноморья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тезисы докладов всесоюзного семинара. Запорожье. С. 78–81.
- Пустовалов С. Ж., 1991. К вопросу о внутриэтнической характеристике археологической культуры // Археологические культуры и культурная трансформация. Археологические изыскания. Вып. 1. Л. С. 119–124.
- Пустовалов С. Ж., Черных Л. А., 1982. Опыт применения формализованно-статистических методов для половозрастного анализа погребений катакомбной культуры // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наукова думка. С. 105–139.
- Пятых Г. Г., 1992. К проблеме распространения новой формы религии в позднем бронзовом веке // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк. С. 142–144.
- Рогудеев В. В. 2000. Связи населения южно-русских степей с Ближним Востоком в конце средней бронзы // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов. С. 52–54.
- Русский народ..., 1880. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. М.
- Рычков Н. А., 1982а. О трех критериях сравнительного анализа погребальных памятников // Новые методы археологических исследований. Киев: Наукова думка. С. 143–168.
- Рычков Н. А., 1982б. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // Методологические и методические вопросы археологии, Киев: Наукова думка. С. 85–105.
- Рычков Н. А., 1982в. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наукова думка. С. 167–178.
- Рычков Н. А., 1982г. Статистический анализ погребального обряда племен ямной культуры // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка. С. 111–136.
- Рычков Н. А., 1997. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) // РА. № 2. С. 150–158.
- Савостина Е. А., 1990. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука. С. 237–248.
- Савченко Е. И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. М.: Наука. С. 70–101.
- Сальников К. В., 1950. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // КСИИМК. Вып. XXXV. С. 91–97.
- Сальников К. В., 1952. Курганы на озере Алакуль // МИА. Т. 24. С. 51–71.
- Сальников К. В., 1954. Абашевская культура на Южном Урале // СА. № XXI. М.–Л. С. 25–94.
- Сальников К. В., 1962. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы // АЭБ. Т. I. Уфа. С. 16–58.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука.
- Сафронов В. А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во. 398 с.
- Седакова О. А., 1990. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М.: Наука. С. 54–63.
- Семенов Ю. И., 1992. Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность // Исследования по первобытной истории. М. С. 168–180.
- Сидоров В. В., 1993. У истоков социальной дифференциации // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). М.: Наука. С. 13–23.
- Синюк А. Т., 1989. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского пед. ун-та.
- Синюк А. Т., Козмирчук И. А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Изд-во СамГПУ. С. 37–72.
- Смирнов К. Ф., 1961. Археологические данные о всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 1. С. 46–72.

- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1976. Ранние погребальные комплексы под Орском и проблема хронологического соотношения культур эпохи бронзы Приуралья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев: Изд-во Куйбышевск. пед. ин-та. С. 45—47.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука.
- Смирнов Ю. А., 1983. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. М.: Наука. С. 104—187.
- Смирнов Ю. А., 1985. Тафология. Попытка системного подхода // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. Материалы совещания 25—26 января 1983 г. М. С. 17—23.
- Смирнов Ю. А., 1990. Морфология погребения. Опыт создания базовой модели // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука. С. 216—224.
- Смирнов Ю. А., 1994. Некоторые общие замечания к теории отражения социального статуса умершего в погребальном обряде // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. С. 16—24.
- Смирнов Ю. А., Тендрякова М. В., 1990. О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд // КСИА. Вып. 201. С. 68—73.
- Снесарев Г. П., 1969. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука.
- Сорокин В. С., 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. Т. 120. М.—Л. Изд-во АН СССР.
- Сорокина И. А., 1986. Погребения эпохи поздней бронзы в западном Предкавказье: К методике исследования // Археологические открытия на новостройках. М.: Наука. С. 33—69.
- Социальная дифференциация общества..., 1993. Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). М.: Наука.
- Статистическая обработка..., 1994. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1: Савроматская эпоха (VI—IV вв. до н. э.). М.
- Стеблин-Каменский И. М., 1995. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 166—167.
- Стоколос В. С., 1962. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск: Челябинское кн. изд-во. С. 3—19.
- Стоколос В. С., 1983. Существовал ли новокумакский горизонт? // СА. № 2. С. 257—264.
- Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. Т. 35. С. 242—357.
- Тибелиус В. Я., 1995. Результаты геофизических исследований на Аркаиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 2. Челябинск. С. 184—193.
- Ткачев А. А., 1991. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы. Автореф. дисс. канд. истор. наук. М.
- Ткачев В. В., 1995. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 168—170.
- Ткачев В. В., 1996. О курганной стратиграфии полтавкинских и синташтинских погребений в степном Приуралье // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть 1. Уфа: Восточный университет. С. 63—65.
- Ткачев В. В., 1997. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. Выпуск I. Оренбург. С. 85—98.
- Ткачев В. В., 1998. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Выпуск II. Оренбург: Печатный дом «ДИМУР». С. 38—56.
- Токарев С. А., 1990. Ранние формы религии и их развитие // Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат. С. 13—374.
- Топоров В. Н., 1980а. Древо мировое // МНМ. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. С. 398—406.
- Топоров В. Н., 1980б. Квадрат // МНМ. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. С. 630—631.
- Топоров В. Н., 1982а. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука. С. 8—39.
- Топоров В. Н., 1982б. Река // МНМ. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. С. 374—376.
- Топоров В. Н., 1988. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука. С. 7—60.
- Топоров В. Н., 1990. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука. С. 12—47.
- Топоров В. Н., Мейлах М. Б., 1982. Круг // МНМ. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. С. 18—19.
- Трифонов В. А., 1996а. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. Археологические изыскания. Вып. 37. СПб. С. 60—64.
- Трифонов В. А., 1996б. Поправки к абсолютной хронологии культур энеолита—бронзы Северного Кавказа // Между Европой и Азией. Кавказ IV—I тыс. до н. э. СПб. С. 43—49.
- Тэрнер В., 1983. Символ и ритуал. М.: Наука.
- Ульянов И. В., 1997. К вопросу о взаимоотношении различных форм укрепленных поселений «Страны городов» (по материалам аэрофотоснимков и картографии) // XXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Челябинск. С. 52—54.

- Усманова Э. Р., 1989. «Круг» и «квадрат» в андроновской погребальной символике. По материалам могильников Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ. С. 55–67.
- Федоров В. К., 1992. Савромато-сарматские костяные ложечки: К вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Вып. 2. Уфа. С. 80–113.
- Федоров В. К., 1994. Ваджра Индры: проблема идентификации (археологический аспект) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа. С. 7–51.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1987. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1996. Рец. на кн. «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха» // РА. № 1. С. 215–221.
- Федосова В. Н., 1994. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) // РА. № 3. С. 71–82.
- Федосова В. Н., 1995. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций // РА. № 2. С. 104–111.
- Формозов А. А., 1951. Археологические памятники в районе г.Орска // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 119–121.
- Хазанов А. М., 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.: Наука. С. 125–177.
- Хохлов А. А., 1995. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов. Уфа: Восточный университет. С. 42–44.
- Хохлов А. А., 1996. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского – в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Изд-во «Перемена». С. 113–118.
- Хохлов В. В., 1997. К вопросу о демографической проблеме существования укрепленных поселений Синташтинского типа // XXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Челябинск. С. 56–57.
- Цимиданов В. В., 1990. Предпосылки усиления военной верхушки в степных обществах эпохи бронзы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тезисы докладов всесоюзного семинара. Запорожье. С. 103–107.
- Цимиданов В. В., 1996а. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена. С. 78–82.
- Цимиданов В. В., 1996б. Еще раз о колесницах степной Евразии эпохи поздней бронзы // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Часть I. Донецк. С. 126–128.
- Чвырь Л. А., 1991. Судьба одного обряда (о бактрийско-таджикских соответствиях в похоронно-погребальной обрядности) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука. С. 190–206.
- Чебакова Т. Н., 1975. Жилые сооружения поселения эпохи бронзы юга Челябинской области // Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Часть I. Киев: Наукова думка. С. 123–124.
- Чебакова Т. Н., 1976. Новые постройки Римнического поселения // АО – 1975. М.: Наука. С. 204–205.
- Чебакова Т. Н., Овчинников В. А., 1975. Разведка в зоне Березовского водохранилища // ВАУ. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 139–142.
- Чердиченко Н. Н., 1975. Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II – начале I тыс. до н. э. // Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Ч. I. Киев: Наукова думка. С. 79–80.
- Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. Т. 172. М.: Наука. 170 с.
- Черных Л. А., 1987. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции // Античная балканистика. М.: Наука. С. 136–147.
- Черных Е. Н., 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука. С. 37–57.
- Черных Е. Н., 1989. Металл и древние культуры: узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука. С. 14–30.
- Черных Е. Н., 1996. Каргалинский горнометаллургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть I. Уфа: Восточный университет. С. 69–72.
- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М. 95 с.
- Черных Е. Н., Агапов С. А., Кузьминых С. В., 1989. Евразийская металлургическая провинция как система // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя. Информационные материалы. Свердловск: УрО РАН. С. 5–10.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука.
- Черняков И. Т., 1996. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал Балканодунайского очага культурогенеза // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Часть I. Донецк. С. 59–64.

- Членова Н. Л., 1984. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. № 1. С. 88—103.
- Членова Н. Л., 1995. Проблема прародины иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V, книга 1. Челябинск. С. 177—184.
- Шарафутдинова Э. С., 1995. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Изд-во СамГПИУ. С. 124—140.
- Шахова Н. А., 1994. О сущности и археологических критериях древнейшего города // Проблема истории, филологии, культуры. Вып. II. М. — Магнитогорск. С. 6—16.
- Шевченко А. В., 1989. О происхождении населения бронзового века юга Восточной Европы (по палеоантропологическим данным) // Археология восточно-европейской степи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 129—130.
- Шилов С., 1994. Новое в погребальном обряде алакульцев // XXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Тезисы докладов. Самара. С. 22—23.
- Шишлина Н. И., 1993. К вопросу о хронологии предкавказской катакомбной культуры // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 99—101.
- Элиаде М., 1994. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ.
- Элиаде М., 1996. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер.
- Antony D., Telegin D. Y., Brown D., 1991. The origin of horseback riding // Scientific American. Vol. 265. № 6. P. 94—100.
- Antony D. W., Vinogradov N. B., 1995. Birth of the chariot // Archeology. Vol. 48. March/April. P. 36—41.
- Bendann J. E., 1930. Death customs. An analytical study of burial rites. London — New York. 304 p.
- Binford L. R., 1971. Mortuary practices: Their study and their potential // Memoirs of the Society for American Archaeology. Salt Lake City, Utah. Vol. 25. P. 6—28.
- Bortvin N. N., 1928. Verkhny-Kizil Find. Eurasia septentrionalis antiqua, III. Helsinki. P. 122—131.
- Bredley R., 1991. The pattern of change in British prehistory // Chieftdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 44—70.
- Carneiro R. L., 1981. The chieftdom: precursor of state // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge: Cambridge University Press. P. 37—79.
- Doran J. E. and Hodson F. R., 1975. Mathematics and computers in archaeology. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Earle T., 1991a. Property rights and the evolution of chieftdoms // Chieftdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 71—99.
- Earle T., 1991b. The evolution of chieftdoms // Chieftdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1—15.
- Huttel H.-G., 1981. Bronzezeitliche Tensen in Mittel- und Osteuropa. — Praehistorische Bronzefunde. Munchen. Bd. XVI. № 2.
- Kirch P. V., 1991. Chieftship and competitive involution: the Marquesas Islands of eastern Polynesia // Chieftdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 119—145.
- Koryakova L., 1996. Social trends in temperate Eurasia during the second and first millennia BC // Journal of European archaeology. Vol. 4. Glasgow: Cruithne Press. P. 243—280.
- Kristiansen K., 1991. Chieftdoms, states, and systems of social evolution // Chieftdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 16—43.
- Kristiansen K., 1993. The emergence of the European world system in the Bronze Age: divergence, convergence and social evolution during the first and second millennia BC in Europe // Europe in First Millennium BC. Sheffield (Sheffield Archaeological Monographs 6). P. 7—30.
- Lindstrom R. V., 1994. "Sound of Body and Spirit": Mortuary Ritual and Physical Anthropology // Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ». Тез. докладов. Екатеринбург. С. 35—38.
- Littauer M. A., Crouwel J. H., 1996. The origin of true chariot // Antiquity. Vol. 70. № 270. December. P. 934—939.
- Mays S., 1989. Marxist perspectives on social in the central European Early Bronze Age // Domination and Resistance. One world archaeology. Vol. 3. London — NY. P. 215—226.
- Mizrachi J., 1992. Mystery Circles // Biblical Archaeology Review. Vol. 18. № 4. P. 47—57.
- Oancea A., 1976. Branches de mors au corps en forme de descue // Tharaco-Dacica. Budapesti. P. 59—75.
- Parpola A., 1988. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of Dasa // Studia Orientalia. Vol. 64. Helsinki. P. 195—302.
- Saenz C., Lords of Waste: perdition, pastoral production, and the process of stratification among the Eastern Twaregs // Chieftdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 100—120.
- Tainter J. A., 1988. The collapse of Complex societies. Cambridge: Cambridge University Press.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Авеста	МНМ	— «Мифы народов мира»
АГУ	— Алтайский государственный университет	НАА	— «Народы Азии и Африки»
АН	— Академия наук	НМЦ	— научно-методический центр
АО	— «Археологические открытия»	ПБВ	— поздний бронзовый век
АСГЭ	— «Археологические сообщения Государственного Эрмитажа»	РА	— «Российская археология»
АТ	— Атхарваведа	РБВ	— ранний бронзовый век
АЭБ	— «Археология и этнография Башкирии»	РВ	— Ригведа
БашГУ	— Башкирский государственный университет	ОГИЗ	— Объединенное государственное издательство
БГПИ	— Башкирский государственный педагогический институт	ОГПИ	— Оренбургский государственный педагогический институт
БФАН	— Башкирский филиал Академии наук	СА	— «Советская археология»
ВАУ	— «Вопросы археологии Урала»	СамГПИ	— Самарский государственный педагогический институт
ВГУ	— Воронежский государственный университет	СамГПУ	— Самарский государственный педагогический университет
ВДИ	— «Вестник древней истории»	СарГУ	— Саратовский государственный университет
ЗУОЛЕ	— «Записки Уральского общества любителей естествознания»	СБВ	— средний бронзовый век
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук	СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук
ИАиЭ	— Институт археологии и этнографии	СЭ	— «Советская этнография»
и.-е.	— индоевропейский	ТЗС	— «Труды по знаковым системам»
ИИМК	— Институт истории материальной культуры	ТГУ	— Тартуский государственный университет
КарГУ	— Карагандинский государственный университет	ТО	— творческое объединение
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт	УАЭ	— Уральская археологическая экспедиция
КИО	— культурно-историческая общность	УКАЭ	— Урало-Казахстанская археологическая экспедиция
КМК	— культура многоваликовой керамики	УНЦ	— Уфимский научный центр
КСИА	— «Краткие сообщения Института археологии»	УрГУ	— Уральский государственный университет
КСИИМК	— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»	УрО АН СССР	— Уральское отделение Академии наук СССР
ЛАИ	— Лаборатория археологических исследований	ЦМП	— Циркумпонтийская металлургическая провинция
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет	ЧГПИ	— Челябинский государственный педагогический институт
МарГУ	— Марийский государственный университет	ЧГПУ	— Челябинский государственный педагогический университет
МГПИ	— Магнитогорский государственный педагогический институт	ЧелГУ	— Челябинский государственный университет
МГУ	— Московский государственный университет	ЧОКМ	— Челябинский областной краеведческий музей
МИА	— «Материалы и исследования по археологии»	ЮУАЭ	— Южно-Уральская археологическая экспедиция

СПИСОК сокращений наименований памятников синташтинского типа

Синташтинский могильник

СМ¹ — большой грунтовый могильник
 СI — комплекс грунтовых и курганных захоронений
 СII — малый грунтовый могильник
 СIII — малый курган
 СБ — большой курган

Могильник Каменный Амбар-5

КА-2 — курган 2
 КА-4 — курган 4

Большекараганский могильник

БК-11 — курган 11
 БК-20 — курган 20
 БК-22 — курган 22
 БК-24 — курган 24
 БК-25 — курган 25

Могильник Кривое Озеро

МКО-1 — курган 1
 МКО-2 — курган 2
 МКО-9 — курган 9
 МКО-10 — курган 10

Могильник Солнце II

Со-3 — курган 3
 Со-4 — курган 4
 Со-5 — курган 5
 Со-6 — курган 6
 Со-7 — курган 7
 Со-11 — курган 11

¹ Цифра после наименования памятника во всех случаях обозначает номер могильной ямы (погребения), например запись КА-4-1 читается «могильник Каменный Амбар-5, курган 4, могильная яма 1».

КОД **описания погребального памятника эпохи средней бронзы**

- 0. Паспортные данные
 - 1. Название памятника
 - 2. № кургана
 - 3. № могильной ямы

I. Погребальное сооружение

А. Классификация

- 1. Вид — яма; гробница
- 2. Тип — прямоугольная; квадратная; удлиненная
- 3. Вариант — 4 группы по площади ямы

Б. Спецификация

- 1. Потревожено
- 2. Не потревожено
- 3. Основное
- 4. Впускное
- 5. Неясно, основное или впускное

В. Конструкция

- 1. Ступенчатая
- 2. Сруб в придонной части
- 3. Облицовка стенок досками
- 4. Столбы по длинной оси ямы
- 5. Столбы по углам ямы
- 6. Ниши, тайники
- 7. Следы горения сооружения

Г. Ориентировка могильной ямы

- 1. С — Ю
- 2. З — В
- 3. СЗ — ЮВ
- 4. СВ — ЮЗ

Д. Локализация

- 1. Центральная
- 2. Периферийная
- а. С сектор...
- ...з. СЗ сектор

II. Останки погребенного

А. Антропологические характеристики

- 1. Пол
- 2. Возрастная группа

Б. Вид захоронения

- 1. Труположение
- 2. Труположение со следами действия огня

В. Характер захоронения

- 1. кенотаф
- 2. одиночное
- 3. парное (в том числе с детьми)
- 4. коллективное

Г. Поза погребенного

1. Скорчено на левом боку:
 - а) руки — у лица;
 - б) руки поперек тела

Д. Ориентировка

- 1-8. С...СЗ

Е. Способ помещения останков

1. Вне погребального сооружения

Ж. Локализация относительно центра кургана

1. В центре

2. Скорчено на правом боку
3. На спине
4. Расчлененные

9. Не ясна

2. В погребальном сооружении:
 - а) на грунтовом полу;
 - б) на подстилке;
 - в) на ложе (колеснице);
 - г) на перекрытии

2. На периферии:
 - а) лицом;
 - б) головой;
 - в) спиной;
 - г) ногами

А. Орудия труда

1. Шило, игла
2. Пряслице
3. Тесло

Б. Оружие

1. Копье
2. Топор

В. Украшения

1. Бусы
2. Браслет
3. Кольцо
4. Раковина

Г. Посуда

1. Деревянная:
 - а) с бронзовой обкладкой;
 - б) без обкладки

Д. Транспорт

1. Остатки колесницы
2. Псалии

Е. «Культовые» вещи

1. Костяная лопаточка
2. Булава

Ж. Останки жертвенных животных

1. Вид:

- а) КРС;
- б) МРС;
- в) лошадь;

2. Части:

- а) конечности;
- б) черепа;

- г) собака;
- д) прочие;
- е) не определены

- в) скелеты;
- г) череп + конечности

III. Погребальный инвентарь

4. Нож, «серп»
5. Пест, терочник
6. Продукты металлургии и металлообработки

3. Нож-кинжал
4. Лук и стрелы

5. Клык-амулет
6. Подвеска
7. Бляшка

2. Керамическая:
 - а) тарная;
 - б) «столовая»;
 - в) «светильники» и другие малые формы

3. Упряжные лошади

3. Астрагалы

3 Локализация:

а) дно;	в) ниша;
б) перекрытие;	г) на краю ямы

IV. Надмогильное сооружение

1. Надмогильное сооружение отсутствует

2. «Насыпь»:

- а) грунтовая;
б) грунтово-деревянная

V. Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий

1. Планировка подкурганного пространства:

а) только центральная(ые) могильная(ые) яма(ы);	в) радиальная;
б) кольцевая планировка;	г) неясно

2. Следы огня вне могильных ям:

а) прокал;	б) уголь

3. Жертвенники:

а) кости;	в) прочий инвентарь
б) керамика;	

VI. Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий

1. Ровик

2. Валик

БАЗА ДАННЫХ
по погребальным памятникам эпохи средней бронзы
Южного Зауралья

Могильники

Могильник	Сокращение	Примечания
Большекараганский	БК	Некрополь пос. Аркаим
Каменный Амбар-5	КА	Некрополь пос. Ольгино
Кривое Озеро	МКО	Некрополь пос. Черноречье III
Синташта	СМ, С-I, С-II, С-III	Некрополь пос. Синташта
Солнце II	Со	Некрополь пос. Устье

Курганы

Курган	Кол-во ям	Ров	Вал	Планировка	Уголь	Прокал	Кости	Керамика
БК-11	6	+	—	Кольцевая	—	—	+	+
БК-20	6	+	—	Кольцевая	—	—	—	—
БК-22	1	—	—	Центральная яма	—	—	—	—
БК-24	9	+	—	Кольцевая	—	—	+	+
БК-25	13	+	—	Кольцевая	—	—	+	+
КА-2	17	+	—	Кольцевая	—	—	+	—
КА-4	17	+	—	Кольцевая	+	+	—	+
МКО-1	7	—	—	Радиальная	—	+	+	+
МКО-2	6	+	—	Кольцевая	—	+	+	—
МКО-9	8	—	—	Неясно	—	—	+	—
МКО-10	39	—	—	Неясно	—	+	+	+
СМ	40	—	—	Кольцевая	—	—	+	+
СI	16	—	+	Кольцевая	+	—	+	+
СII	9	—	—	Кольцевая	—	—	—	—
СIII	1	—	+	Центральная яма	—	—	+	+
Со-3	1	—	—	Центральная яма	—	—	—	—
Со-4	2	—	+	Кольцевая	—	—	+	—
Со-5	1	—	—	Кольцевая	—	—	—	—
Со-6	1	—	—	2 центральные ямы	—	—	—	—
Со-7	2	—	—	Неясно	—	—	—	—
Со-11	2	—	—	Неясно	+	—	—	+

№ ямы	Вид	Тип	Вариант	Потре- вожено	Специфи- кация	Ступени	Сруб	Обли- цовка	Столбы	Ниши	Огонь	Ориенти- ровка	Локализа- ция
БК-11-1	Гробница	Квадр.	2	-	Основное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
БК-11-2	Яма	Прямоуг.	2	+	Основное	+	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	ЮВ
БК-11-3	Гробница	Прямоуг.	0	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
БК-11-5	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	3
БК-11-6	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
БК-11-7	Яма	Квадр.	2	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
БК-20-1	Яма	Прямоуг.	4	+	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Центр
БК-20-2	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Центр
БК-20-3	Гробница	Прямоуг.	2	-	Основное	+	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
БК-20-4	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	3
БК-20-6	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
БК-20-7	Яма	удлинен.	3	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Ю
БК-22-1	Яма	Прямоуг.	2	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СЗ
БК-24-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	Центр
БК-24-2	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	+	+	+	-	3-В	Центр
БК-24-3	Гробница	Прямоуг.	2	+	?	-	-	+	-	-	-	3-В	Центр
БК-24-5	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	+	-	-	-	3-В	Центр
БК-24-6	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	ЮВ
БК-24-7	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
БК-24-8	Яма	Прямоуг.	3	-	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	3
БК-24-9/1	Яма	Прямоуг.	4	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
БК-24-9/2	Гробница	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	3-В	Ю
КА-2-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	+	-	-	-	3-В	Ю
КА-2-10	Гробница	Прямоуг.	3	-	Впускное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	Центр
КА-2-11	Яма	Квадр.	2	+	Основное	-	-	+	-	-	-	3-В	С
КА-2-12	Яма	Прямоуг.	2	-	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	3
КА-2-13	?	?	0	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	?	В

№ ямы	Вид	Тип	Вариант	Потре- бовано	Специфи- кация	Ступени	Сруб	Обли- цовка	Столбы	Ниши	Огонь	Ориенти- ровка	Локализа- ция
КА-2-14	Яма	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СЗ
КА-2-15	Гробница	Прямоуг.	2	-	Впускное	-	-	+	-	-	-	З-В	З
КА-2-16	Яма	удлинен.	3	-	Основное	-	-	-	-	-	-	З-В	Ю
КА-2-17	Яма	Прямоуг.	2	-	Основное	-	-	-	-	-	-	З-В	Ю
КА-2-2	Яма	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Центр
КА-2-3	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	+	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
КА-2-4	Яма	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
КА-2-5	Гробница	удлинен.	1	+	Основное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
КА-2-6	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	-	-	-	З-В	В
КА-2-7	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	-	З-В	В
КА-2-8	Гробница	Прямоуг.	2	-	Основное	-	-	+	+	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
КА-2-9	Гробница	Прямоуг.	3	+	Впускное	-	-	+	-	-	-	З-В	ЮЗ
КА-4-1	Гробница	удлинен.	3	-	Впускное	-	-	+	-	-	-	З-В	Ю
КА-4-10	Гробница	Прямоуг.	0	+	Впускное	-	-	+	-	-	+	З-В	ЮЗ
КА-4-11	Яма	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	-	-	-	+	З-В	В
КА-4-12	Яма	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	СВ
КА-4-13	Яма	?	4	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	?	ЮВ
КА-4-14	Гробница	Квадр.	1	+	Основное	-	-	+	-	-	+	З-В	Ю
КА-4-15	Гробница	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	+	-	-	-	З-В	Ю
КА-4-16	?	?	0	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	Неопр.	ЮВ
КА-4-17	Яма	Квадр.	3	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	З-В	С
КА-4-2	Гробница	Прямоуг.	1	-	Впускное	+	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
КА-4-3	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	ЮЗ
КА-4-4	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	+	З-В	С
КА-4-5	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	-	-	+	З-В	СЗ
КА-4-6	Яма	Прямоуг.	4	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СЗ
КА-4-7	Яма	Прямоуг.	3	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
КА-4-8	Гробница	Квадр.	2	+	Основное	-	-	+	-	-	+	З-В	ЮЗ
КА-4-9	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Центр
МКО-10-1	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	+	+	+	+	З-В	Центр

№ ямы	Вид	Тип	Вариант	Потре- вожено	Специфи- кация	Ступени	Сруб	Обли- цовка	Столбы	Ниши	Огонь	Ориенти- ровка	Локализа- ция
МКО-10-	Яма	?	0	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	?	ЮВ
МКО-10-	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	-	-	+	+	+	+	СВ-ЮЗ	ЮВ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	З-В	СВ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СЗ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
МКО-10-2	Яма	Прямоуг.	3	+	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	С
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	З-В	СЗ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	З
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	З-В	З
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	З
МКО-10-	Яма	?	0	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	?	Центр
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	З-В	Центр
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	З-В	СВ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
МКО-10-3	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	-	-	+	+	+	+	СВ-ЮЗ	Центр
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	З-В	ЮВ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	З-В	З
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
МКО-10-	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	+	-	-	+	З-В	Центр
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
МКО-10-	Яма	удлинен.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	З-В	Ю
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	+	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Ю
МКО-10-4	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	+	-	-	-	-	+	З-В	Центр
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Ю
МКО-10-	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	З
МКО-10-	Яма	удлинен.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ

№ ямы	Вид	Тип	Вариант	Потребовано	Спецификация	Ступени	Сруб	Облицовка	Столбы	Ниши	Огонь	Ориентировка	Локализация
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Ю
МКО-10-	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
МКО-10-5	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
МКО-10-6	Гробница	Квадр.	2	-	?	+	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	СЗ
МКО-10-7	Яма	?	0	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	?	Центр
МКО-10-8	Яма	?	0	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	?	СВ
МКО-10-9	Гробница	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	+	-	-	-	3-В	Центр
МКО-1-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	+	-	+	-	-	+	3-В	Центр
МКО-1-2	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	+	-	-	+	3-В	Центр
МКО-1-3	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	+	-	-	-	-	+	3-В	Центр
МКО-1-4	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	3
МКО-1-5	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	3
МКО-1-6	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СЗ
МКО-1-7	Гробница	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	+	-	СВ-ЮЗ	СЗ
МКО-2-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	-	-	-	+	3-В	Центр
МКО-2-3	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	В
МКО-2-5	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
МКО-2-6	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
МКО-2-7	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
МКО-2-8	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	+	3-В	ЮЗ
МКО-9-1	Гробница	Прямоуг.	1	-	Основное	-	-	+	+	+	-	3-В	СЗ
МКО-9-2	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	+	-	-	3-В	Центр
МКО-9-3	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	+	-	-	+	3-В	В
МКО-9-4	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	В
МКО-9-6	Яма	Прямоуг.	4	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
МКО-9-7	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	-	+	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
МКО-9-8	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
МКО-9-9	Яма	Прямоуг.	4	-	Основное	-	-	-	-	-	-	3-В	Ю
С1-1	Гробница	Квадр.	2	-	Основное	-	+	-	-	-	-	3-В	С
С1-10	Гробница	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	+	-	-	-	-	3-В	С

№ ямы	Вид	Тип	Вариант	Потре- бовано	Специфи- кация	Ступени	Сруб	Обли- цовка	Столбы	Ниши	Огонь	Ориенти- ровка	Локализа- ция
СИ-11	Гробница	Прямоуг.	3	+	Впускное	-	+	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	З
СИ-12	Гробница	Прямоуг.	3	-	Впускное	-	+	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
СИ-13	Яма	удлин.	0	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
СИ-14	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	+	-	-	-	З-В	Центр
СИ-15	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	+	-	-	+	-	З-В	Центр
СИ-16	Гробница	Прямоуг.	3	-	Впускное	+	+	-	-	-	-	З-В	ЮЗ
СИ-2	Яма	Прямоуг.	3	-	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
СИ-3	Гробница	Прямоуг.	3	-	Основное	-	+	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СВ
СИ-4	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	+	+	-	-	-	-	З-В	В
СИ-5	Гробница	Прямоуг.	3	-	Основное	-	+	-	-	-	-	З-В	Ю
СИ-6	Яма	Прямоуг.	4	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	С-Ю	З
СИ-7	Гробница	Прямоуг.	3	-	Впускное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
СИ-8	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
СИ-9	Яма	Квадр.	2	+	Впускное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	СЗ
СИ-1	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	+	-	-	З-В	С
СИ-10	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	+	-	-	-	-	-	З-В	В
СИ-2	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	+	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	СВ
СИ-4	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	+	-	-	СВ-ЮЗ	СЗ
СИ-5	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	-	-	-	З-В	З
СИ-6	Гробница	Прямоуг.	4	-	Основное	-	+	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
СИ-7	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	+	-	+	З-В	Ю
СИ-8	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	З-В	ЮЗ
СИ-9	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	-	+	-	-	-	З-В	В
СИ-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	+	-	-	-	З-В	Центр
СИ-1	Гробница	Прямоуг.	4	+	Основное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СИ-10	Гробница	Прямоуг.	3	-	Впускное	-	-	+	-	-	+	З-В	В
СИ-11	Гробница	Прямоуг.	3	-	Основное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮВ
СИ-12	Гробница	Прямоуг.	2	+	?	-	-	+	+	-	-	З-В	СВ

№ ямы	Вид	Тип	Вариант	Потре- вожено	Специфи- кация	Ступени	Сруб	Обли- цовка	Столбы	Ниши	Огонь	Ориенти- ровка	Локализа- ция
СМ-13	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	ЮЗ
СМ-14	Яма	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-15	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-16	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	-	+	-	З-В	В
СМ-17	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	ЮЗ
СМ-18	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	+	+	-	-	-	+	З-В	Ю
СМ-19	Гробница	Прямоуг.	2	+	?	-	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-2	Гробница	Прямоуг.	2	-	Основное	-	+	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-20	Гробница	Прямоуг.	1	+	?	-	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-21	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-22	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	-	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-23	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	+	-	-	-	-	СЗ-ЮВ	Периферия
СМ-24	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	+	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	ЮВ
СМ-25	Гробница	Квадр.	3	+	?	-	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-26	Яма	Прямоуг.	3	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-27	Яма	Прямоуг.	3	+	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-28	?	Прямоуг.	3	+	?	-	-	+	+	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-29	Гробница	Прямоуг.	4	+	?	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-3	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-30	Гробница	Прямоуг.	2	-	?	-	-	+	+	+	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-31	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	-	-	+	-	+	-	З-В	Периферия
СМ-32	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	-	+	-	-	-	З-В	Периферия
СМ-33	Гробница	Прямоуг.	4	-	Впускное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-34	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-35	Яма	Прямоуг.	4	+	?	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Периферия

№ ямы	Вид	Тип	Вариант	Потре- вожено	Специфи- кация	Ступени	Сруб	Обли- цовка	Столбы	Ниши	Огонь	Ориенти- ровка	Локализа- ция
СМ-36	Яма	Прямоуг.	4	-	?	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-37	Гробница	Прямоуг.	4	-	?	-	-	+	-	+	-	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-38	Гробница	Прямоуг.	3	-	?	+	-	+	-	-	-	З-В	Периферия
СМ-39	Гробница	Квадр.	2	-	?	+	-	+	-	-	-	З-В	Периферия
СМ-4	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	+	-	-	+	З-В	Центр
СМ-40	Яма	Прямоуг.	4	+	Впускное	-	-	-	-	-	+	З-В	Периферия
СМ-5	Гробница	Квадр.	1	+	Основное	-	-	+	+	-	+	З-В	Центр
СМ-6	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	-	-	-	-	З-В	Центр
СМ-7	Яма	Прямоуг.	3	+	?	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-8	Гробница	Прямоуг.	2	+	?	-	-	-	-	-	+	СВ-ЮЗ	Периферия
СМ-9	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	-	З-В	В
Со-11-1	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	-	-	-	СВ-ЮЗ	Центр
Со-11-2	Гробница	Прямоуг.	2	+	Основное	-	-	+	-	+	-	СВ-ЮЗ	Центр
Со-3-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	+	+	+	+	+	З-В	Центр
Со-4-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	+	-	-	-	-	З-В	Центр
Со-4-3	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	+	-	-	+	СВ-ЮЗ	СЗ
Со-5-1	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	-	+	-	+	-	СВ-ЮЗ	СЗ
Со-5-2	Гробница	Прямоуг.	1	+	Основное	-	+	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Центр
Со-6-1	Яма	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Центр
Со-7-1	Гробница	Прямоуг.	3	-	Основное	-	-	+	-	+	-	СВ-ЮЗ	Центр
Со-7-2	Гробница	Прямоуг.	3	+	Основное	-	-	-	-	-	-	СВ-ЮЗ	Центр

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
БК-11-1	1	?	Взрослый	Коллективное	СЛБ, РЛ	ЮЗ	На полу	Лицом
БК-11-1	2	?	Подросток	Коллективное	СЛБ, РЛ	ЮЗ	На полу	Лицом
БК-11-1	3	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ, РЛ	ЮЗ	На полу	Лицом
БК-11-2	1	?	?	Одиночное	СЛБ	ЮЗ	На полу	Лицом
БК-11-5	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ	З	На полу	Головой
БК-11-7	1	?	Взрослый	Одиночное	СПБ	В	На полу	В центре
БК-20-3	1	?	Взрослый	Парное	СЛБ, РЛ	СВ	На полу	Лицом
БК-20-3	1	Ж	Взрослый	Парное	СЛБ, РЛ	СВ	На полу	Лицом
БК-20-4	1	?	?	Парное	СЛБ	СЗ	На полу	Головой
БК-20-4	2	?	?	Парное	?	?	На полу	?
БК-20-6	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ, РЛ	В	На полу	Спиной
БК-20-7	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	СВ	На полу	Лицом
БК-22-1	1	?	Взрослый	?	СЛБ, РЛ	З	На полу	В центре
БК-22-1	2	?	Подросток	?	?	?	На полу	В центре
БК-24-6	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	?	?
БК-24-7	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На полу	Лицом
БК-24-8	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На полу	Лицом
БК-24-9/2	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	З	На полу	Лицом
КА-2-1	1	?	Взрослый	?	?	?	?	В центре
КА-2-2	1	?	?	?	СЛБ, РЛ	ЮЗ	На полу	Лицом
КА-2-3	1	М	Взрослый	?	?	?	?	?
КА-2-4	1	?	Ребенок	Коллективное	На спине	ЮЗ	На полу	Ногами
КА-2-4	2	?	Ребенок	Коллективное	СПБ	ЮЗ	На полу	Ногами
КА-2-4	3	М	Подросток	Коллективное	СЛБ, РПТ	ЮЗ	На полу	Ногами
КА-2-4	4	?	Ребенок	Коллективное	?	ЮЗ	На полу	Ногами

¹ Относительно центра подкурганной площадки.

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
КА-2-4	5	М	Взрослый	Коллективное	?	?	?	?
КА-2-5	1	М	Взрослый	Коллективное	СЛБ	ЮЗ	На полу	Головой
КА-2-5	2	М	Взрослый	Коллективное	СЛБ	ЮЗ	На полу	Головой
КА-2-5	3	?	Подросток	Коллективное	СЛБ	ЮЗ	На полу	Головой
КА-2-5	4	?	Подросток	Коллективное	СПБ	Ю	На полу	Головой
КА-2-5	5	?	Ребенок	Коллективное	?	?	На полу	?
КА-2-5	6	М	Взрослый	Коллективное	?	?	?	?
КА-2-5	7	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-2-5	8	?	Подросток	Коллективное	?	?	?	?
КА-2-6	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	Перекрытие	?
КА-2-6	2	М	Взрослый	Коллективное	?	Ю	На полу	?
КА-2-6	3	М	Взрослый	Коллективное	?	?	На полу	?
КА-2-6	4	?	Подросток	Коллективное	?	?	На полу	?
КА-2-6	5	?	Подросток	Коллективное	?	?	На полу	?
КА-2-6	6	?	Ребенок	Коллективное	?	?	На полу	?
КА-2-7	1	М	Взрослый	Коллективное	?	?	На полу	?
КА-2-7	2	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-2-7	3	?	Ребенок	Коллективное	?	ЮЗ	На полу	Лицом
КА-2-7	4	?	Подросток	Коллективное	?	?	?	?
КА-2-8	1	М	Взрослый	Парное	СЛБ, РЛ	С	На подстилке	Спиной
КА-2-8	2	Ж	Подросток	Парное	СПБ	С	На подстилке	Лицом
КА-2-8	3	?	Ребенок	Парное	СЛБ, РЛ	С	На подстилке	Спиной
КА-2-8	4	?	Ребенок	Парное	СЛБ	С	На подстилке	Спиной
КА-2-9	1	Ж	Подросток	?	?	?	?	?
КА-2-9	1	?	Ребенок	?	?	?	?	?
КА-2-10	1	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ, РЛ	С	На полу	Ногами
КА-2-10	2	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ	З	На полу	Спиной
КА-2-10	3	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ	З	На полу	Спиной
КА-2-11	1	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ, РЛ	С	На полу	Лицом

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
КА-2-11	2	М	Подросток	Коллективное	СЛБ, РЛ	С	На полу	Лицом
КА-2-11	3	М	Подросток	Коллективное	?	?	?	?
КА-2-12	1	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ, РЛ	З	На подстилке	Ногами
КА-2-12	1	Ж	Взрослый	Коллективное	СЛБ, РЛ	З	На подстилке	Ногами
КА-2-12	2	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ, РПТ	З	На подстилке	Ногами
КА-2-12	4	Ж	Взрослый	Коллективное	СЛБ, РЛ	З	На подстилке	Ногами
КА-2-13	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	З	вне	Головой
КА-2-14	1	М	Взрослый	?	СЛБ, РПТ	З	На полу	Ногами
КА-2-15	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	Перекрытие	?
КА-2-15	2	М	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	Ю	На полу	Спиной
КА-2-16	1	Ж	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	З	На полу	Лицом
КА-2-17	1	М	Взрослый	?	?	?	?	?
КА-2-17	2	?	Ребенок	?	?	?	?	?
КА-4-1	1	Ж	Взрослый	Одиночное	СПБ	С	На подстилке	Головой
КА-4-2	1	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ, РЛ	СВ	На подстилке	Головой
КА-4-2	2	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ, РЛ	СВ	На подстилке	Головой
КА-4-2	3	?	Ребенок	Коллективное	?	?	На полу	?
КА-4-2	4	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ	СВ	На полу	Головой
КА-4-2	5	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-2	6	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ	СВ	На подстилке	Головой
КА-4-2	7	?	Ребенок	Коллективное	СПБ	СВ	На полу	Головой
КА-4-2	8	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-3	1	Ж	Взрослый	Одиночное	СЛБ	СЗ	На подстилке	Лицом
КА-4-4	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	?	?
КА-4-5	1	М	Взрослый	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-5	2	?	Подросток	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-5	3	?	Ребенок	?	?	?	?	?
КА-4-5	4	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-6	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	?	?	?

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
КА-4-7	1	?	Ребенок	Одиночное	?	ЮЗ	На подстилке	?
КА-4-8	1	М	Взрослый	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-8	2	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-8	3	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-8	4	Ж	Взрослый	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-9	1	М	Взрослый	Парное	?	?	?	?
КА-4-9	2	Ж	Взрослый	Парное	?	?	?	?
КА-4-11	1	Ж	Взрослый	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-11	2	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ	З	На полу	Головой
КА-4-11	3	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-11	4	?	Ребенок	?	?	?	?	?
КА-4-12	1	?	Подросток	Коллективное	СЛБ	ЮЗ	На полу	Головой
КА-4-12	2	?	Ребенок	Коллективное	?	ЮЗ	На полу	Головой
КА-4-12	3	?	Ребенок	Коллективное	?	ЮЗ	На полу	Головой
КА-4-12	4	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	?
КА-4-13	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ, РЛ	С	вне	Головой
КА-4-14	1	?	Подросток	?	?	?	?	?
КА-4-15	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	С	На подстилке	Головой
КА-4-16	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	Вне	?
КА-4-17	1	?	Подросток	?	СЛБ, РЛ	З	На полу	Спиной
МКО-1-1	1	?	Взрослый	Коллективное	?	?	?	В центре
МКО-1-1	2	?	Подросток	Коллективное	?	?	?	В центре
МКО-1-1	3	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	В центре
МКО-1-2	1	?	Взрослый	Коллективное	?	?	?	В центре
МКО-1-2	2	?	Подросток	Коллективное	?	?	?	В центре
МКО-1-2	3	?	Ребенок	Коллективное	?	?	?	В центре
МКО-1-7	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На полу	Ногами
МКО-2-1	1	М	Взрослый	?	?	?	?	В центре
МКО-2-3	1	?	Ребенок	Коллективное	СПБ	ЮЗ	На полу	Головой

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
МКО-2-3	2	?	Ребенок	Коллективное	?	?	На полу	?
МКО-2-5	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	СЗ	На полу	Головой
МКО-2-6	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	СЗ	На полу	Головой
МКО-2-7	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	ЮВ	На полу	Лицом
МКО-9-1	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РПТ	С	На полу	Лицом
МКО-9-2	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ	С	На полу	В центре
МКО-9-3	1	М	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	С	На подстилке	Спиной
МКО-9-4	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ	С	На подстилке	Спиной
МКО-9-6	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	СЗ	На полу	Лицом
МКО-9-7	1	Ж	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На подстилке	Головой
МКО-9-8	1	?	Ребенок	Одиночное	?	З	На полу	?
МКО-9-9	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	З	На полу	Лицом
МКО-10-1	1	?	Взрослый	?	СЛБ, РЛ	С	На полу	В центре
МКО-10-1	2	?	Ребенок	?	?	?	На полу	В центре
МКО-10-2	1	?	Взрослый	Одиночное	?	?	?	?
МКО-10-3	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ	СЗ	На подстилке	
МКО-10-5	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ, РЛ	С	На подстилке	Спиной
МКО-10-6	1	?	Взрослый	Парное	СЛБ, РЛ	СЗ	На подстилке	Ногами
МКО-10-6	2	?	Взрослый	Парное	СПБ	СЗ	На подстилке	?
МКО-10-6	3	?	Ребенок	Парное	СЛБ	СЗ	На подстилке	?
МКО-10-7	1	?	Ребенок	Парное	?	?	На полу	В центре
МКО-10-7	2	?	Ребенок	Парное	?	?	На полу	В центре
МКО-10-8	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	На полу	?
МКО-10-9	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	Ю	На полу	В центре
МКО-10-10	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	На полу	?
МКО-10-13	1	?	Взрослый	Парное	СЛБ, РЛ	СЗ	На подстилке	Головой

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
МКО-10-13	2	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	СЗ	На подстилке	Головой
МКО-10-18	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ ¹	ЮЗ	На полу	Спиной
МКО-10-19	1	?	Ребенок	Одиночное	?	СЗ	На полу	Ногами
МКО-10-20	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	З	На подстилке	Ногами
МКО-10-21	1	?	Ребенок	Одиночное	?	ЮЗ	На полу	?
МКО-10-23	1	?	Ребенок	?	СПБ ²	СЗ	На полу	Ногами
МКО-10-23	2	?	Ребенок	?	СПБ	СЗ	На полу	Ногами
МКО-10-24	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	На полу	?
МКО-10-25	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ ³	Ю	На полу	В центре
МКО-10-26	1	?	Ребенок	Одиночное	?	З	На полу	?
МКО-10-27	1	?	Ребенок	Одиночное	Расчленен	?	?	?
МКО-10-28	1	?	Ребенок	Одиночное	?	СЗ	На полу	?
МКО-10-29	1	?	Ребенок	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	Ногами
МКО-10-30	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	З	На полу	?
МКО-10-31	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	С	На полу	Спиной
МКО-10-32	1	?	Ребенок	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	?
МКО-10-34	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	З	На полу	В центре
МКО-10-34	2	?	Ребенок	Одиночное	?	?	Перекрытие	В центре
МКО-10-35	1	?	Ребенок	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	?
МКО-10-37	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ	З	На полу	Лицом
МКО-10-38	1	?	Ребенок	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	?
МКО-10-39	1	?	Ребенок	Одиночное	?	СЗ	На полу	?
МКО-10-41	1	?	Ребенок	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	?
МКО-10-42	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	СВ	На полу	Спиной
МКО-10-43	1	?	Ребенок	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	?
МКО-10-44	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	СЗ	На полу	Спиной

¹ Скорчено на левом боку.

² Скорчено на правом боку.

³ Руки приближены к лицу.

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
МКО-10-45	1	?	Ребенок	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	?
СИ-1	1	?	Взрослый	Парное	СЛБ, РЛ	С	На подстилке	Ногами
СИ-1	2	?	Взрослый	Парное	СПБ	С	На подстилке	Ногами
СИ-1	3	?	Ребенок	Парное	СЛБ, РПТ ¹	С	На подстилке	Ногами
СИ-11	1	?	?	Парное	СЛБ, РЛ	ЮВ	На полу	Головой
СИ-11	2	?	?	Парное	СЛБ	ЮВ	На полу	Головой
СИ-12	1	?	Взрослый	Одиночное	На спине	СЗ	На полу	Лицом
СИ-13	1	?	?	Одиночное	СЛБ	ЮВ	На полу	Спиной
СИ-16	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ, РЛ	В	На подстилке	Спиной
СИ-16	2	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	В	На подстилке	Лицом
СИ-2	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	СЗ	На подстилке	Лицом
СИ-3	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На полу	Спиной
СИ-4	1	?	?	?	СЛБ	С	На полу	Спиной
СИ-4	2	?	?	?	СЛБ	С	На полу	Спиной
СИ-5	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На подстилке	Головой
СИ-7	1	?	Подросток	Одиночное	СЛБ, РПТ	СВ	На полу	Спиной
СИ-9	1	?	Взрослый	?	СЛБ, РЛ	СВ	На полу	Лицом
СИ-9	2	?	?	?	СЛБ	СВ	На полу	Лицом
СИ-10	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	З	На полу	Головой
СИ-2	1	?	Взрослый	Одиночное	СПБ	СЗ	На подстилке	Лицом
СИ-7	1	М	?	?	?	З	на ложе	Лицом
СИ-1	1	?	Взрослый	Коллективное	Расчлененные	?	на ложе	В центре
СИ-1	2	?	Взрослый	Коллективное	Расчлененные	?	на ложе	В центре
СИ-1	3	?	Взрослый	Коллективное	Расчлененные	?	на ложе	В центре
СИ-1	4	?	Взрослый	Коллективное	Расчлененные	?	на ложе	В центре
СИ-1	5	?	?	Коллективное	?	?	На полу	В центре
СИ-1	1	?	Ребенок	Одиночное	?	СЗ	На полу	?

¹ Руки расположены поперек тела.

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
СМ-2	1	?	Подросток	Коллективное	СЛБ	СВ	На подстилке	?
СМ-2	2	?	Подросток	Коллективное	СПБ	СВ	На подстилке	?
СМ-2	3	?	Взрослый	Коллективное	СЛБ, РПТ	СВ	На подстилке	?
СМ-3	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	С	На подстилке	?
СМ-4	1	?	Взрослый	?	?	?	?	В центре
СМ-4	1	?	Ребенок	?	?	?	?	В центре
СМ-5	1	?	Взрослый	Коллективное	СПБ	В	На полу	В центре
СМ-5	2	?	Взрослый	Коллективное	СЛБ	В	На полу	В центре
СМ-5	3	?	?	Коллективное	Расчлененные	?	На полу	В центре
СМ-6	1	?	?	?	СПБ	3	На полу	В центре
СМ-9	1	?	?	Одиночное	СЛБ	3	На полу	Головой
СМ-10	1	М	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	В	На полу	Ногами
СМ-11	1	?	?	Парное	?	?	?	?
СМ-12	1	?	Взрослый	?	Расчлененные	?	на ложе	?
СМ-14	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	ЮЗ	?	Головой
СМ-15	1	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ	СЗ	На полу	?
СМ-15	2	?	Ребенок	Коллективное	СЛБ	СЗ	На полу	?
СМ-16	1	?	?	Одиночное	Расчлененные	?	на ложе	?
СМ-17	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На полу	Лицом
СМ-18	1	?	Взрослый	?	?	?	На полу	?
СМ-18	2	?	Взрослый	?	СЛБ	Ю	на ложе	Ногами
СМ-19	1	?	Взрослый	?	СЛБ, РЛ	ЮВ	На полу	?
СМ-21	1	?	Ребенок	Коллективное	?	СЗ	На полу	?
СМ-21	1	?	Ребенок	Коллективное	?	СЗ	На полу	?
СМ-22	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	СЗ	На полу	?
СМ-23	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ	Ю	На полу	?
СМ-26	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ	ЮЗ	На полу	?
СМ-27	1	?	Ребенок	?	СЛБ	ЮЗ	На полу	?
СМ-28	1	?	Взрослый	Одиночное	На спине	ЮЗ	На полу	?

№ ямы	№ погребенного	Пол	Возраст	Характер	Поза	Ориентировка	Размещение	Локализация ¹
СМ-29	1	?	Ребенок	Одиночное	?	СЗ	На полу	?
СМ-30	1	?	Взрослый	Одиночное	Расчлененные	ЮЗ	На полу	?
СМ-31	1	?	Взрослый	Одиночное	СЛБ, РЛ	З	На полу	?
СМ-32	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ	Ю	На полу	?
СМ-33	1	?	Ребенок	Одиночное	?	СЗ	На полу	?
СМ-34	1	?	Ребенок	Одиночное	СПБ	ЮЗ	На полу	?
СМ-35	1	?	?	Коллективное	?	?	?	?
СМ-35	2	?	?	Коллективное	?	?	?	?
СМ-36	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ, РЛ	ЮВ	На полу	?
СМ-37	1	?	Ребенок	Одиночное	СЛБ	ЮЗ	На полу	?
СМ-38	1	?	Подросток	Одиночное	?	З	На полу	?
СМ-39	1	?	Взрослый	Парное	СПБ	З	На полу	?
СМ-39	2	?	Подросток	Парное	СЛБ, РЛ	З	На полу	?
СМ-40	1	?	Ребенок	Одиночное	?	?	?	?
Со-4-1	1	?	Взрослый	?	?	?	?	В центре
Со-4-1	2	?	Взрослый	Одиночное	СПБ	Ю	Перекрытие	В центре
Со-4-3	1	?	Подросток	Одиночное	?	?	?	?
Со-4-3	1	?	Подросток	Одиночное	?	?	?	?
Со-5-1	1	?	Взрослый	?	?	?	?	?
Со-6-1	1	?	Взрослый	?	СЛБ	ЮВ	На полу	В центре
Со-11-1	1	?	Взрослый	?	?	?	На полу	?

Жертвенные животные

№ ямы	№ жертвы	Вид	Части	Локализация
БК-20-1	1	КРС	Конечности и череп	Дно
БК-20-2	1	КРС	Конечности и череп	Дно
БК-20-2	2	МРС		Дно
БК-20-2	3	Лошадь		Неясна
БК-20-2	4	Собака		Неясна
БК-20-3	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
БК-20-3	2	КРС	Череп	Перекрытие
БК-20-3	3	МРС		Перекрытие
БК-20-3	4	Собака	Скелет	Перекрытие
БК-20-4	1	КРС	Конечности и череп	Неясна
БК-20-4	2	МРС	Скелет	Неясна
БК-20-4	3	Собака		
БК-20-7	1	МРС	Скелет	Перекрытие
БК-20-7	2	МРС	Конечности	Дно
БК-20-7	3	КРС	Череп	Перекрытие
БК-20-7	4	Лошадь	Конечности	Перекрытие
БК-20-7	5	Собака	Скелет	Перекрытие
БК-20-9/2	1	МРС	Скелет	Дно
БК-24-1	1	КРС	Конечности и череп	Неясна
БК-24-1	2	МРС	Скелет	Неясна
БК-24-1	3	Собака		Неясна
БК-24-6	1	МРС	Конечности и череп	Дно
КА-2-1	1	КРС	Конечности и череп	Неясна
КА-2-1	2	МРС	Конечности	Неясна
КА-2-2	1	КРС	Конечности и череп	Дно
КА-2-2	2	МРС	Конечности	Неясна
КА-2-2	3	Собака	Скелет	Неясна
КА-2-3	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
КА-2-3	2	МРС	Скелет	Перекрытие
КА-2-3	3	Лошадь	Конечности и череп	Неясна
КА-2-4	1	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-4	2	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-5	1	Лошадь	Череп	Перекрытие
КА-2-5	2	Лошадь	Скелет	Перекрытие
КА-2-5	3	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-5	4	МРС	Конечности и череп	Неясна
КА-2-5	5	КРС	Череп	Дно
КА-2-6	1	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-6	2	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-7	1	Лошадь	Конечности и череп	Неясна
КА-2-8	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие

№ ямы	№ жертвы	Вид	Части	Локализация
КА-2-8	2	Лошадь	Череп	Дно
КА-2-8	3	КРС	Конечности и череп	Дно
КА-2-9	1	Лошадь	Скелет	Неясна
КА-2-10	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-11	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-12	1	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-12	2	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-12	3	Собака	Скелет	Перекрытие
КА-2-15	1	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-15	2	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-15	3	Лошадь	Конечности и череп	Дно
КА-2-16	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-2-17	1	КРС	Конечности	Неясна
КА-2-17	2	Лошадь	Конечности	Неясна
КА-2-17	3	МРС	Скелет	Неясна
КА-4-1	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-4-1	2	МРС	Конечности и череп	Дно
КА-4-2	1	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-4-2	2	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-4-2	3	МРС	Череп	Дно
КА-4-3	1	КРС	Конечности	Неясна
КА-4-5	1	КРС	Череп	Перекрытие
КА-4-5	2	МРС	Конечности и череп	Неясна
КА-4-8	1	КРС	Череп	Неясна
КА-4-8	2	МРС	Конечности и череп	Неясна
КА-4-8	3	Лошадь	Череп	Неясна
КА-4-9	1	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
КА-4-11	1	МРС	Конечности	Неясна
КА-4-12	1	МРС	Конечности	Неясна
КА-4-14	1	КРС	Конечности и череп	Край ямы
КА-4-15		МРС	Скелет	Дно
КА-4-15	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-4-15	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-4-15	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
КА-4-15	2	МРС	Скелет	Дно
КА-4-15	2	МРС	Скелет	Дно
МКО-1-1	1	МРС	Конечности и череп	Край ямы
МКО-1-2	1	КРС	Конечности и череп	Край ямы
МКО-1-2	2	Лошадь	Скелет	Край ямы
МКО-1-2	3	МРС	Конечности	Неясна
МКО-1-3	1	Лошадь	Скелет	Край ямы
МКО-1-3	2	МРС	Скелет	Неясна
МКО-1-7	1	МРС	Конечности и череп	Дно

№ ямы	№ жертвы	Вид	Части	Локализация
МКО-1-7	2	МРС	Конечности и череп	Ниша
МКО-2-1	1	Лошадь		Неясна
МКО-2-1	2	КРС		Неясна
МКО-2-5	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-2-5	2	МРС	Конечности	Дно
МКО-2-6		МРС	Конечности	Дно
МКО-2-6	1	КРС	Конечности	Перекрытие
МКО-2-8	1	МРС	Конечности и череп	Дно
МКО-9-1	1	КРС	Конечности и череп	Край ямы
МКО-9-1	2	Лошадь	Конечности и череп	Край ямы
МКО-9-1	3	МРС	Скелет	Край ямы
МКО-9-1	4	Собака	Скелет	Край ямы
МКО-9-1	5	Лошадь	Конечности и череп	Дно
МКО-9-2	1	КРС	Конечности	Край ямы
МКО-9-2	2	МРС	Конечности	Край ямы
МКО-9-2	3	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-9-2	4	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-9-2	5	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-9-3	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-9-3	2	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-9-6	1	МРС	Конечности	Дно
МКО-9-7	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-9-7	2	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-9-7	3	МРС	Череп	Дно
МКО-10-1	1	КРС	Череп	Ниша
МКО-10-1	2	МРС	Череп	Ниша
МКО-10-1	3	МРС	Конечности	Дно
МКО-10-2	1	МРС	Череп	Неясна
МКО-10-3	1	КРС	Конечности и череп	Ниша
МКО-10-3	2	МРС	Череп	Дно
МКО-10-3	3	МРС	Конечности	Дно
МКО-10-4	1	КРС		Неясна
МКО-10-5	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
МКО-10-6	1	Лошадь	Череп	Перекрытие
МКО-10-6	2	МРС	Конечности	Перекрытие
МКО-10-6	3	КРС	Череп	Перекрытие
МКО-10-6	4	МРС	Скелет	Перекрытие
МКО-10-6	5	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-10-13	1	КРС	Конечности и череп	Ниша
МКО-10-13	2	МРС	Конечности и череп	Ниша
МКО-10-13	3	МРС	Конечности и череп	Дно
МКО-10-14	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-10-18	1	МРС	Конечности и череп	Дно

№ ямы	№ жертвы	Вид	Части	Локализация
МКО-10-27	1	МРС	Череп	Дно
МКО-10-29	1	МРС	Конечности и череп	Дно
МКО-10-30	1	МРС	Конечности и череп	Дно
МКО-10-31	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-10-32	1	МРС	Конечности и череп	Дно
МКО-10-34	1	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-10-34	2	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-10-34	3	МРС	Конечности и череп	Дно
МКО-10-34	4	МРС	Конечности и череп	Ниша
МКО-10-35	1	МРС	Череп	Дно
МКО-10-37	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-10-38	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
МКО-10-42	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
МКО-10-43	1	МРС	Череп	Перекрытие
МКО-10-43	2	МРС	Конечности	Дно
МКО-10-44	1	МРС	Конечности и череп	Дно
СИ-1	1	КРС	Череп	Перекрытие
СИ-1	2	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
СИ-1	3	Лошадь	Череп	Перекрытие
СИ-2	1	МРС		Дно
СИ-2	2	Лошадь	Череп	Перекрытие
СИ-3	1	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
СИ-3	2	КРС	Конечности и череп	Неясна
СИ-4	1	МРС	Скелет	Перекрытие
СИ-7	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
СИ-1	1	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
СИ-1	2	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
СИ-4	1	МРС	Скелет	Перекрытие
СИ-5	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СИ-7	1	КРС	Череп	Перекрытие
СИ-7	2	Лошадь	Череп	Перекрытие
СИ-7	3	МРС	Череп	Перекрытие
СИ-1	1	Лошадь	Череп	Дно
СИ-2	1	МРС		Перекрытие
СИ-2	2	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СИ-3	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СИ-4	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СИ-4	2	МРС	Скелет	Перекрытие
СИ-4	3	Лошадь	Череп	Дно
СИ-5	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СИ-5	2	Лошадь	Череп	Дно
СИ-6	1	МРС	Скелет	Перекрытие
СИ-6	2	КРС	Череп	Перекрытие

№ ямы	№ жертвы	Вид	Части	Локализация
СМ-6	3	Лошадь	Конечности и череп	Дно
СМ-6	4	МРС	Конечности	Дно
СМ-6	5	КРС	Конечности и череп	Дно
СМ-7	1	МРС		Неясна
СМ-9	1	КРС	Конечности и череп	Неясна
СМ-9	2	МРС	Конечности и череп	Неясна
СМ-10	1	КРС	Череп	Перекрытие
СМ-10	2	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СМ-10	3	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
СМ-11	1	Лошадь	Череп	Ниша
СМ-11	2	КРС	Череп	Ниша
СМ-12	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СМ-12	2	МРС	Конечности и череп	Ниша
СМ-13	1	МРС		Неясна
СМ-15	1	Собака	Скелет	Перекрытие
СМ-15	2	МРС	Череп	Перекрытие
СМ-15	3	МРС	Конечности и череп	Дно
СМ-16	1	Лошадь		Неясна
СМ-16	2	КРС	Конечности и череп	Перекрытие
СМ-16	3	Собака	Скелет	Перекрытие
СМ-16	4	КРС	Череп	Ниша
СМ-16	5	МРС	Конечности и череп	Ниша
СМ-18	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СМ-18	2	МРС		Перекрытие
СМ-18	3	Собака		Перекрытие
СМ-19	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СМ-20	1	Лошадь		Неясна
СМ-20	2	МРС		Неясна
СМ-21	1	МРС		Перекрытие
СМ-22	1	Лошадь	Конечности	Перекрытие
СМ-22	2	Лошадь	Череп	Перекрытие
СМ-22	3	МРС	Конечности	Перекрытие
СМ-22	4	МРС	Конечности	Дно
СМ-24	1	Лошадь	Конечности и череп	Дно
СМ-24	2	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
СМ-25	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СМ-26	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СМ-29	1	Лошадь	Скелет	Перекрытие
СМ-29	2	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
СМ-30	1	Лошадь	Конечности и череп	Дно
СМ-31	1	КРС	Конечности и череп	Ниша
СМ-31	2	МРС	Конечности и череп	Ниша
СМ-32	1	МРС	Конечности	Дно

№ ямы	№ жертвы	Вид	Части	Локализация
СМ-35	1	МРС	Скелет	Неясна
СМ-36	1	МРС	Конечности и череп	Перекрытие
СМ-37	1	МРС	Конечности и череп	Ниша
СМ-38	1	МРС	Скелет	Перекрытие
СМ-39	1	Собака	Скелет	Перекрытие
СМ-39	2	КРС	Череп	Ниша
СМ-39	3	Лошадь	Конечности и череп	Ниша
СМ-39	4	МРС	Череп	Ниша
СМ-40	1	Собака	Скелет	Неясна
Со-3-1	1	Собака	Скелет	Перекрытие
Со-3-1	2	КРС	Конечности	Дно
Со-3-1	3	МРС	Конечности и череп	Ниша
Со-4-1	1	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
Со-4-1	2	КРС	Конечности	Неясна
Со-5-1	1	Лошадь	Череп	Перекрытие
Со-5-1	2	МРС	Конечности и череп	Ниша
Со-5-1	3	КРС	Конечности	Дно
Со-7-1	1	МРС	Череп	Ниша
Со-7-1	2	КРС	Череп	Неясна
Со-7-2	1	КРС	Череп	Перекрытие
Со-11-1	1	Собака	Скелет	Перекрытие
Со-11-1	2	КРС	Конечности и череп	Дно
Со-11-1	3	МРС	Конечности и череп	Дно
Со-11-2	1	МРС	Конечности и череп	Ниша
Со-11-2	1	КРС	Конечности и череп	Дно
Со-11-2	2	Лошадь	Конечности и череп	Перекрытие
Со-11-2	2	МРС	Конечности	Неясна
Со-11-2	3	Лошадь	Конечности и череп	Неясна
Со-11-2	4	Собака	Скелет	Неясна
Со-11-3	1	МРС	Конечности и череп	Неясна

Погребальный инвентарь

№ ямы	A1 ¹	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2в	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
Со-3-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Со-4-1	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+
Со-4-3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Со-5-1	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Со-5-1	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Со-5-2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-
Со-6-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Со-7-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Со-7-2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Со-11-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
Со-11-2	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
БК-11-1	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
БК-11-2	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
БК-11-3	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
БК-11-5	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
БК-11-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
БК-20-2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
БК-20-3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-

¹ Наименование колонок соответствует разделу «Погребальный инвентарь» Кода (Приложение 2).

№ ямы	A1 ¹	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2б	Г2в	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
БК-20-4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
БК-20-6	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+	+
БК-20-7	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+
БК-22-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
БК-24-1	+	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-
БК-24-2	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-
БК-24-3	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
БК-24-5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
БК-24-6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
БК-24-7	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
БК-24-8	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
БК-24-9/1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
БК-24-9/2	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
КА-2-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
КА-2-2	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+
КА-2-3	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
КА-2-4	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+	-	+	+
КА-2-5	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+	-	+	+
КА-2-6	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	+	+
КА-2-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
КА-2-8	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-

№ ямы	A1 ¹	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2б	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
КА-2-9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
КА-2-10	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
КА-2-11	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
КА-2-12	+	+	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
КА-2-13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КА-2-14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КА-2-15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-
КА-2-16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
КА-2-17	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
КА-4-1	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
КА-4-2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-
КА-4-3	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
КА-4-4	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КА-4-6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КА-4-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
КА-4-8	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
КА-4-9	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-
КА-4-10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КА-4-11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
КА-4-12	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
КА-4-14	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

№ ямы	A1 ¹	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2б	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
КА-4-15	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
КА-4-16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
КА-4-17	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
МКО-1-1	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+
МКО-1-2	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+
МКО-1-3	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+
МКО-1-4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-1-5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-1-6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-1-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-2-1	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
МКО-2-3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-2-5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-2-6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-2-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
МКО-2-8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
МКО-9-1	-	-	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-
МКО-9-2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
МКО-9-3	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
МКО-9-4	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
МКО-9-6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-

№ ямы	A1'	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г16	Г2а	Г26	Г2в	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
МКО-9-7	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-9-8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
МКО-9-9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
МКО-10-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-3	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
МКО-10-6	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-13	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
МКО-10-14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-26	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-

№ ямы	A1 ¹	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2б	Г2в	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
МКО-10-27	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-28	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-29	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-31	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-34	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-37	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-38	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-39	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-41	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-42	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-43	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
МКО-10-44	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
МКО-10-45	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
СМ-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-2	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+
СМ-3	+	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
СМ-4	+	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
СМ-5	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-	+

№ ямы	A1 ¹	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2б	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
СМ-6	+	-	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-	+	+
СМ-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-8	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СМ-10	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	-
СМ-11	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-
СМ-12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-
СМ-13	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СМ-14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СМ-15	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-16	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+
СМ-17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-18	+	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
СМ-20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
СМ-21	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+	+
СМ-22	+	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
СМ-23	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
СМ-24	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СМ-25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
СМ-26	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-

№ ямы	A1'	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B3	B4	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2б	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
СМ-27	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
СМ-28	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
СМ-29	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+
СМ-30	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-
СМ-31	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
СМ-32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
СМ-33	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-35	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-37	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СМ-38	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
СМ-39	-	-	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+
СМ-40	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СЛ-1	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-	-	+
СЛ-2	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
СЛ-3	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+
СЛ-4	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СЛ-5	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-
СЛ-6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
СЛ-7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СЛ-8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

№ ямы	A1 ¹	A2	A3	A4	A5	A6	Б1	Б2	Б3	Б4	Б1	Б2	Б3	Б4	Б5	Б6	Б7	Г1а	Г1б	Г2а	Г2б	Г2в	Д1	Д2	Д3	Е1	Е2	Е3
CI-9	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
CI-10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
CI-11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
CI-12	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-
CI-14	+	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-	-
CI-15	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
CI-16	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
CII-1	+	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+
CII-2	-	-	+	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
CII-4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
CII-6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
CII-7	+	-	+	+	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-
CII-8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
CII-9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
CII-10	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
CIII-1	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	+	-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

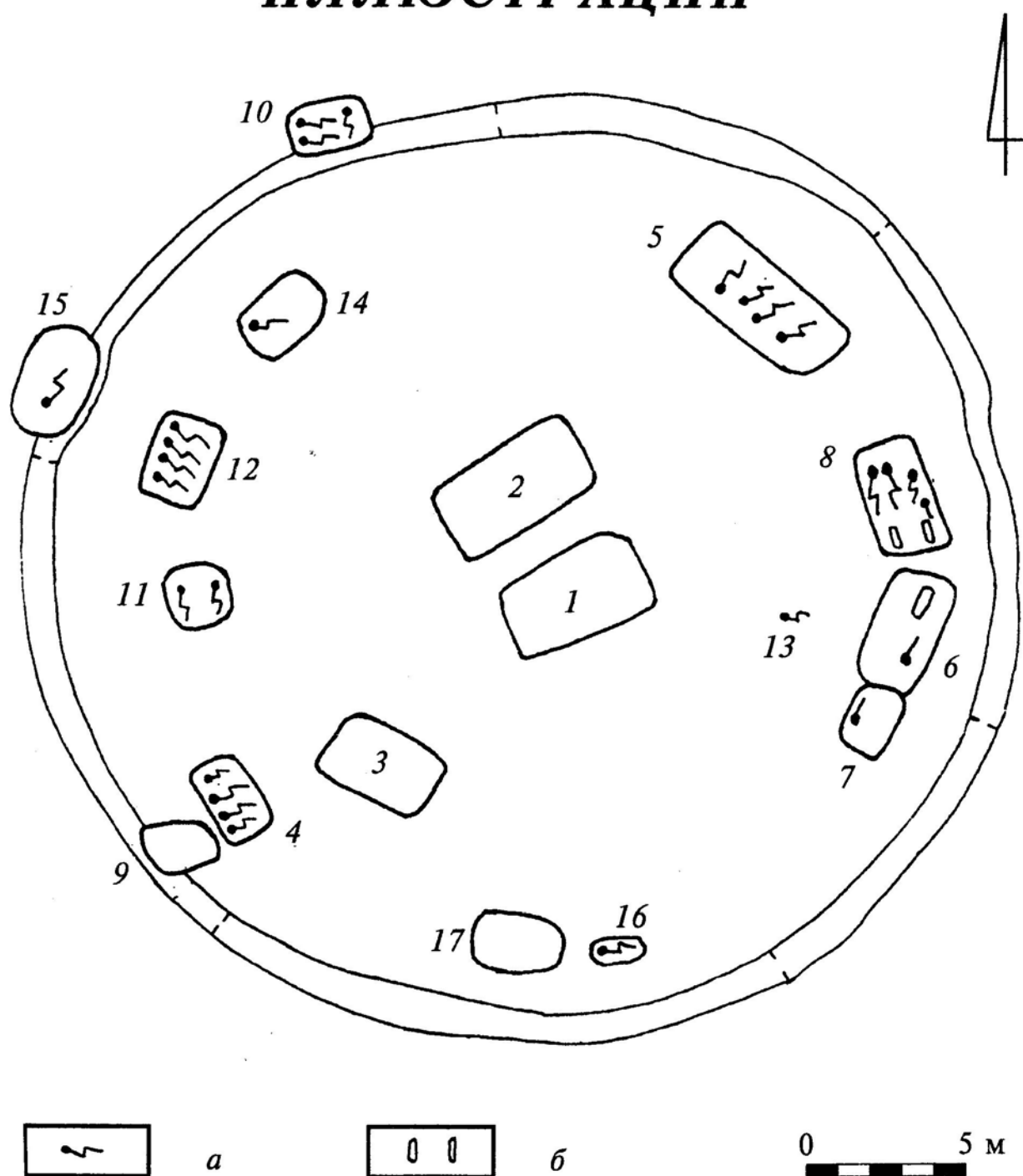

Рис.2. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2 (КА-2). План:
а — погребенный; б — колесница

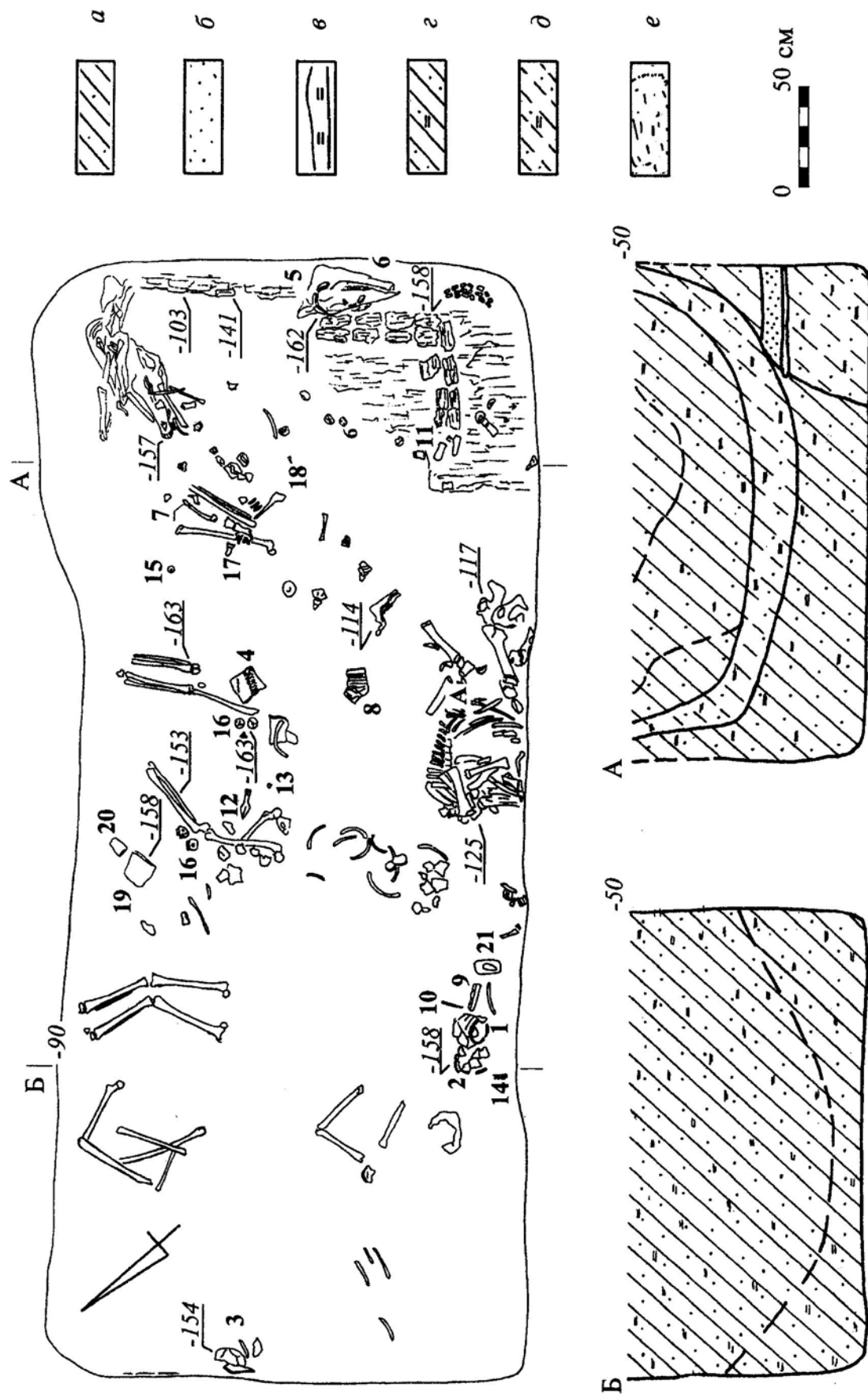

Рис. 3. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-5. План придонной части:

1—8 — сосуды; 9 — тесло; 10 — шило; 11 — скоба; 12 — наконечник копья; 13 — кольцо; 14 — спиралевидная обмотка; 15 — пряслице; 16 — псалии; 17 — фаланга со скобой; 18 — наконечники стрел; 19—20 — каменные орудия; 21 — пест.
Условные обозначения: а — сильно гумусированная супесь; б — супесь; в — суглинок; г — сильно гумусированные супесь и суглинок; д — слабо гумусированные супесь и суглинок; е — древесный плен

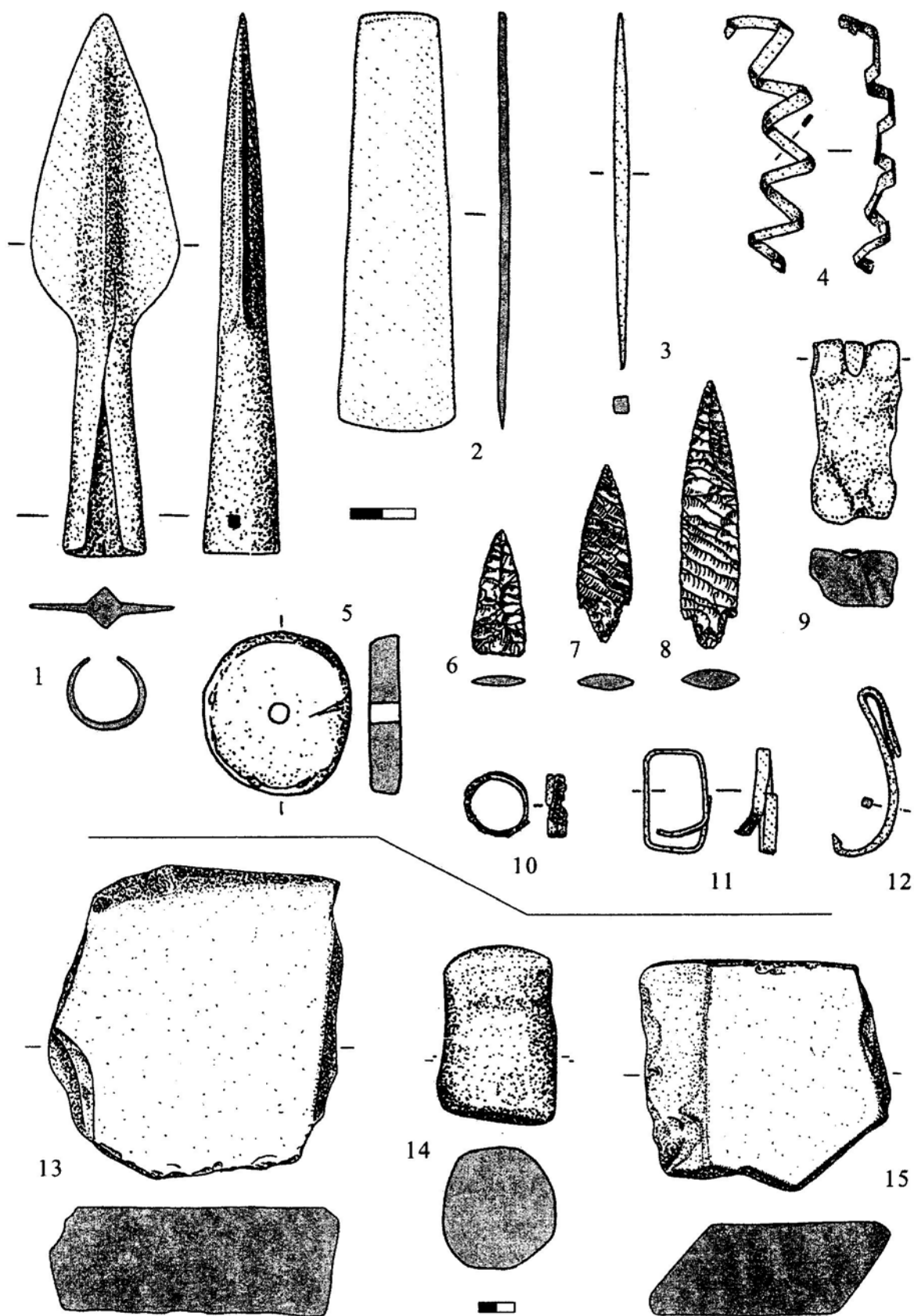

Рис.4. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-5. Погребальный инвентарь

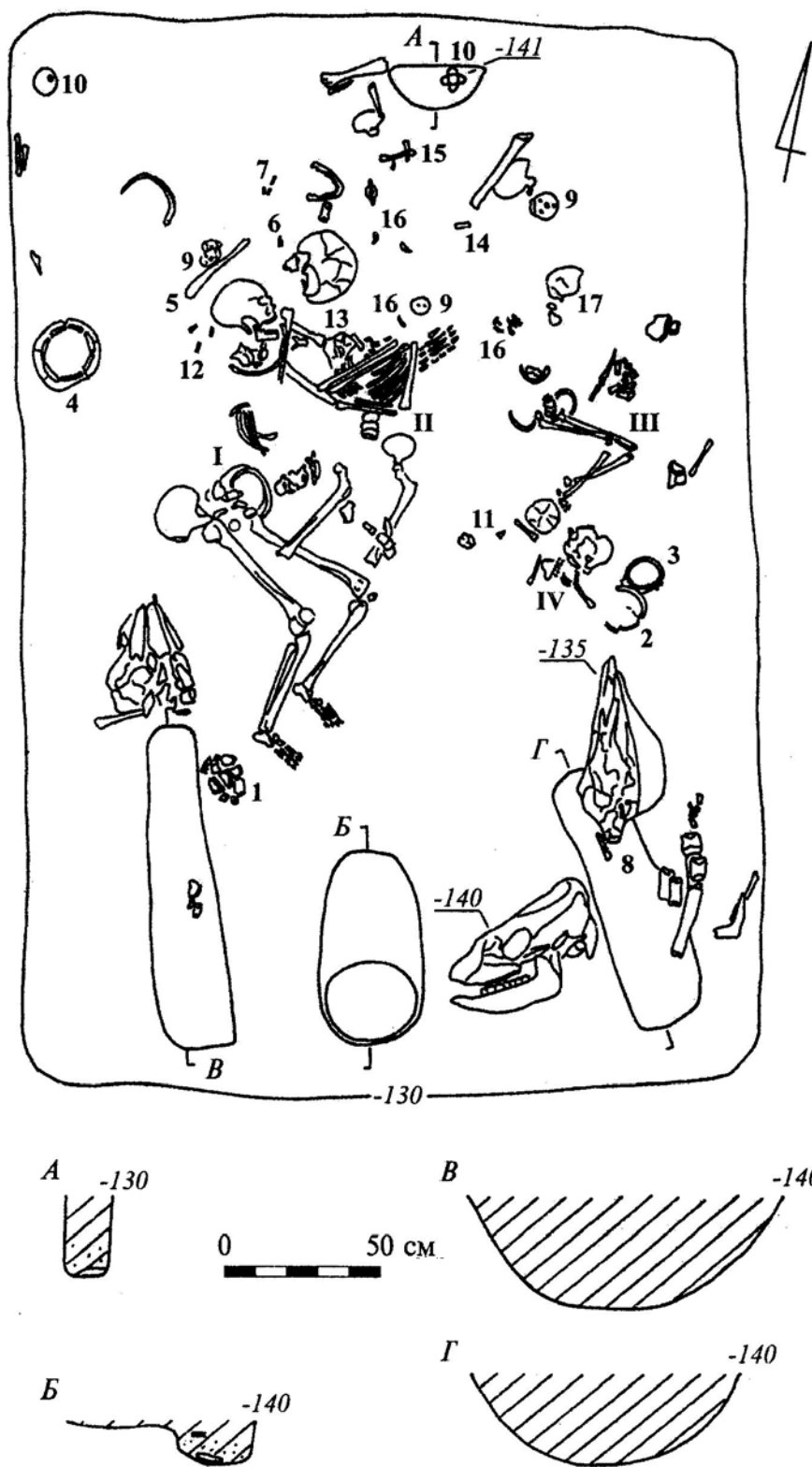

Рис. 5. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-8. План придонной части, профиль, разрезы ямок: 1—4 — сосуды; 5 — нож; 6 — клинышек; 7 — скоба; 8 — стамеска; 9 — псалии; 10 — наконечники булавы; 11 — наконечник стрелы; 12—13 — бусы. I—IV — погребенные

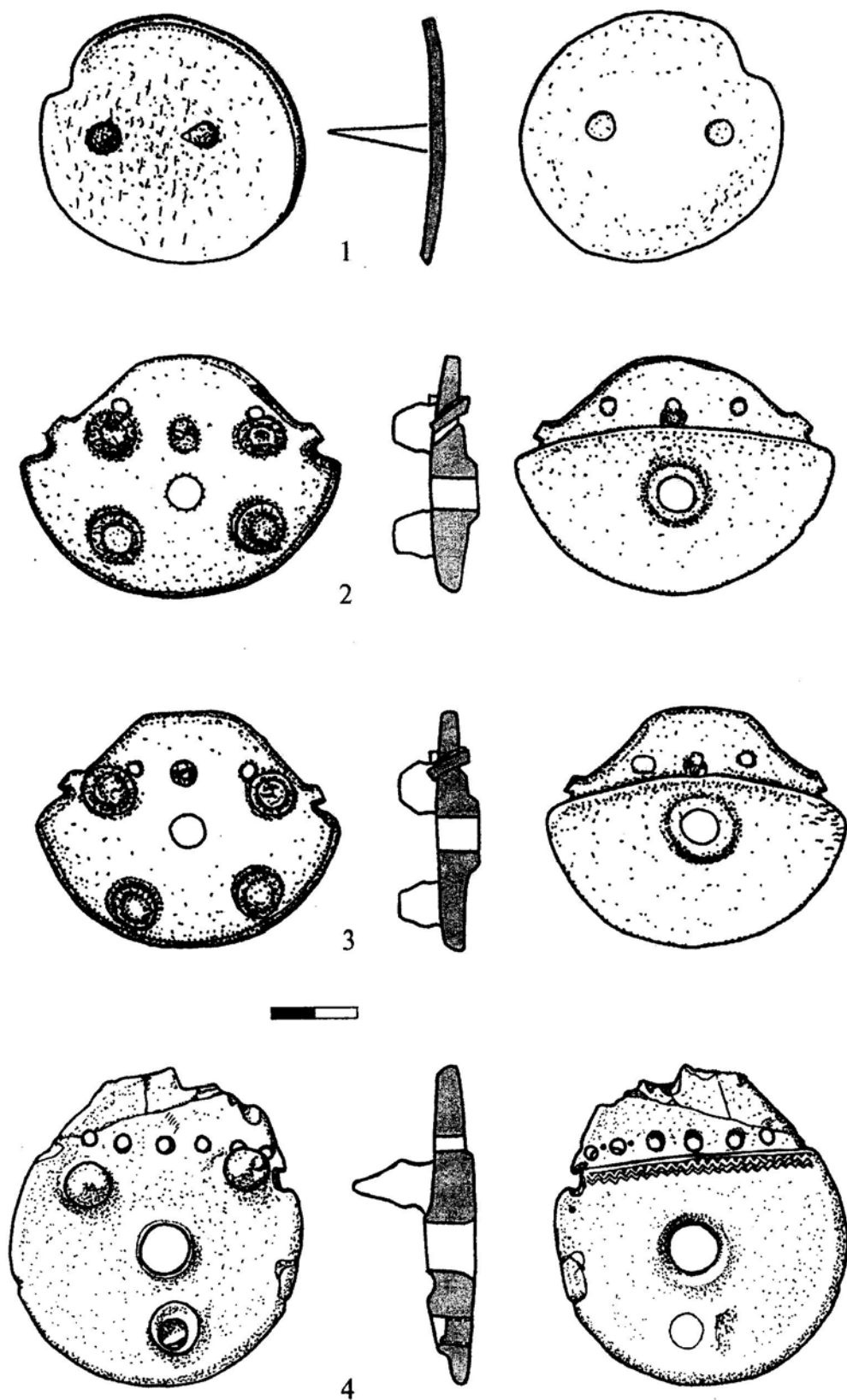

Рис.6. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-8. Псалли

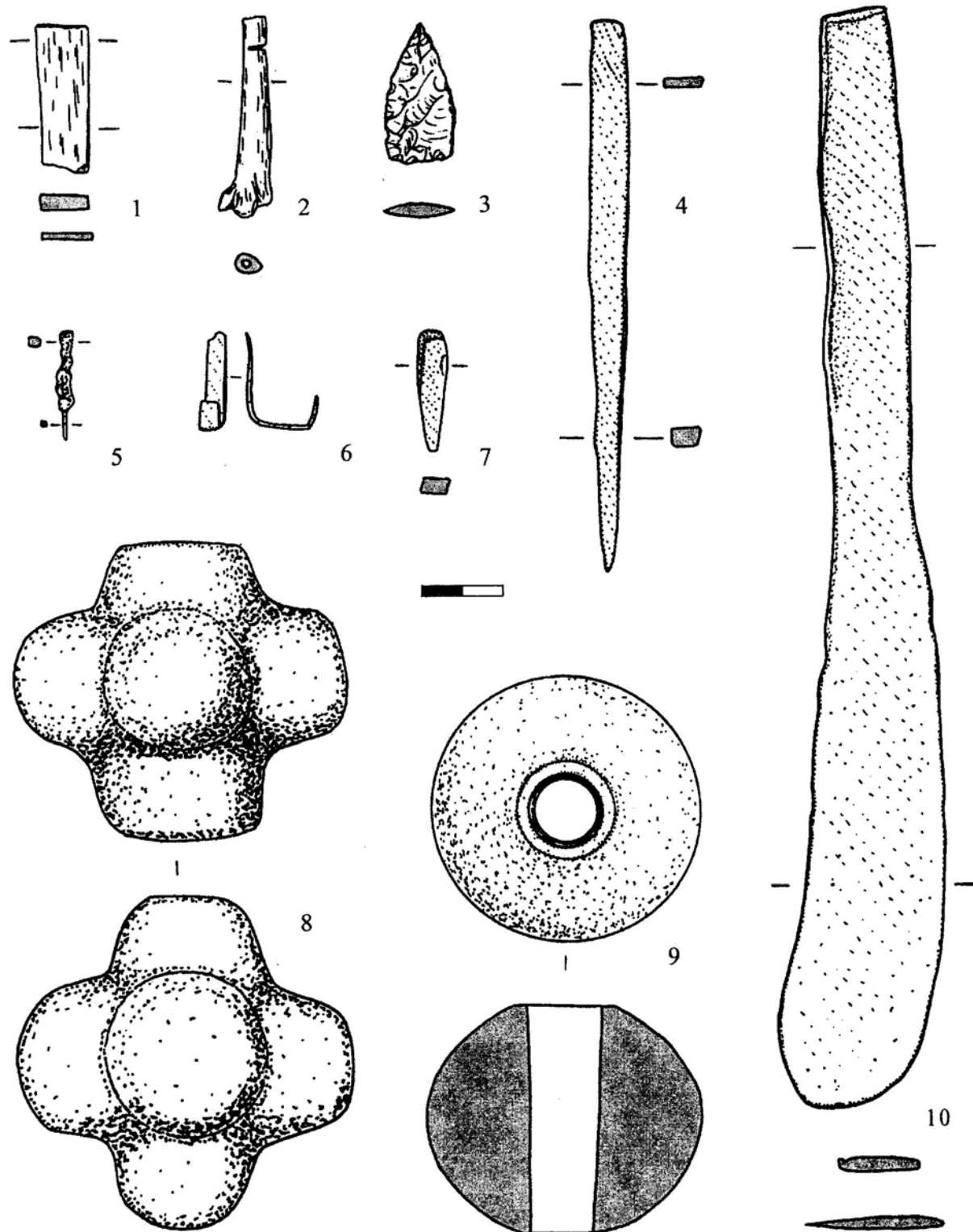

Рис.7. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-8. Погребальный инвентарь

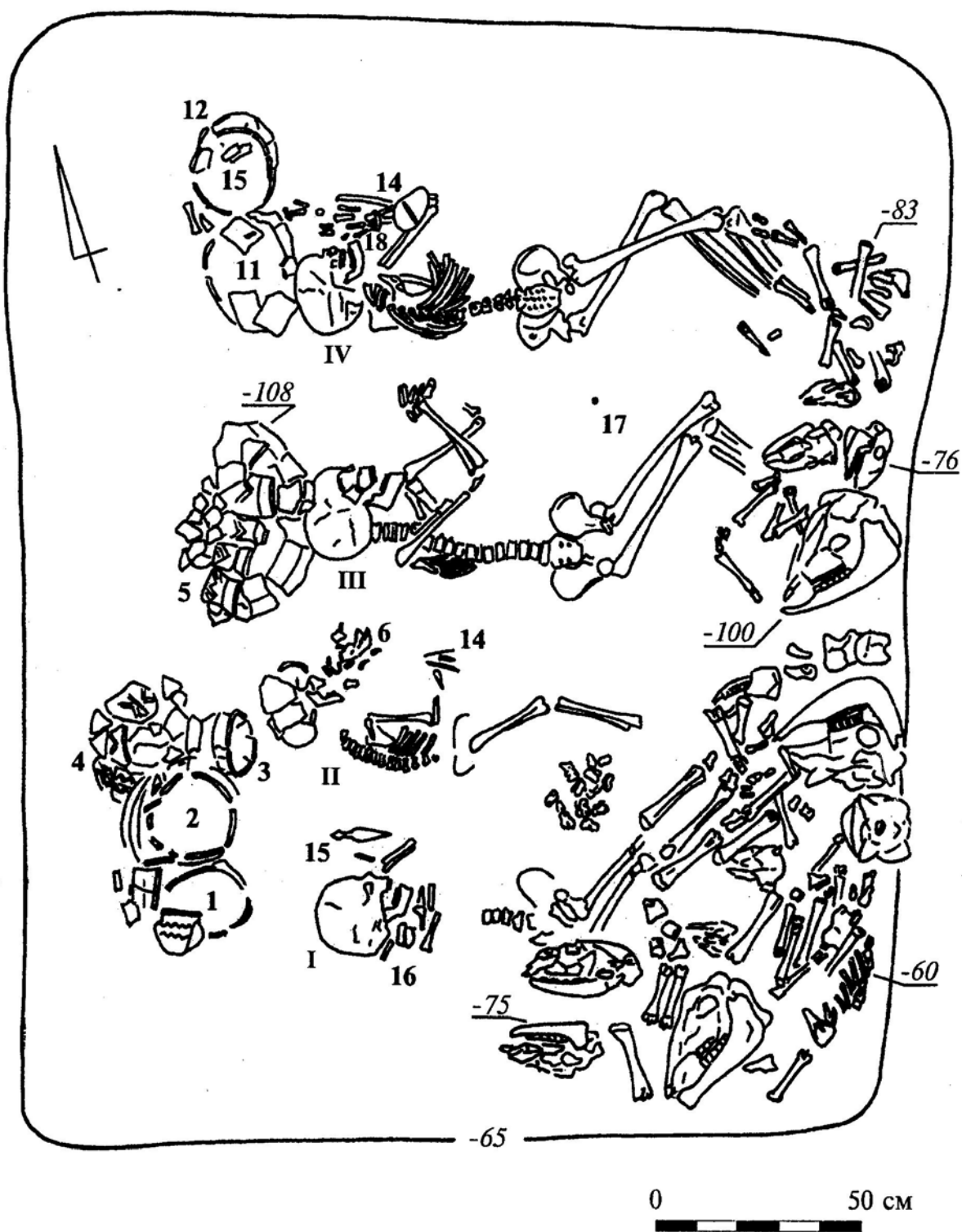

Рис.8. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-12. План придонной части и профиль:
 1—12 сосуды; 13 — серповидное орудие; 14 — нож-кинжал; 15 — тесло; 16 — шило;
 17 — браслет; 18 — бусы; 19 — клыки-амулеты; 20 — наконечники стрел; 21 — галька

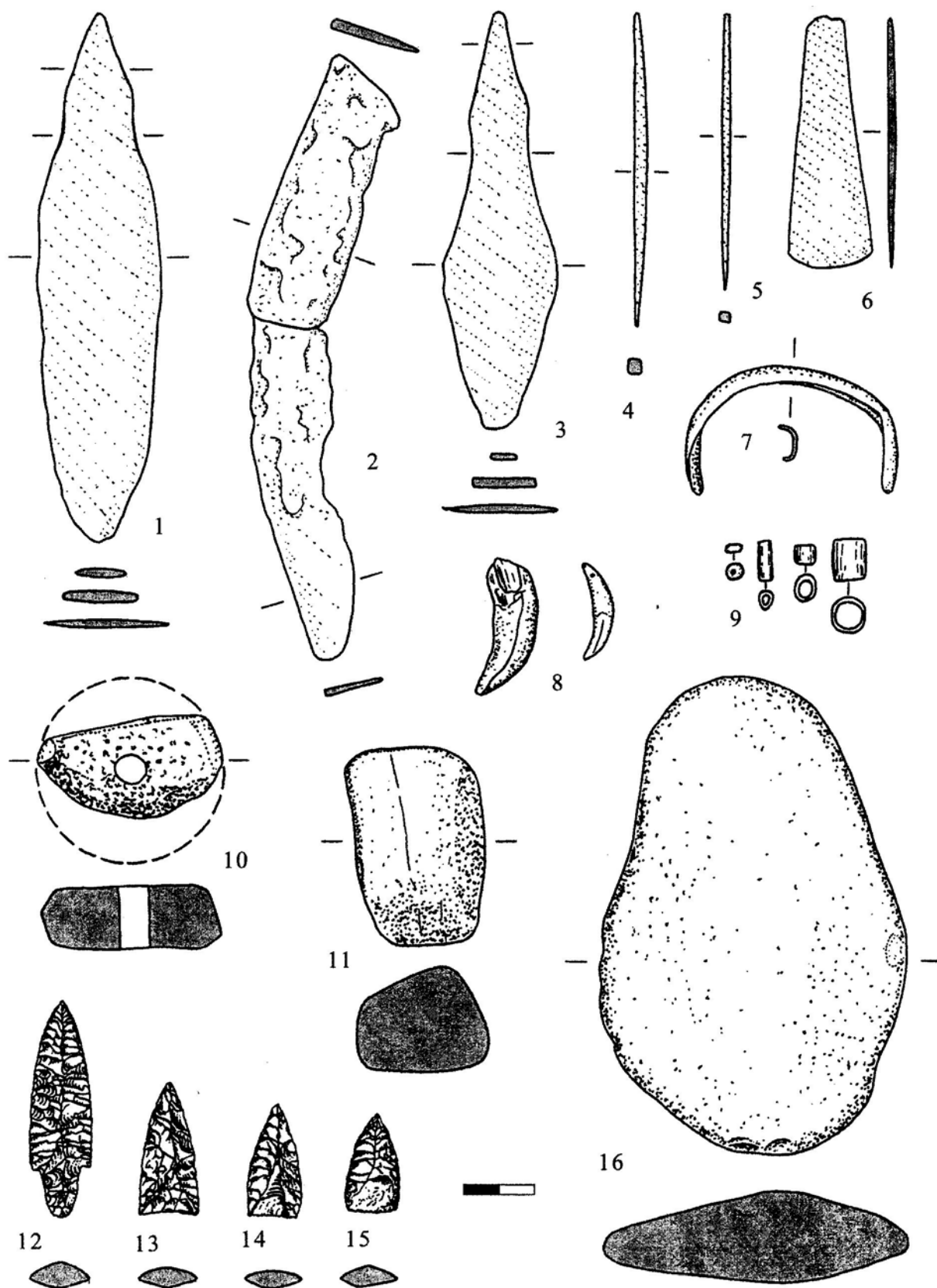

Рис.9. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-12. Погребальный инвентарь

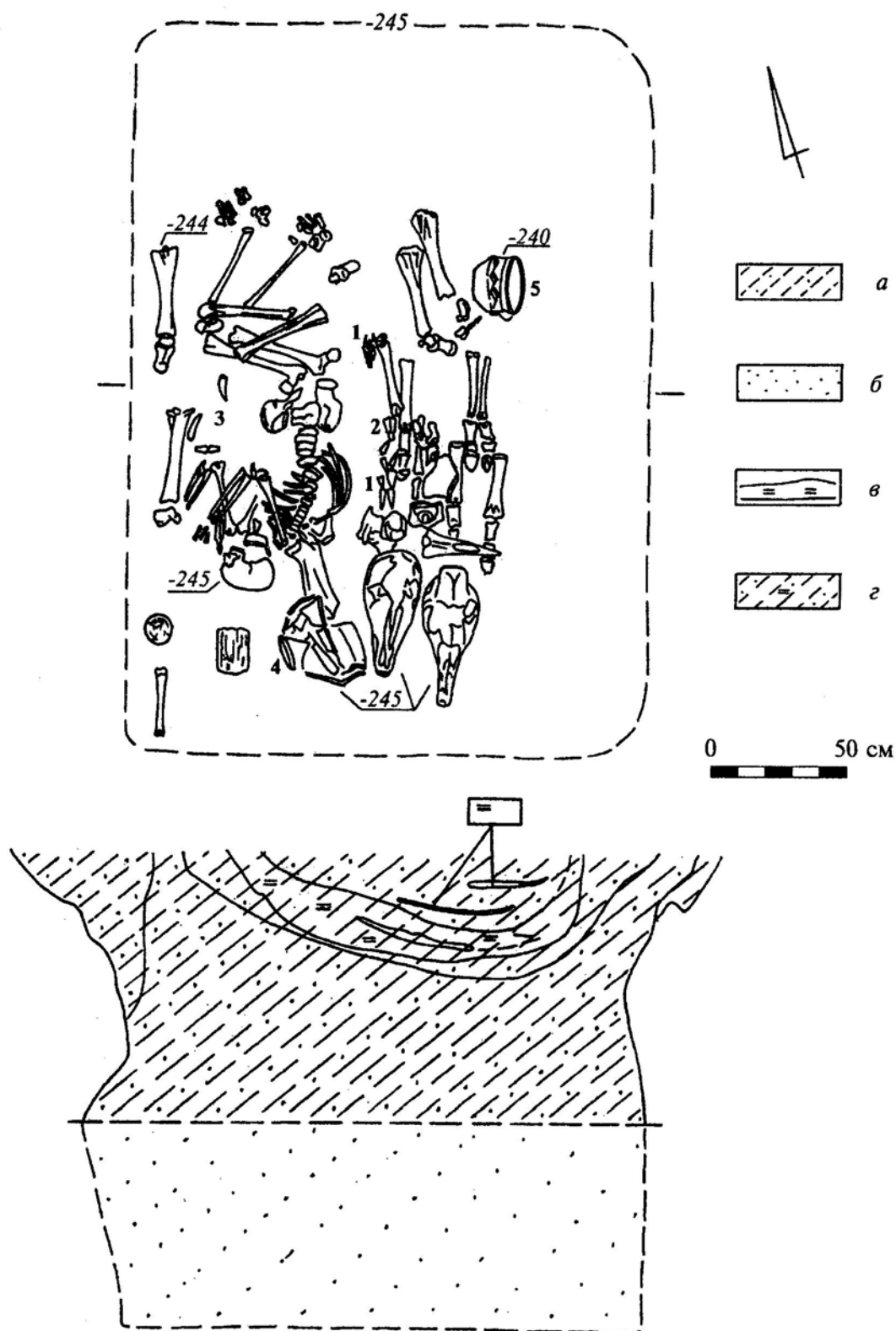

Рис. 10. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-15. План придонной части:
 1 — наконечники стрел; 2 — костяная лопаточка; 3 — детали лука; 4 — нож-кинжал;
 5 — сосуды. Условные обозначения: а — слабо гумусированная супесь; б — супесь;
 в — суглинок; г — слабо гумусированные супесь и суглинок

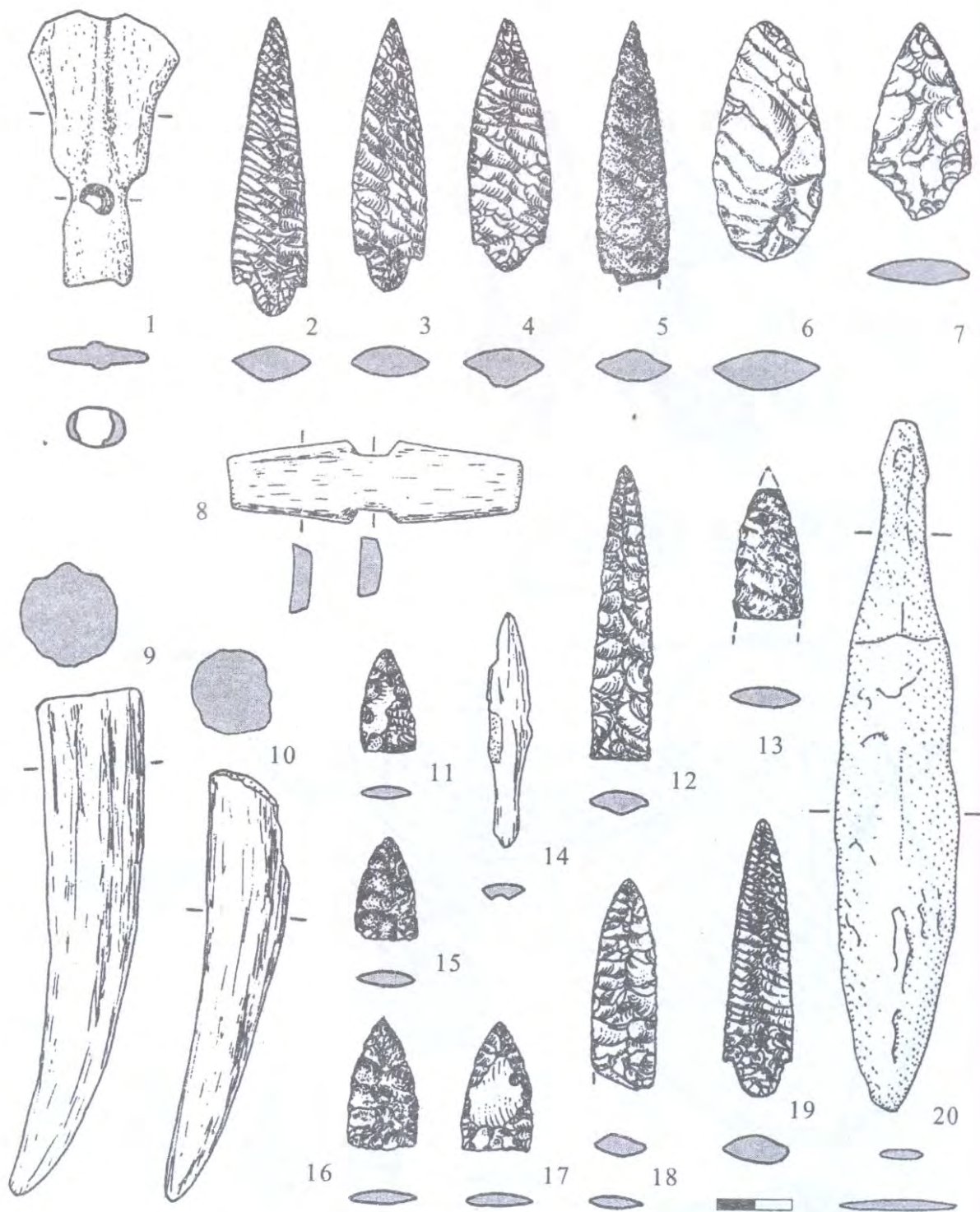

Рис.11. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-15. Погребальный инвентарь

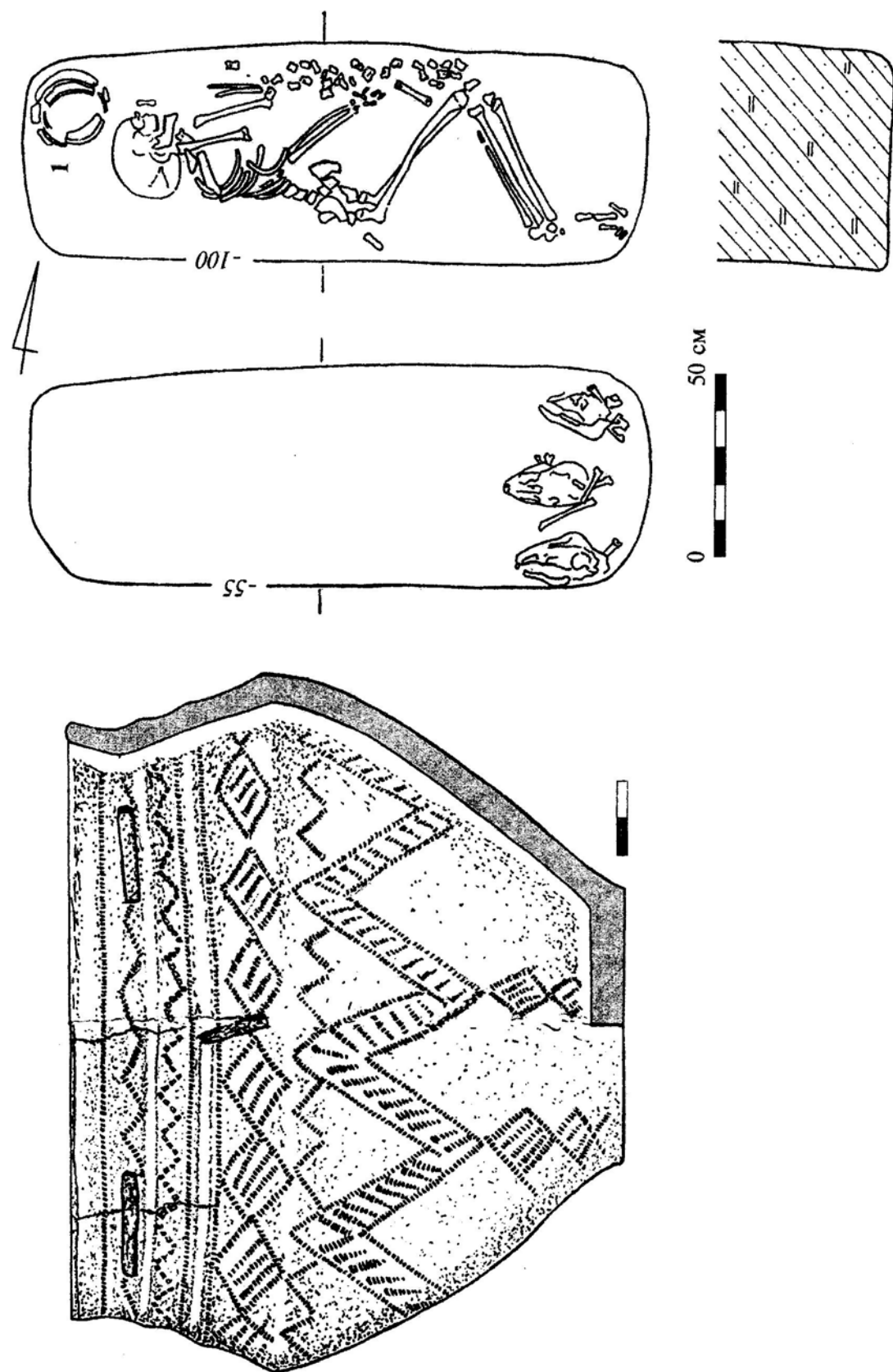

Рис. 12. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. КА-2-16. Планы, профиль и сосуд

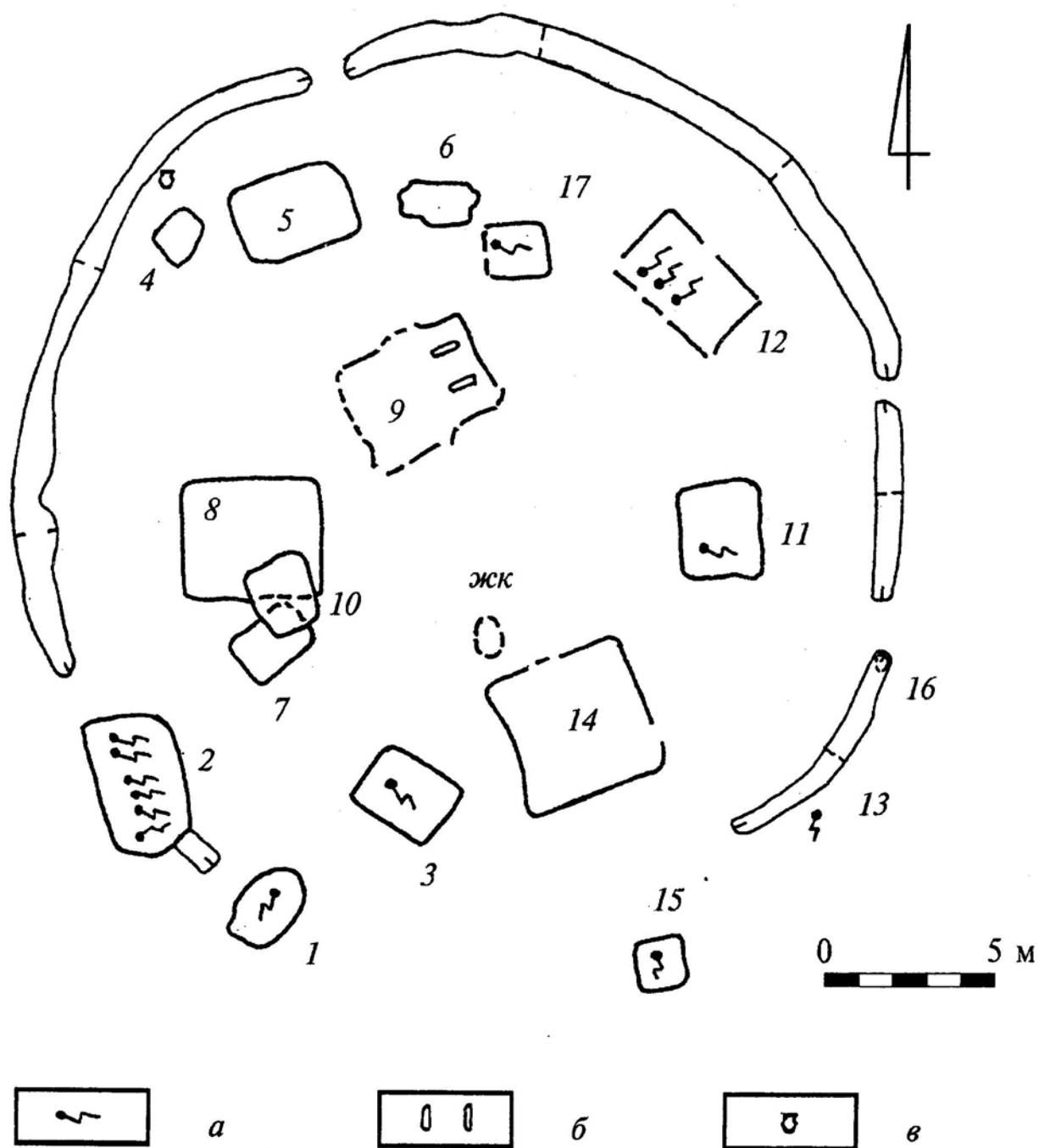

Рис. 13. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4 (КА-4). План:
а — погребенный; б — колесница; в — сосуд

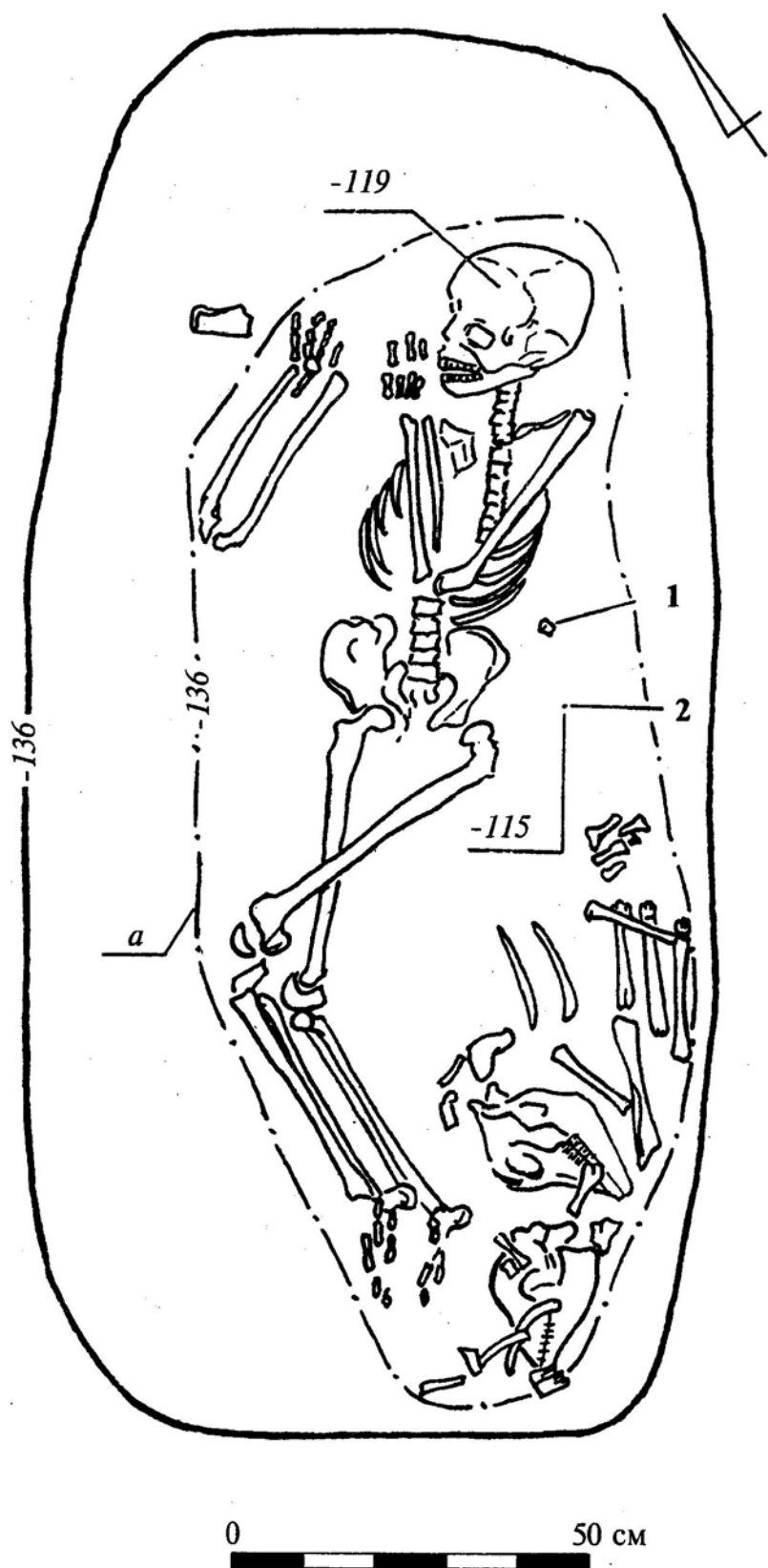

Рис. 14. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. КА-4-1. План придонной части:
1 — splеск; 2 — шило

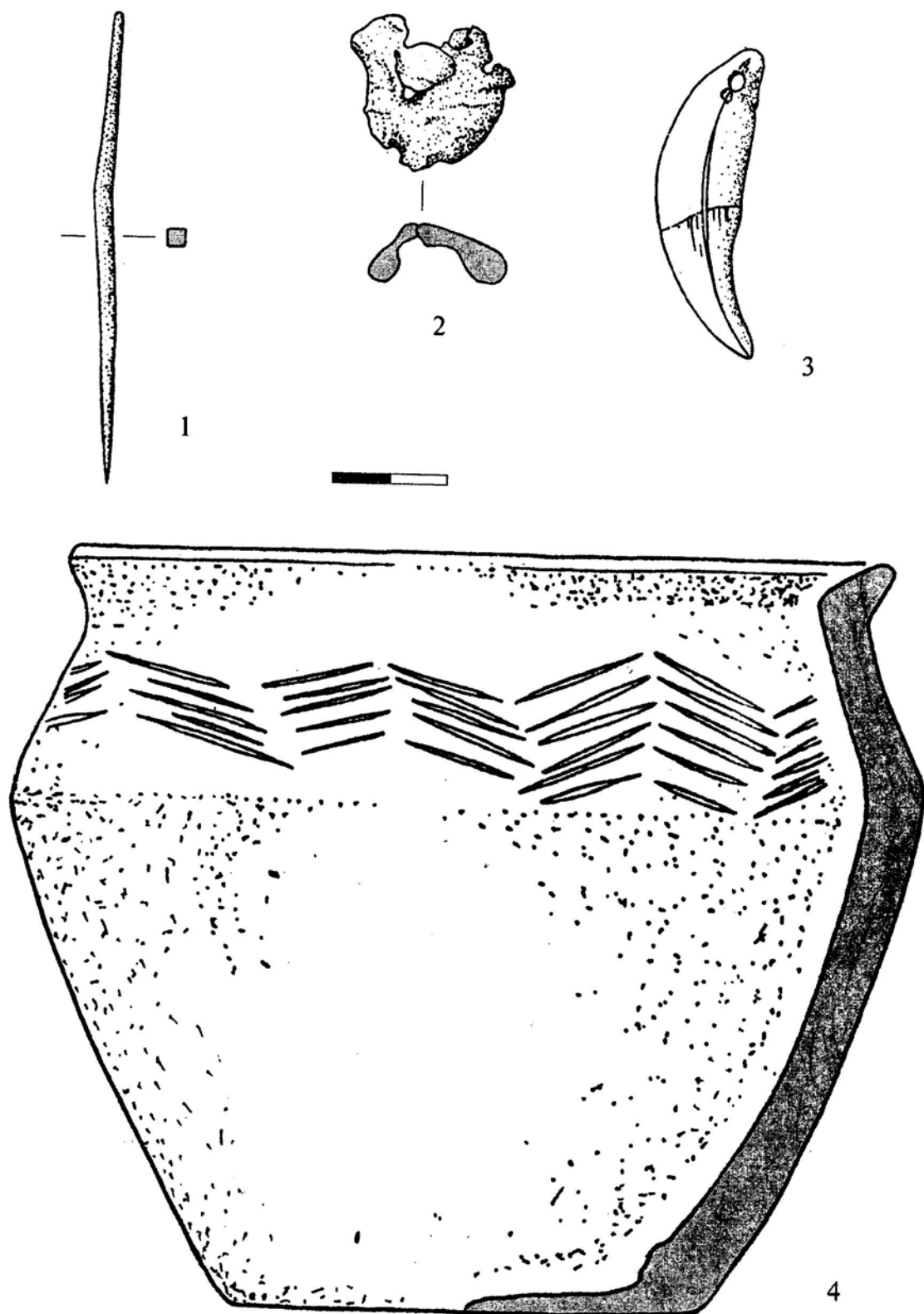

Рис. 15. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. КА-4-1. Погребальный инвентарь

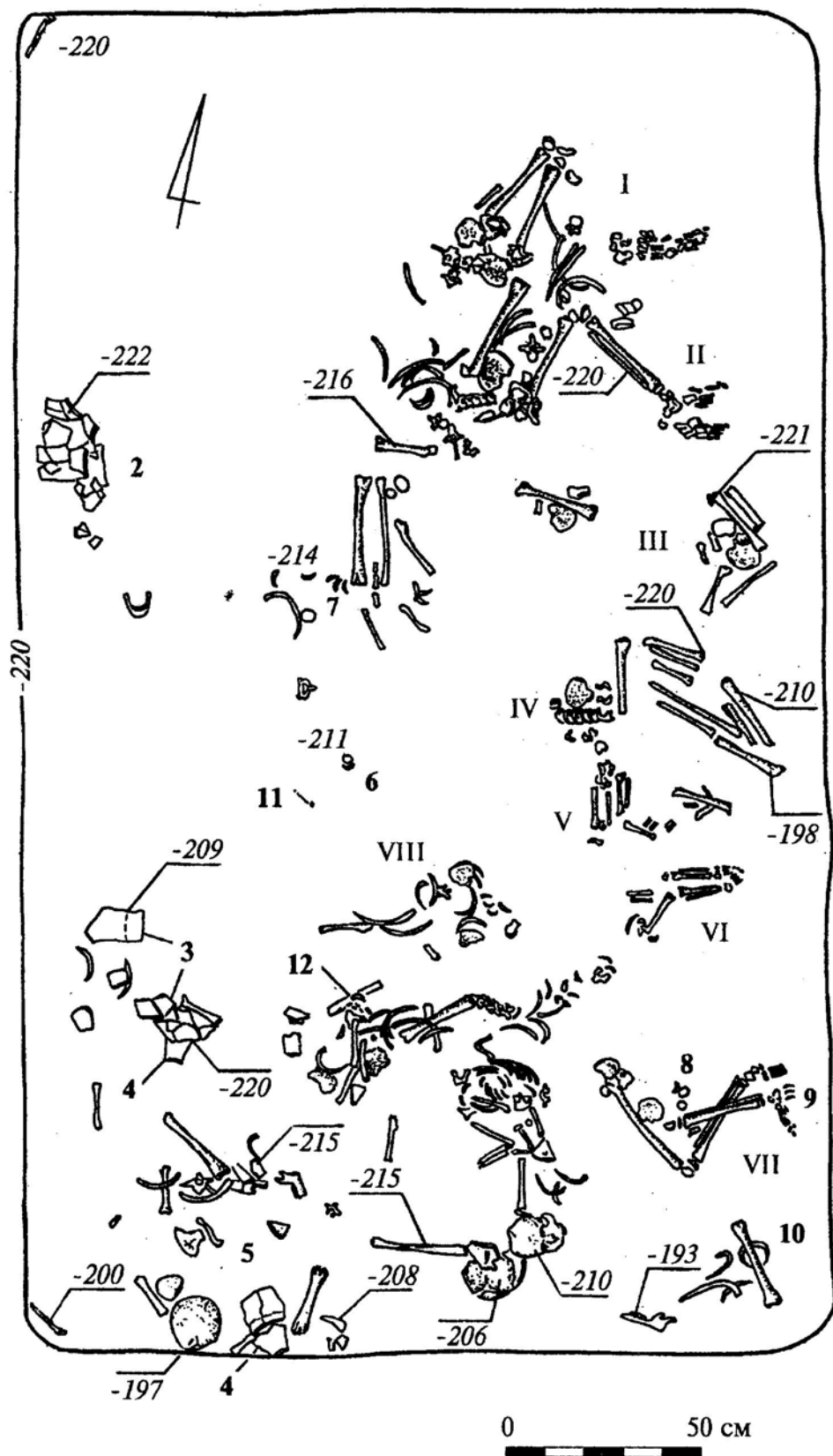

Рис. 16. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. КА-4-2. План придонной части: 1-5 — сосуды; 6 — амулеты; 7 — игла; 8 — раковины; 9 — бусы и пронизи; 10 — деревянный сосуд; 11 — низка бус; 12 — пронизи, клык, бронзовая бляшка

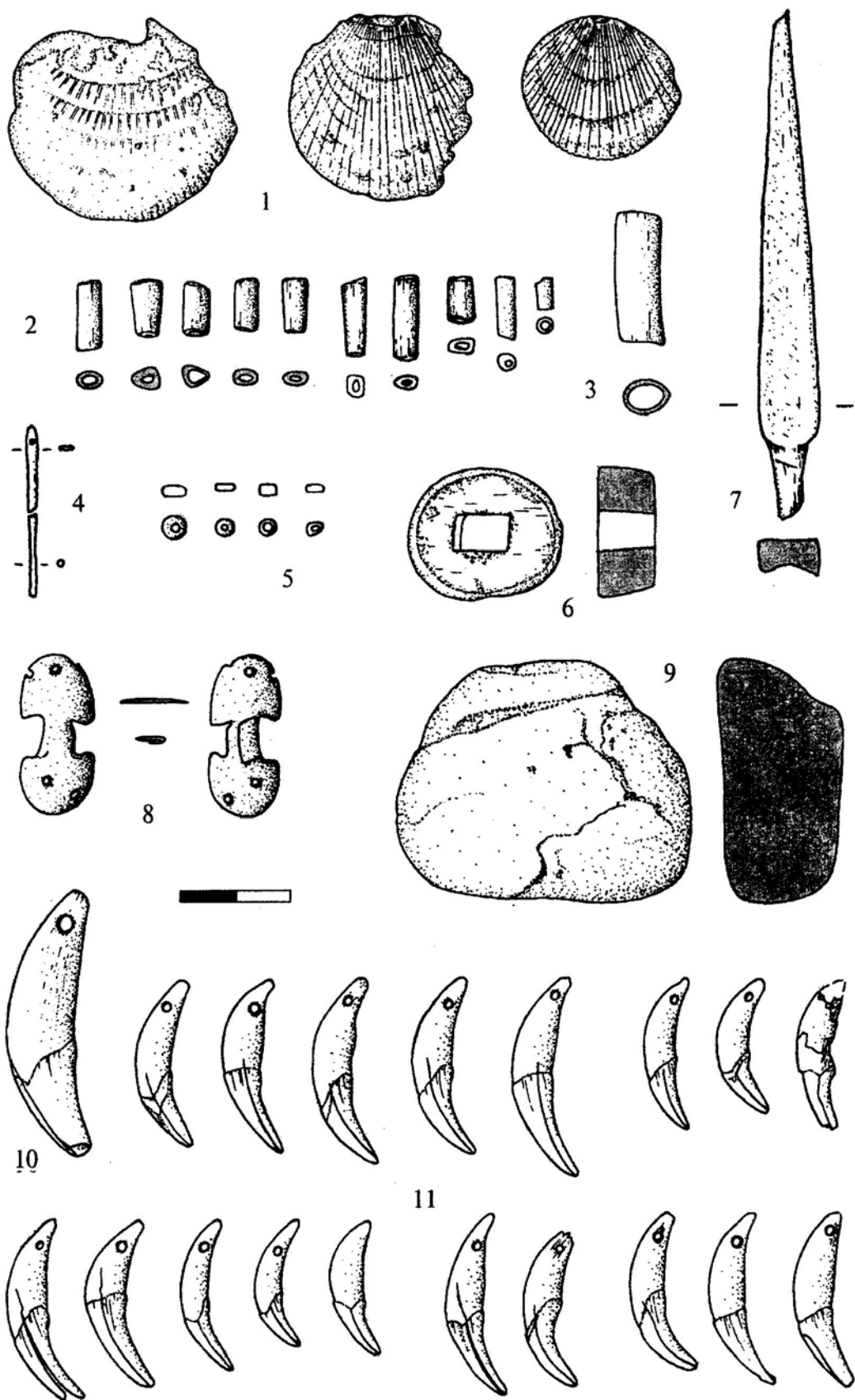

Рис. 17. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. КА-4-2. Погребальный инвентарь

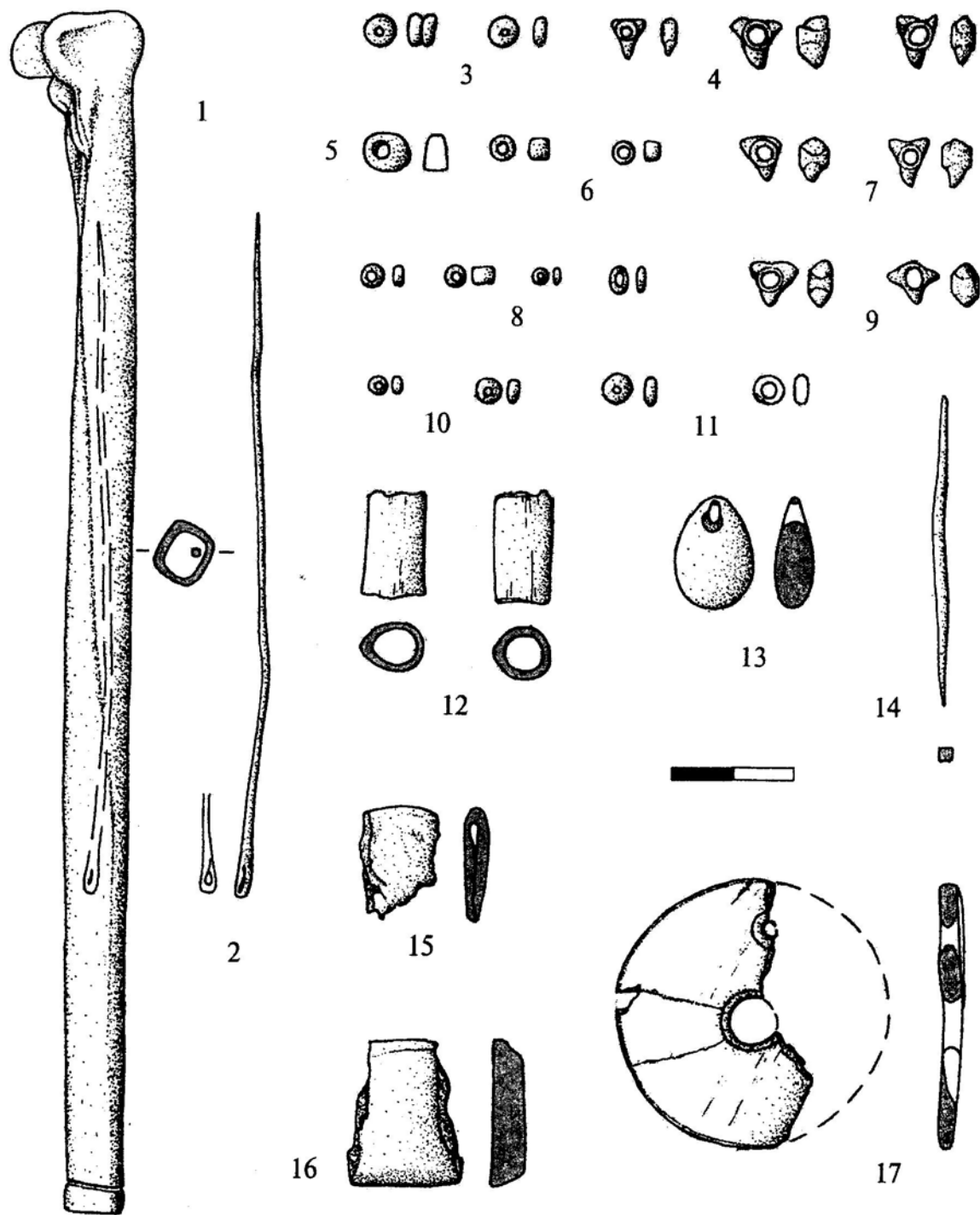

Рис. 18. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. КА-4-3. Погребальный инвентарь

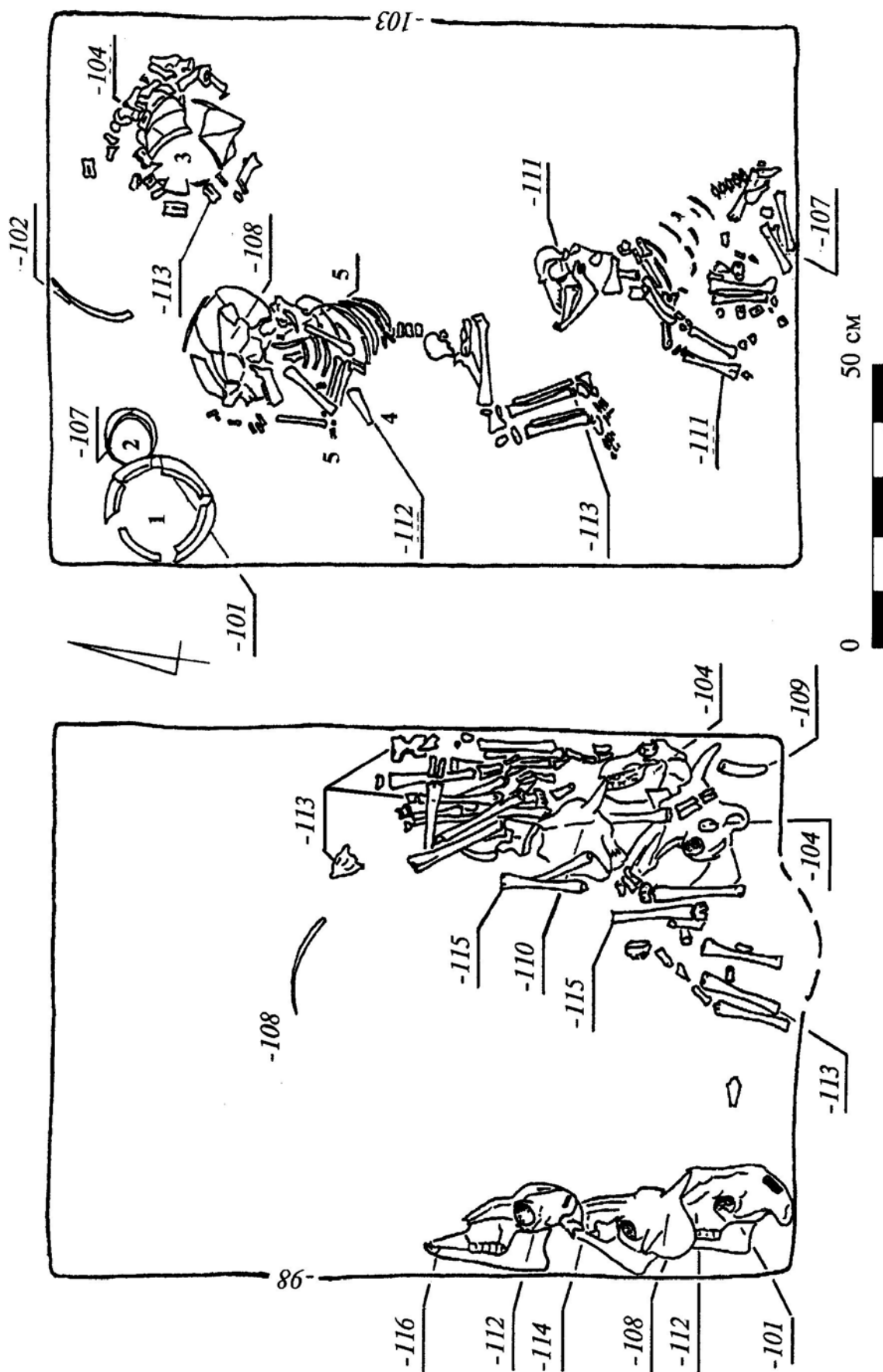

Рис. 19. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4, КА-4-15. План придонной части:
1—3 — сосуды; 4 — тело; 5 — бусы

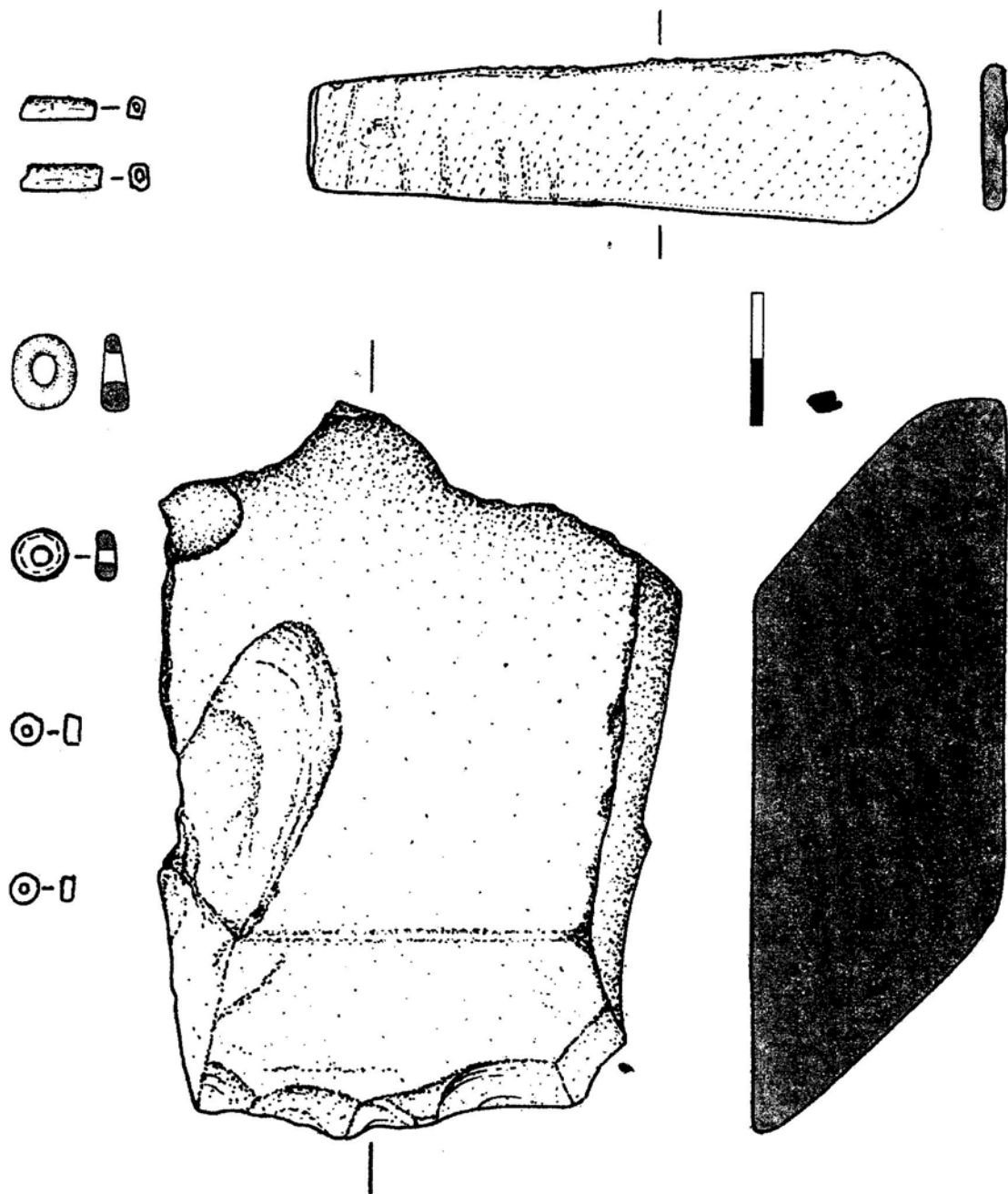
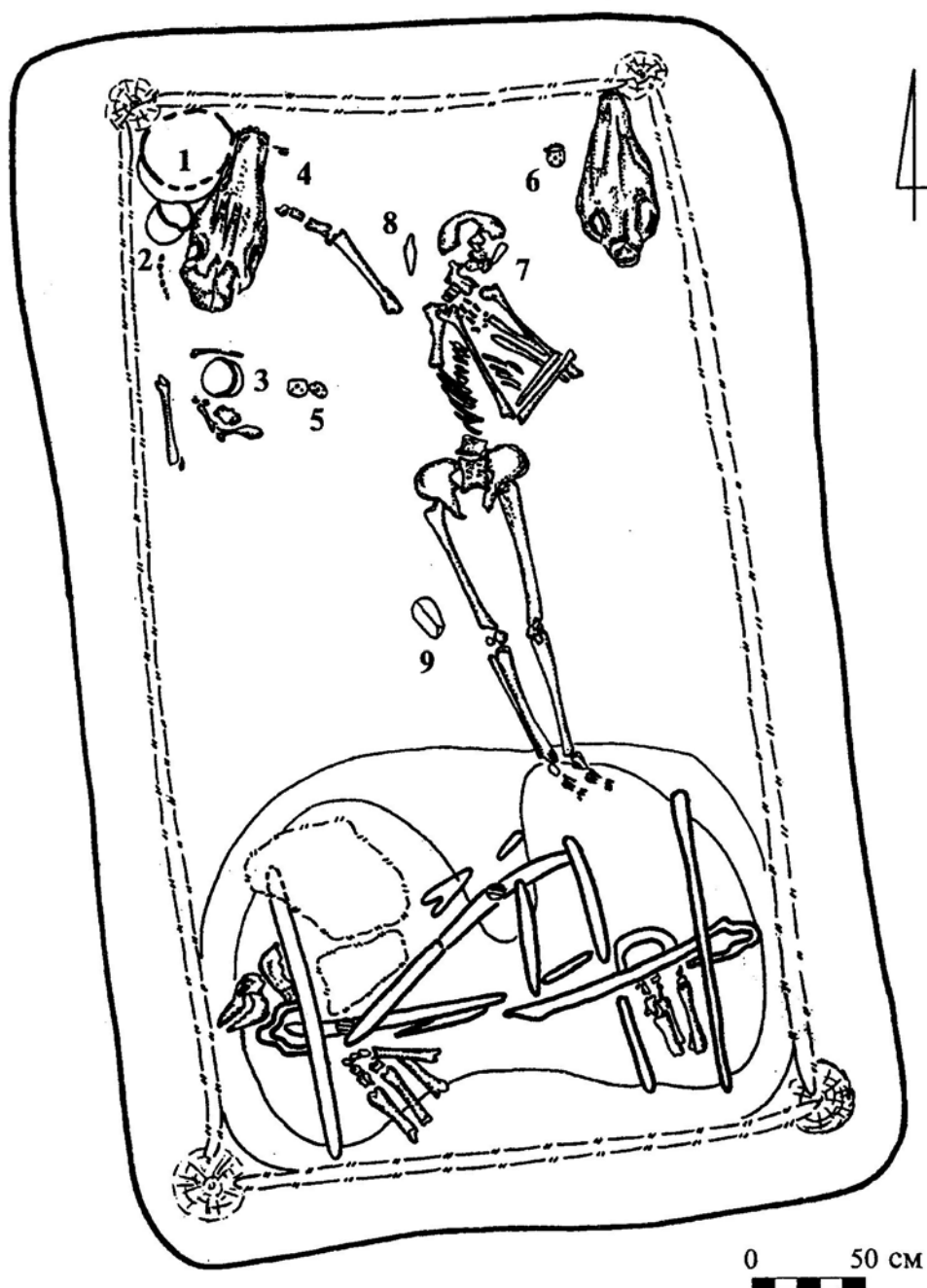
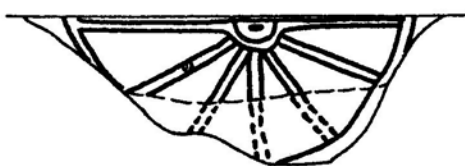
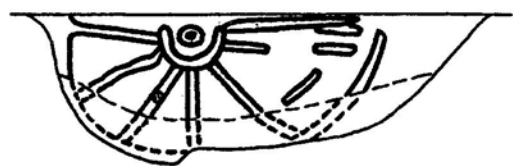

Рис. 20. Могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. КА-4-15. Погребальный инвентарь

4

0 50 cm

0 25 cm

Рис. 21. Могильник Кривое Озеро. Курган 9. МКО-9-1. План и разрезы колес:
 1–3 – сосуды; 4 – наконечник стрелы; 5–6 – псалии; 7 – тесло; 8 – нож-кинжал;
 9 – пест (по Antony & Vinogradov, 1995)

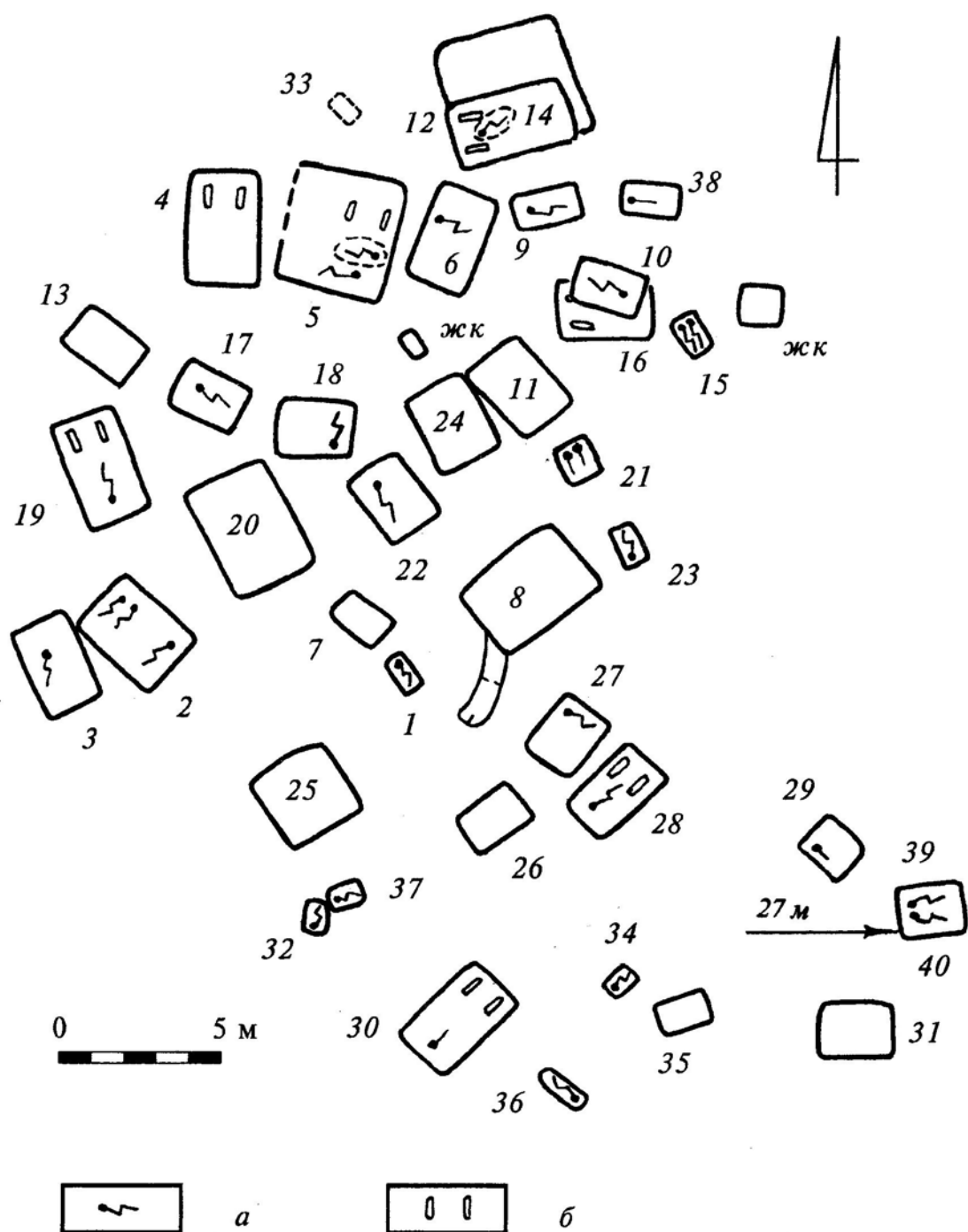

Рис. 22. Могильник Синташта. СМ. План:
а — погребенный; б — колесница (по Генинг В. Ф. и др., 1992)

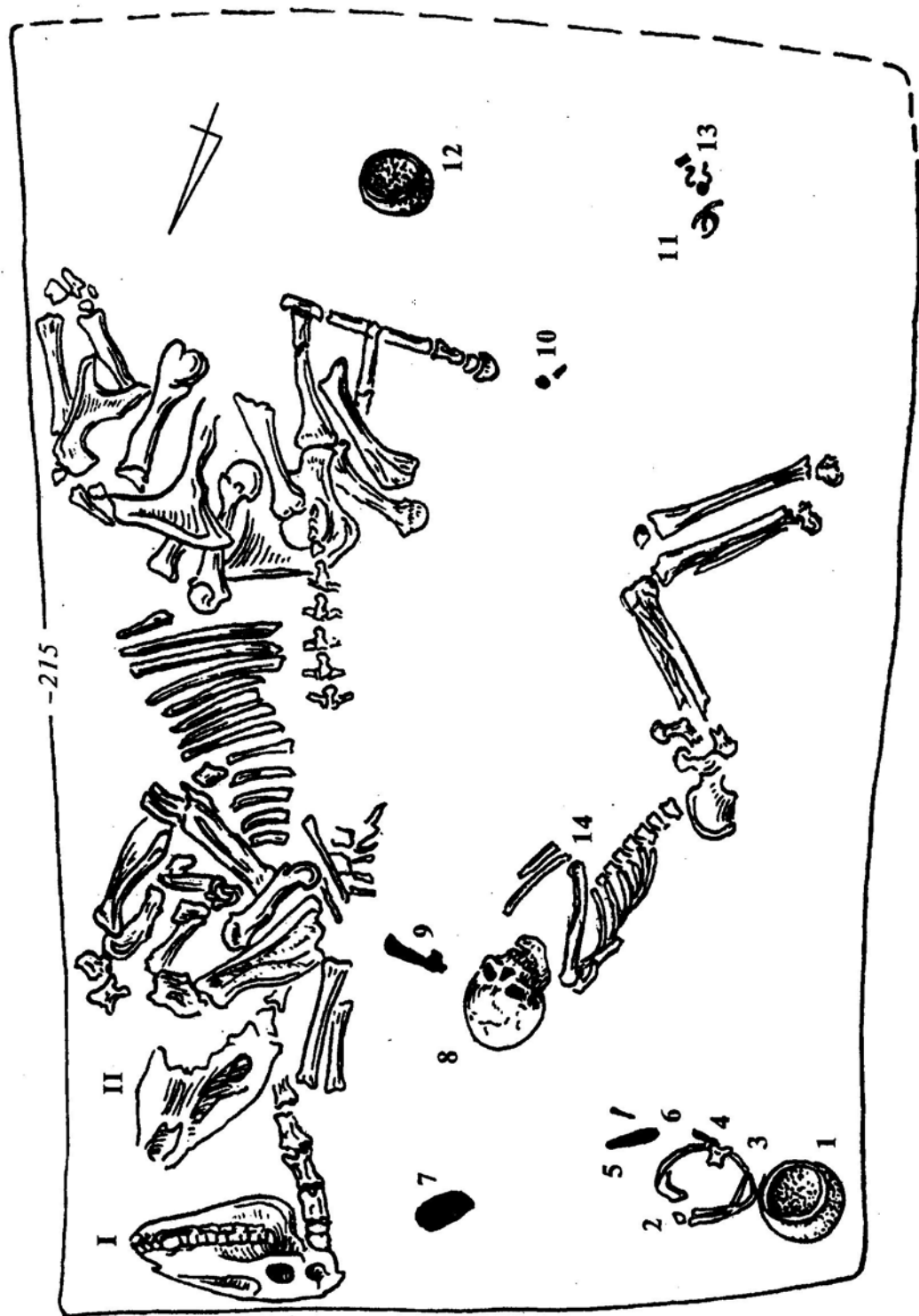

Рис. 23. Могилиник Синташта. СМ-3. План:

1-2, 12 - сосуды; 4 - костяной кружок; 5 - нож-кинжал; 6 - шило; 7 - точильный брусок; 8 - фрагмент бронзового изделия; 9 - вислобушный топор; 10-11 - наконечники стрел; 13 - медный гвоздик; 14 - клыки-амулеты
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

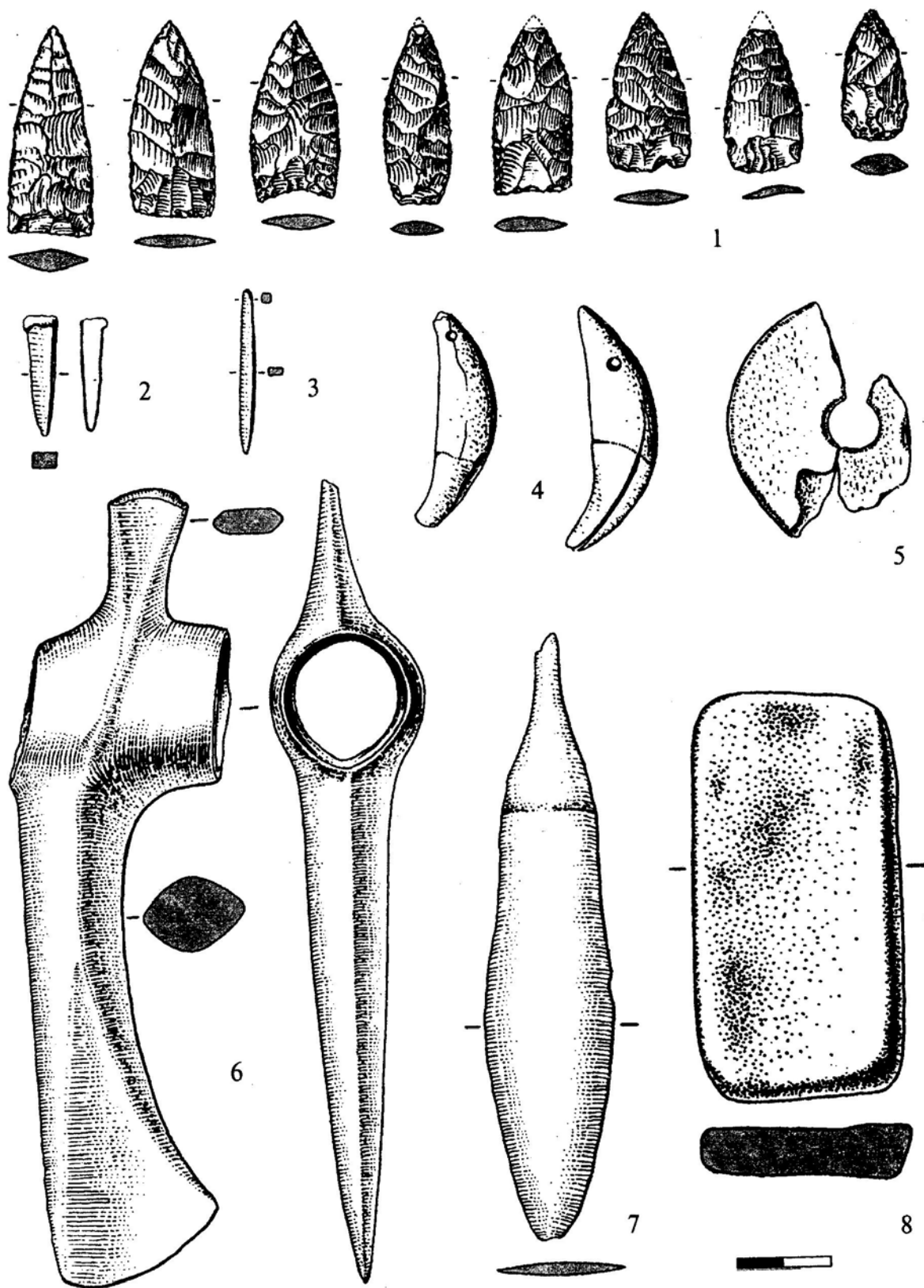

Рис.24. Могильник Синташта. СМ-3. Погребальный инвентарь
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

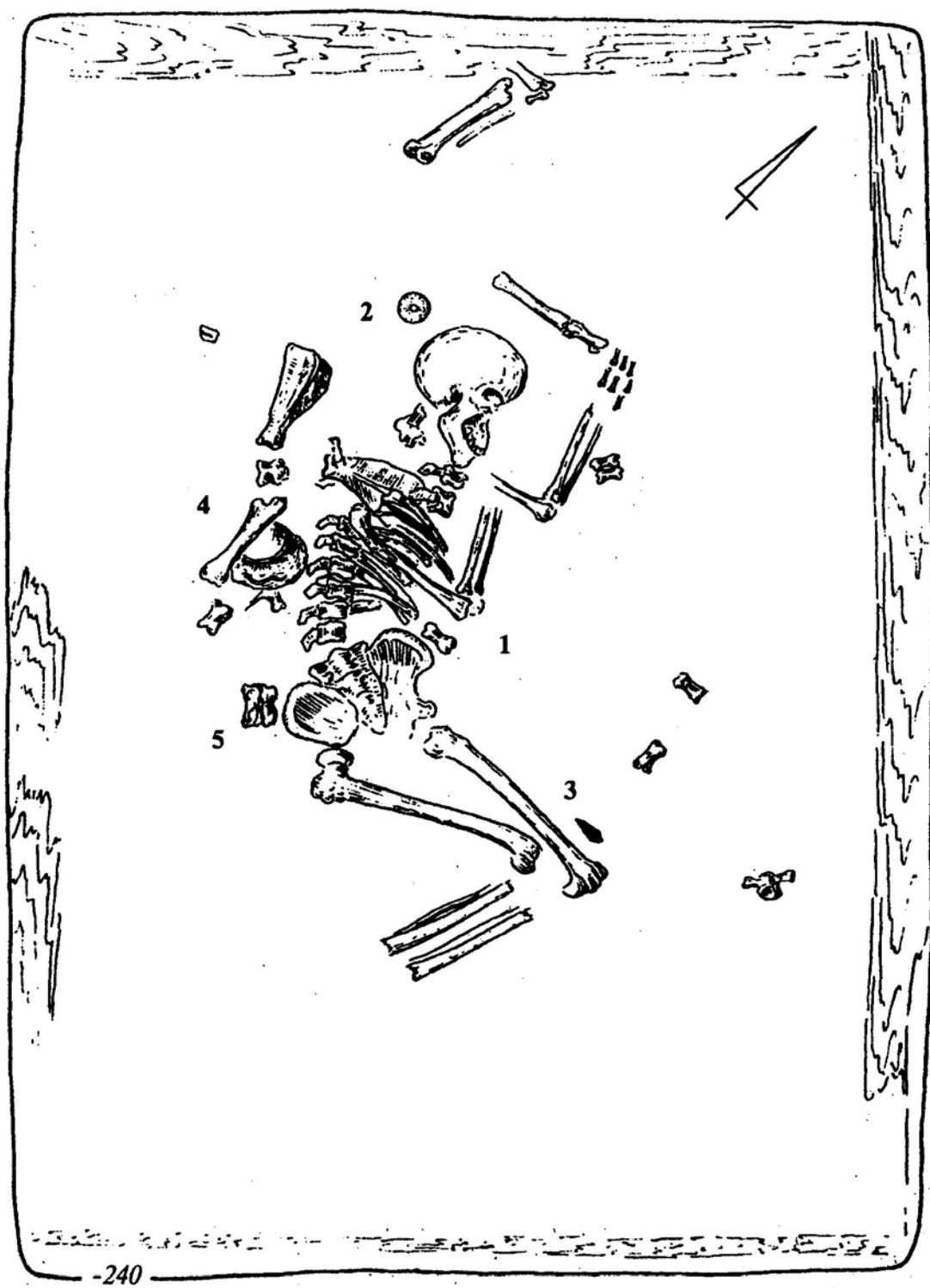

Рис. 25. Могильник Синташта. СМ-22. План придонной части:
 1 — нагрудник; 2 — пряслище; 3 — наконечник стрелы; 4 — сосуд;
 5 — шило и кристаллы горного хрусталя
 (по Генинг В. Ф. и др., 1992)

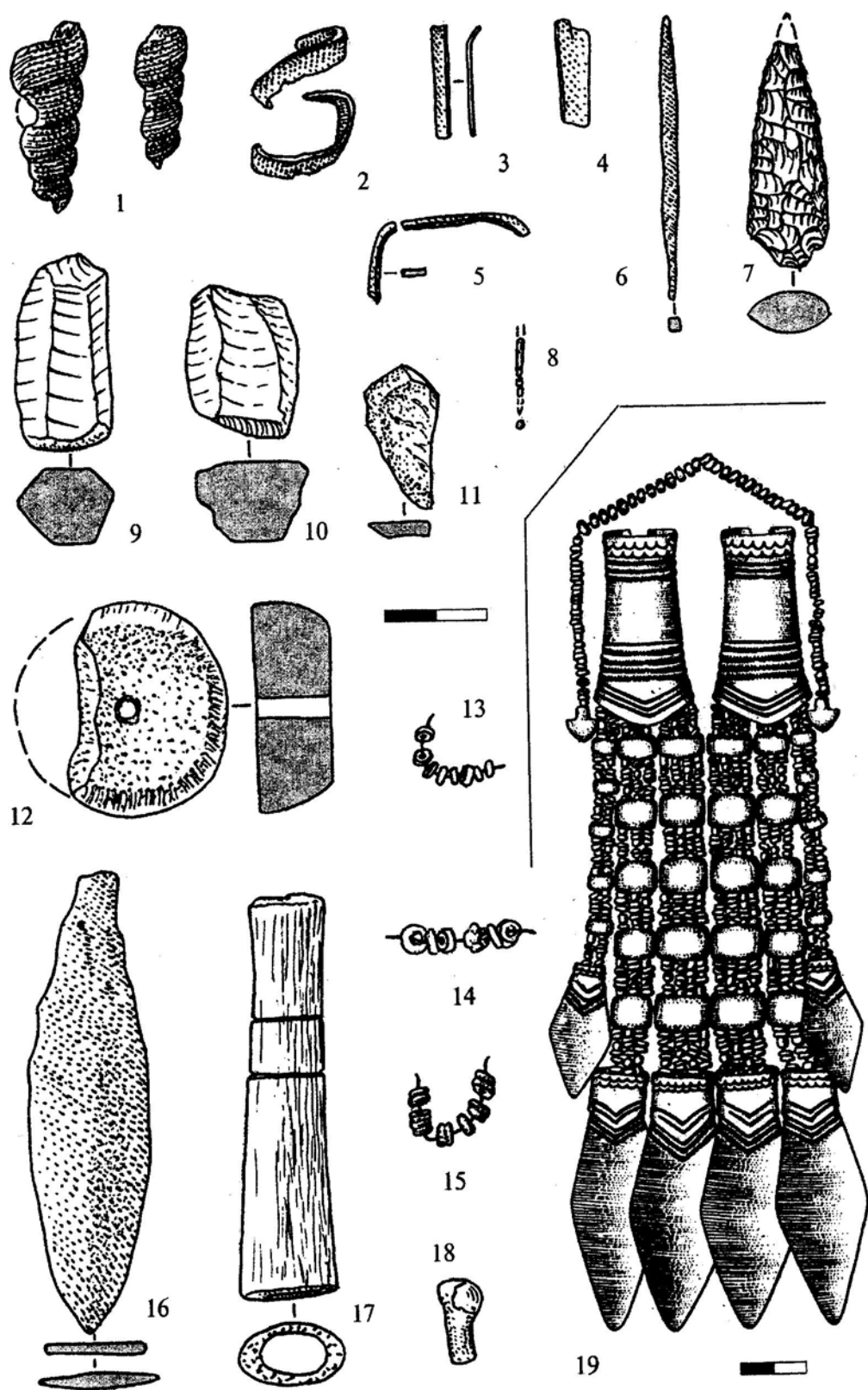

Рис. 26. Могильник Синташта. СМ-22. Погребальный инвентарь
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

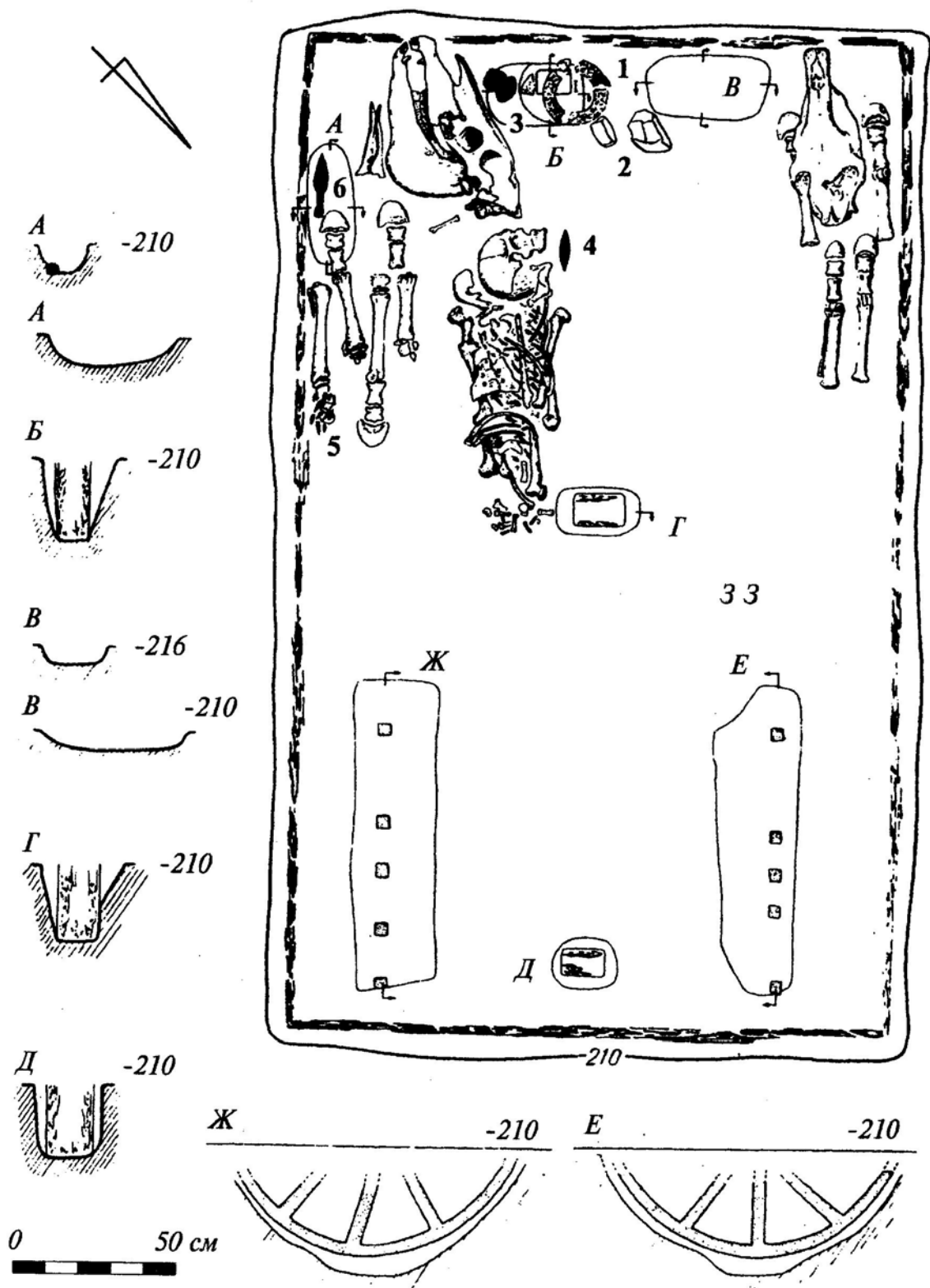

Рис.27. Могильник Синташта. СМ-30. План придонной части:
 1 — сосуд; 2 — пест и «наковальня»; 3 — псалы; 4 — нож-кинжал;
 5 — наконечники стрел; 6 — наконечник копья
 (по Генинг В. Ф. и др., 1992)

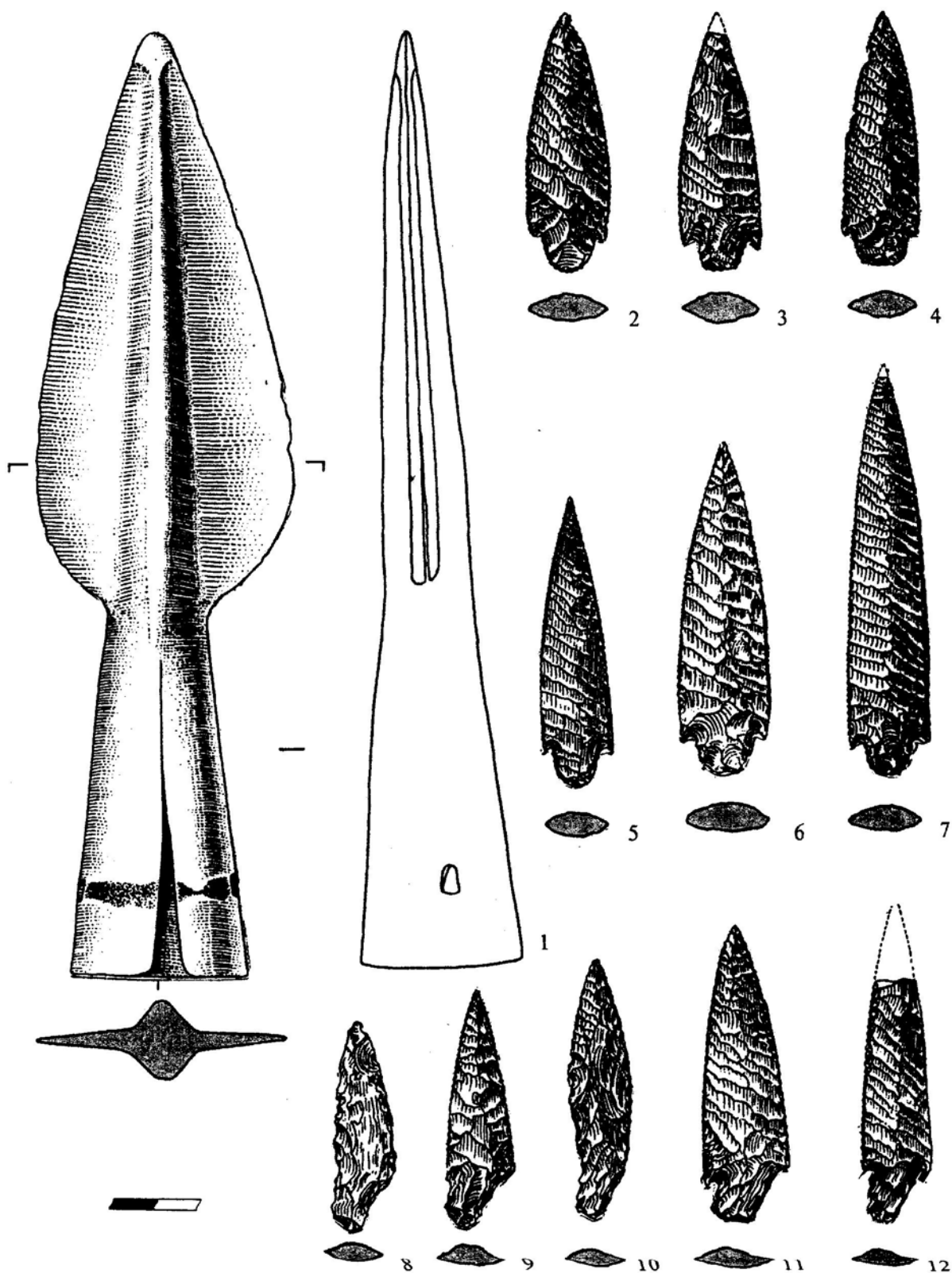

Рис. 28. Могильник Синташта. СМ-30. Погребальный инвентарь
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

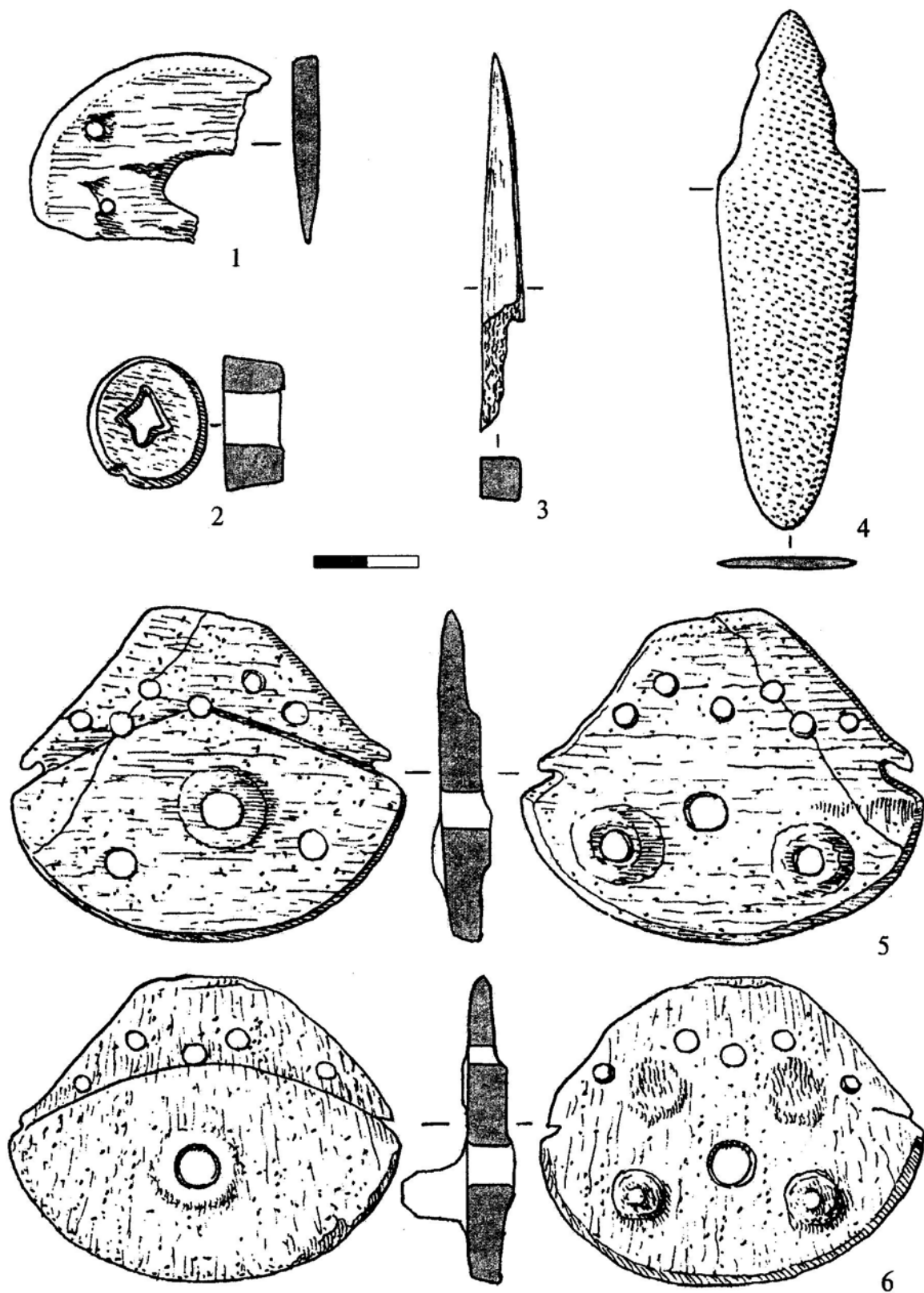

Рис. 29. Могильник Синташта. СМ-30. Погребальный инвентарь
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

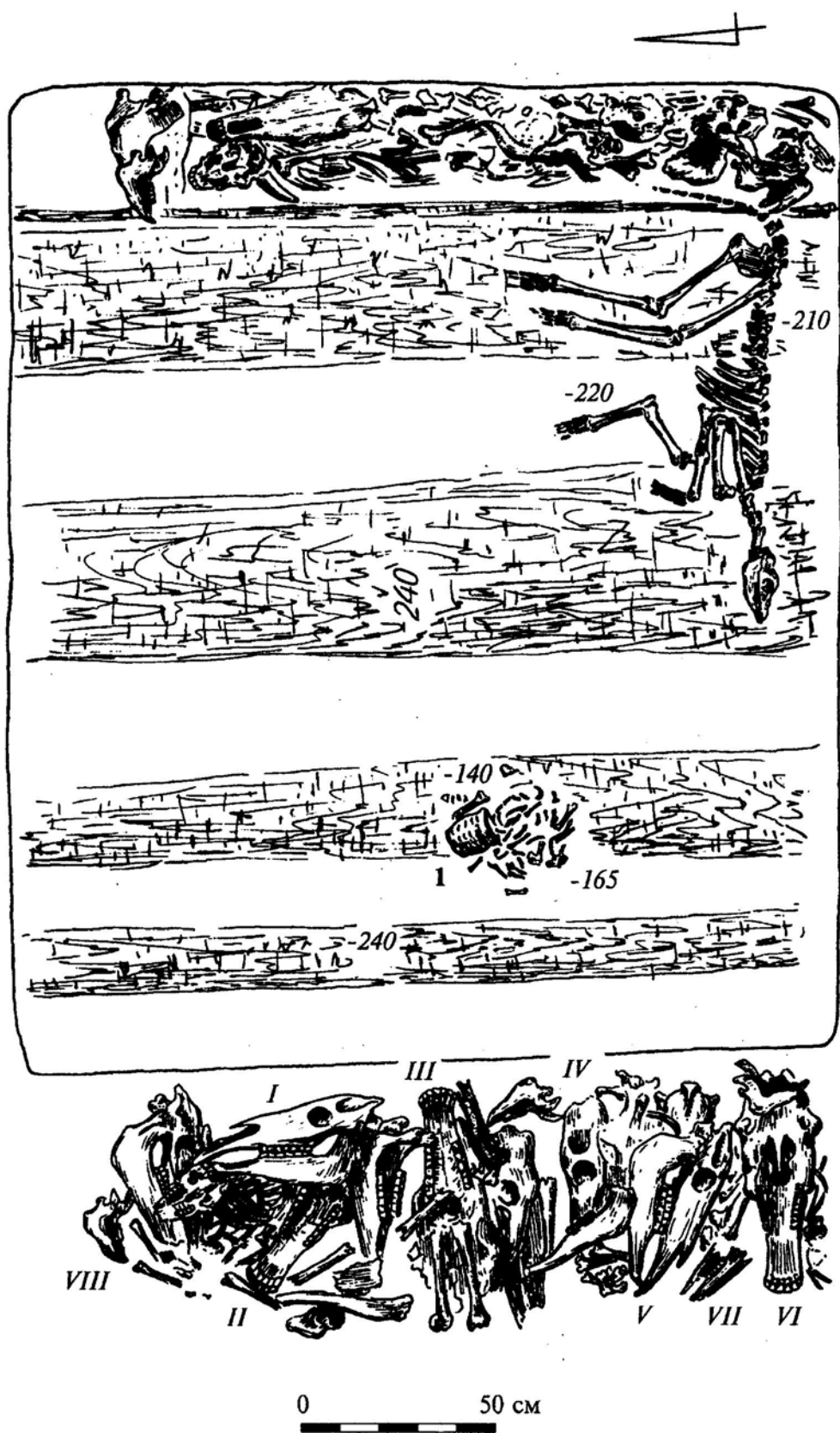

Рис. 30. Могильник Синташта. СМ-39. План перекрытия
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

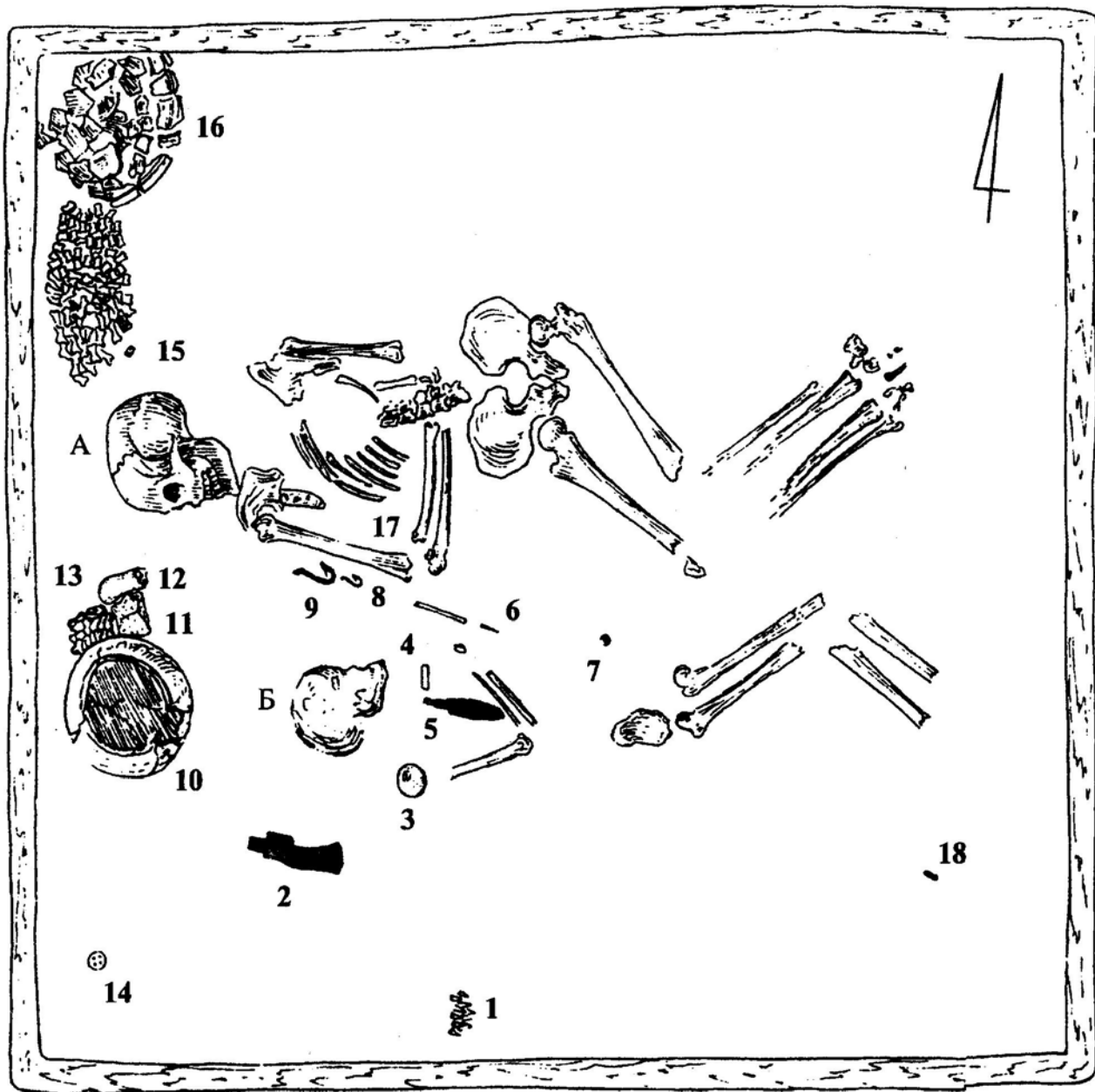

Рис.31. Могильник Синташта. СМ-39. План:

- 1 — наконечники стрел; 2 — топор; 3 — навершие булавы; 4 — подвеска;
 5, 17 — ножи-кинжалы; 6-7 — перстни; 8-9 — крючки; 10 — сосуд; 11-12 — пест и плита;
 13-14 — псалии; 15 — тесло; 16 — сосуд; 18 — медные гвоздики
 (по Генинг В. Ф. и др., 1992)

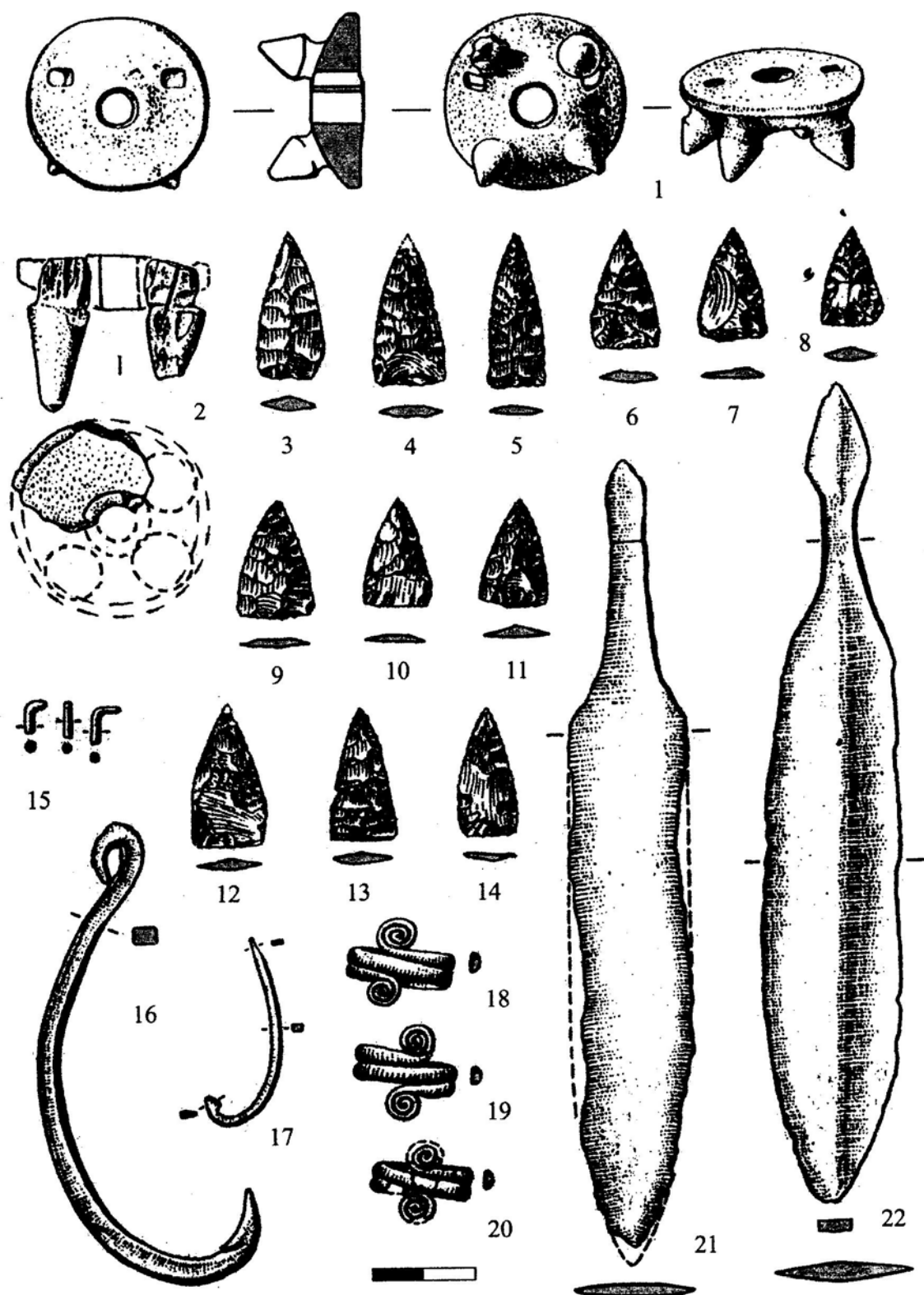

Рис. 32. Могильник Синташта. СМ-39. Погребальный инвентарь
(по Геннинг В. Ф. и др., 1992)

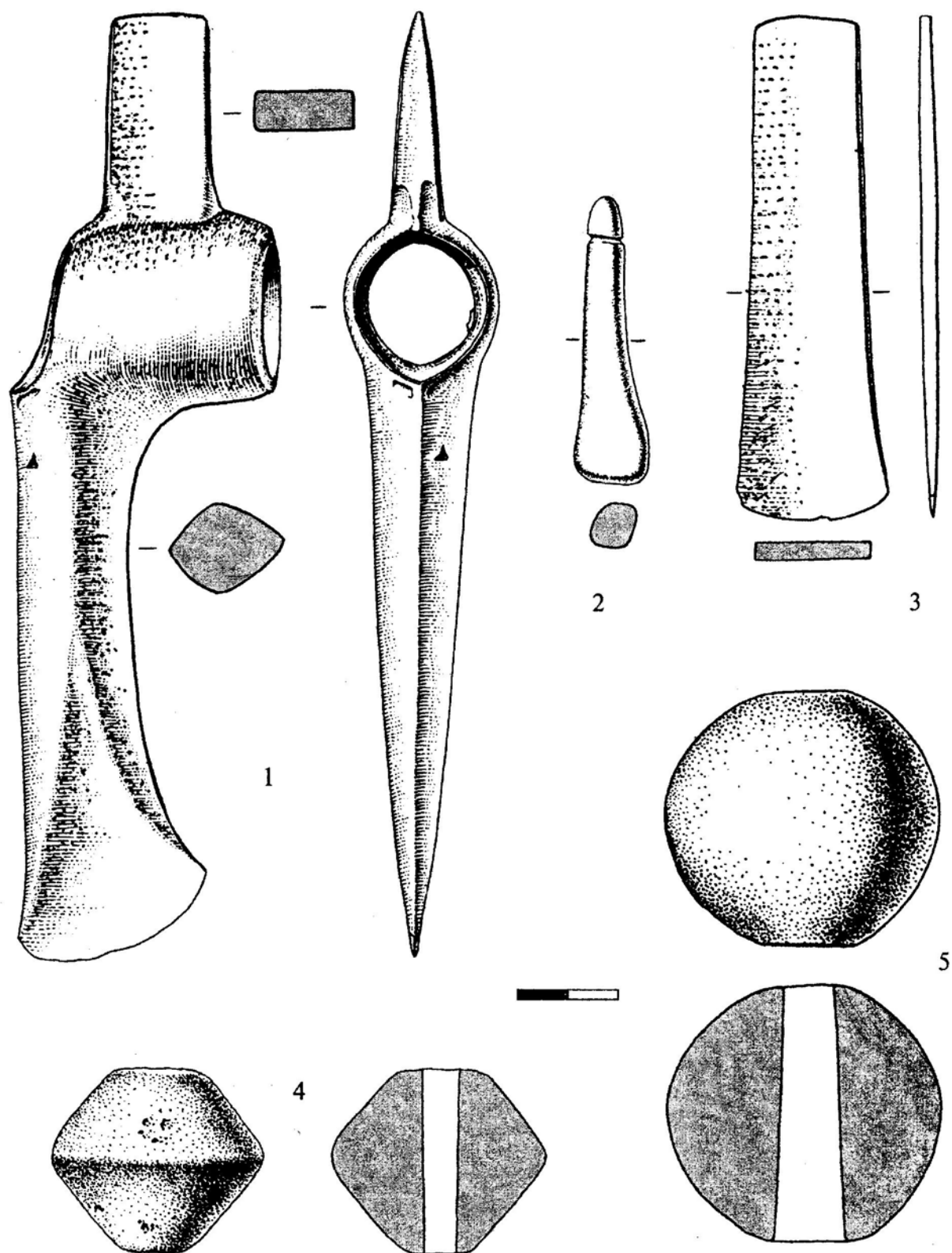

Рис. 33. Могильник Синташта. СМ-39. Погребальный инвентарь
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

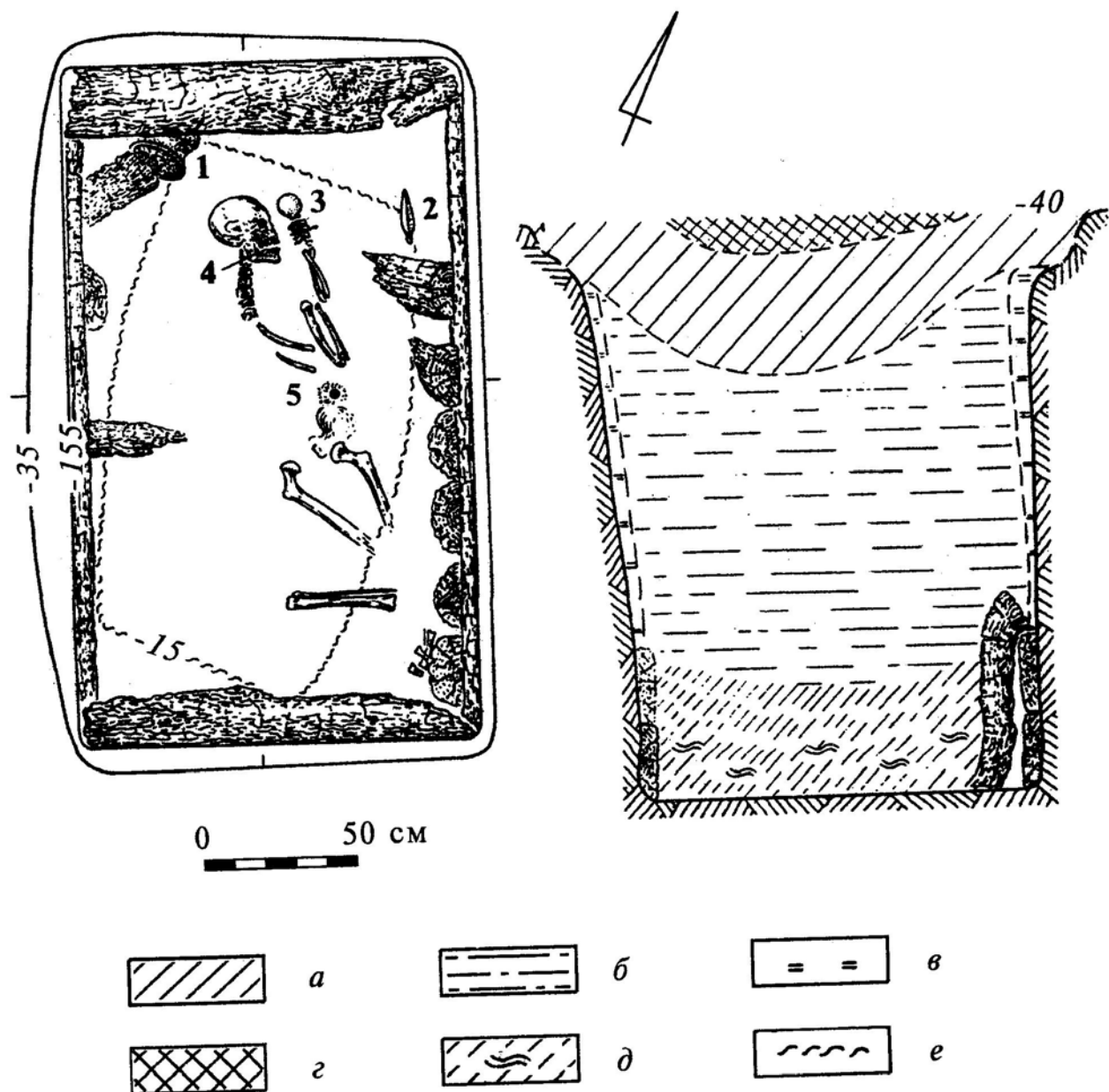

Рис. 34. Могильник Синташта. CI-5. План и профиль.
 1 — сосуд; 2 — нож-кинжал; 3 — навершие булавы; 4 — наконечник стрелы; бронзовое кольцо.
 Условные обозначения: а — темно-серая гумусированная супесь; б — светло-желтый суглинок;
 в — светло-желтая глина; г — гумусированная супесь;
 д — гумусированный суглинок с древесным тленом; е — граница органического тлена
 (по Генинг В. Ф. и др., 1992)

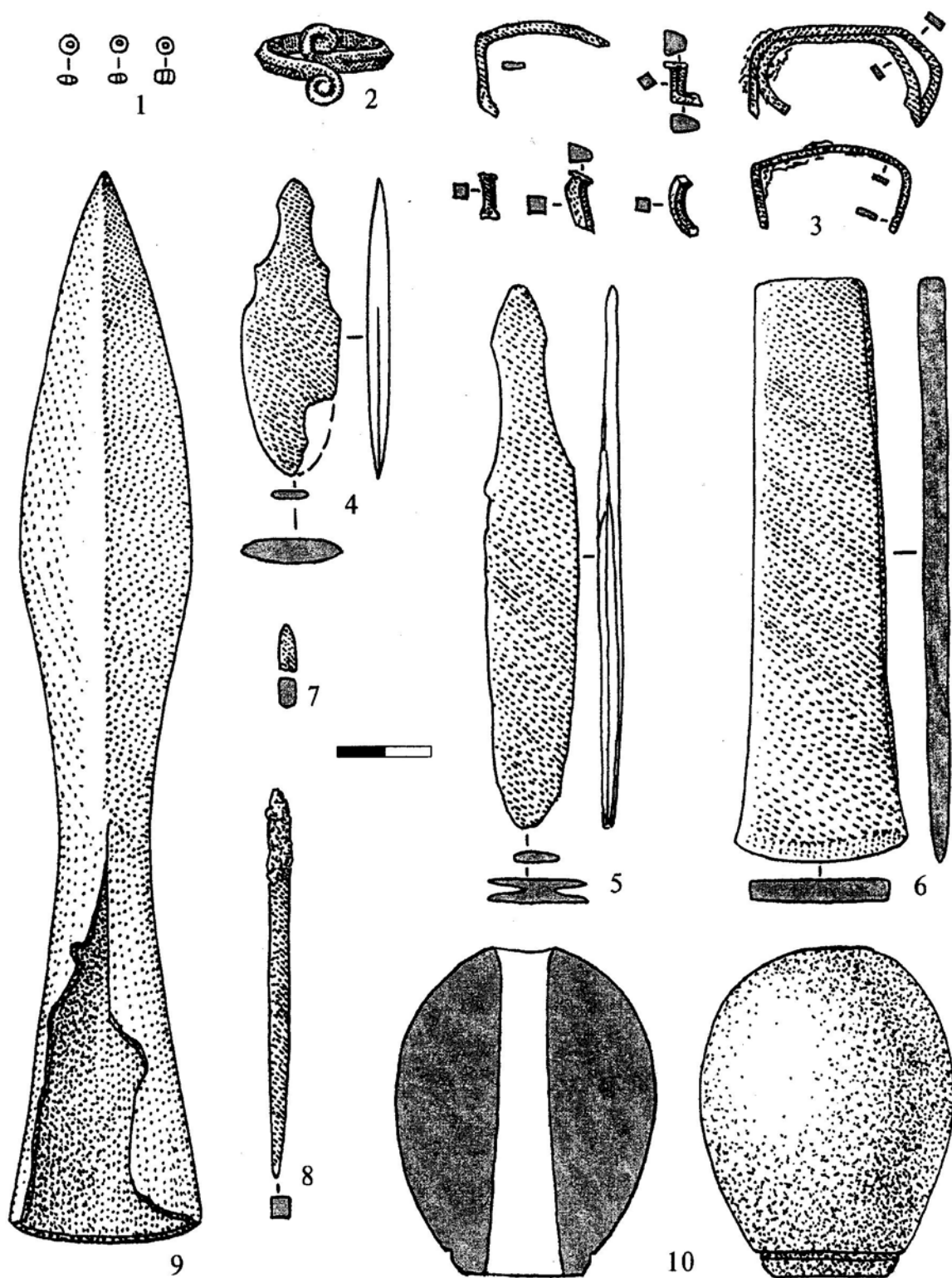

Рис. 35. Могильник Синташта. СII-7. Погребальный инвентарь
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

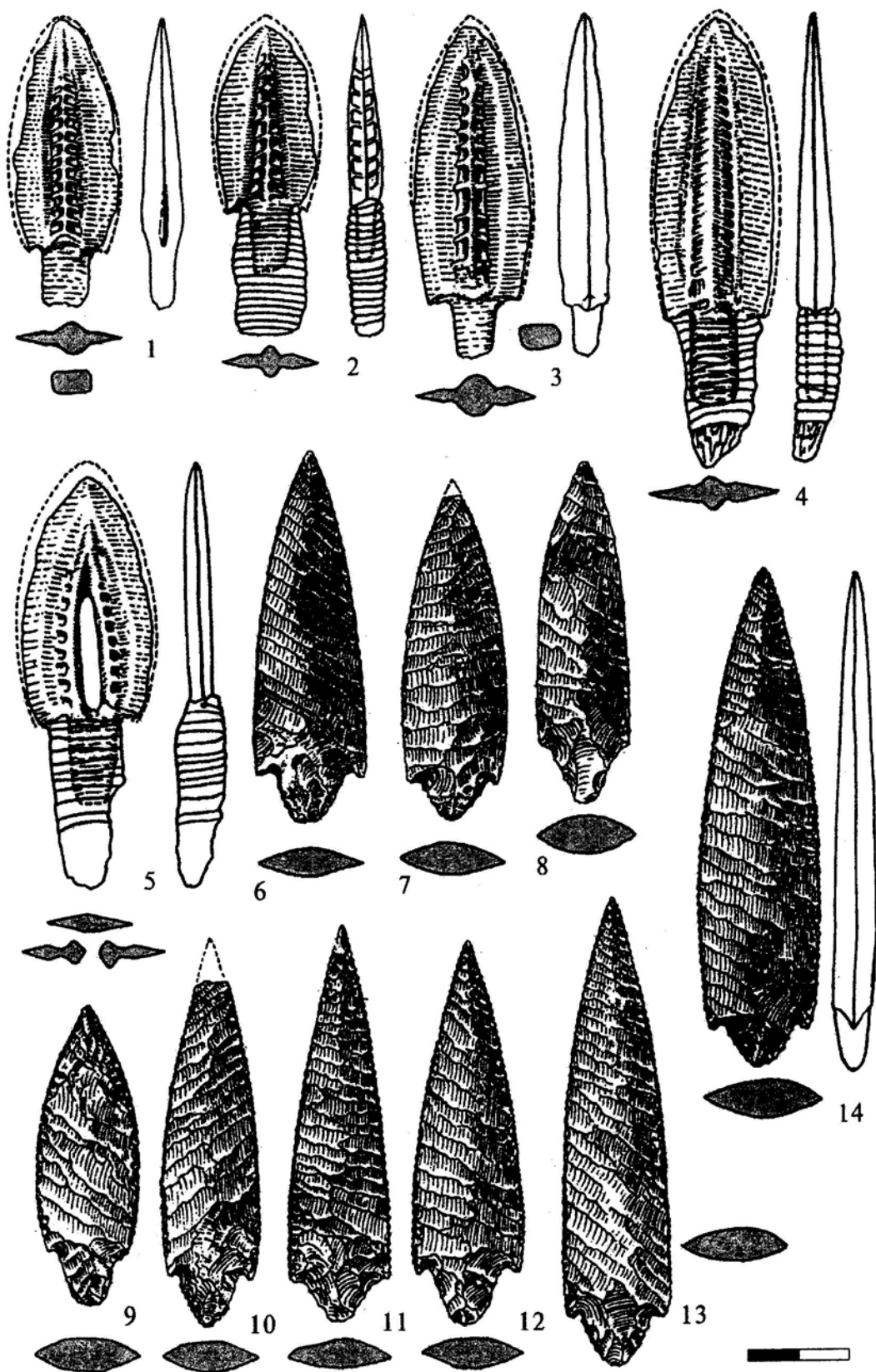

Рис. 36. Могильник Синташта. СII-7. Наконечники стрел
(по Генинг В. Ф. и др., 1992)

Рис. 37. Могильник Солнце-II. Курган 5. Погребальный инвентарь
1, 8 — Со-5-2; 2-7, 9-14 — Со-5-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	----------

Глава 1.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

§ 1.1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОГО ТИПА	5
§ 1.2. ИСТОРИОГРАФИЯ СИНТАШТИНСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ	13
§ 1.3. ХРОНОЛОГИЯ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ	22

Глава 2.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА	27
--	-----------

Глава 3.

СИНТАШТИНСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ (источники и анализ)

§ 3.1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ	33
§ 3.2. МЕТОДЫ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ	36
§ 3.3. АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	38

Глава 4.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

§ 4.1. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИНТАШТИНСКОГО ОБЩЕСТВА	52
§ 4.2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	63
§ 4.3. ГЕНЕЗИС И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	71

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	79
БЛАГОДАРНОСТИ	81
СПИСОК источников и литературы	82
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	96
СПИСОК сокращений наименований памятников синташтинского типа	97
Приложение 1	
КОД описания погребального памятника эпохи средней бронзы	98
Приложение 2	
БАЗА ДАННЫХ по погребальным памятникам эпохи средней бронзы Южного Зауралья	101
ИЛЛЮСТРАЦИИ	133

Епимахов Андрей Владимирович

**ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ
В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ**

Верстка В. Б. Феркель
Корректор А. М. Бытов
Техн. редактор А. В. Миних

Издательство Южно-Уральского государственного университета

ИД № 00200 от 28.09.99.
Подписано в печать 03.12.2002. Формат 84×108 1/16.
Печать трафаретная. Бумага ВХИ. Гарнитура Петербург.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 12, 14.
Тираж 400 экз. Заказ 535/23. Цена С.

Отпечатано в Группе МЭНП Издательства ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.